

INSPIRIA

УБИЙЦА С РЕКИ ДЖЕНЕСИ

ИСТОРИЯ МАНЬЯКА
АРТУРА ШОУКРОССА

ДЖЕК ОЛСЕН

INSPIRIA

Джек Олсен
Убийца с реки Дженеси.
История маньяка
Артура Шоукросса
Серия «Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71227714
Джек Олсен. Убийца с реки Дженеси. История маньяка Артура
Шоукросса: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-213152-3

Аннотация

Полная история маньяка Артура Шоукросса – самого парадоксального серийного убийцы, лишившего жизни сначала мальчика и девочку, а потом более десяти взрослых женщин. Одним он казался монстром без надежды на исправление. Другие видели в нем проблемного юношу, которому можно помочь.

Маленький Арти Шоукросс с детства был загадкой для психиатров: он мучил животных, разговаривал с вымышленными друзьями и неоднократно убегал из дома из-за жестокой матери. При этом он исправно получал высшие оценки, преуспевал в

спорте и делился деньгами и игрушками с детьми, которые над ним насмехались.

Повзрослев и отслужив во Вьетнаме, Артур совершает серию поджогов и краж со взломом, а затем убийство мальчика и девочки. Отсидев два срока, Артур выходит на свободу, и социальные службы селят его в городок Рочестер близ Нью-Йорка – забыв предупредить местную полицию. Спустя некоторое время в местной реке Дженеси начинают находить трупы молодых женщин, и их число быстро переваливает за десять...

Почему Артур убивал самых разных жертв – сначала детей, а потом женщин, – не как остальные серийные убийцы? Как повлияло на него насилие матери? А может, во всем виноваты жестокие сцены пыток, увиденные во Вьетнаме? И почему психиатры говорили, что он не психопат? «Убийца с реки Дженеси» – это мастерская хроника убийств одного из самых противоречивых маньяков, написанная в сотрудничестве с его близкими, родственниками жертв и детективами по его делу.

Содержание

Предисловие	9
Часть первая	13
Часть вторая	91
Часть третья	121
Часть четвертая	189
Конец ознакомительного фрагмента.	218

Джек Олсен
Убийца с реки Дженеси.
История маньяка
Артура Шоукросса

Jack Olsen

THE MISBEGOTTEN SON:

A SERIAL KILLER AND HIS VICTIMS – THE TRUE
STORY OF ARTHUR J. SHAWCROSS

Copyright © 2000–2014 by Jack Olsen

© Самуйлов С. Н., пер. на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

ДЖЕК ОЛСЕН (1925–2002) – американский журналист и писатель, один из пионеров жанра true crime, обладатель многочисленных журналистских и писательских премий.

Бывший начальник бюро Time на Среднем Западе, Олсен писал для Vanity Fair, People, Paris Match, Reader's Digest, Playboy, Life, Sports Illustrated, Fortune, New York Times Book Review и других изданий.

За выдающуюся журналистскую деятельность газета Philadelphia Inquirer называла Джека Олсена «сокровищем Америки»; Washington Post и New York Daily News считали его «наставником всех авторов, пишущих о настоящих преступлениях».

Исследования Олсена на тему преступлений обязательны к прочтению на университетских курсах по криминологии.

* * *

«Опытный и умелый писатель, Олсен доказал свою компетентность в сложной задаче изучения серийного убийцы Артура Шоукросса. Родившийся в 1945 году в северной части штата Нью-Йорк, Шоукросс еще в

детстве считался странным (одноклассники называли его чудиком, а школьные чиновники требовали психиатрической оценки). В начале 1970-х он убил двух детей и был приговорен к максимальному сроку в 25 лет заключения, но освобожден досрочно спустя менее чем 15 лет, в 1987 году.

После освобождения Шоукроссу было трудно найти постоянное место жительства: жители городков прогоняли его, как только узнавали о его преступлениях. После трех таких случаев условно-досрочные органы отправили его тайно в Рочестер, штат Нью-Йорк, где он убил по меньшей мере 11 проституток.

Шоукросс был арестован в 1990 году и в итоге получил приговор на 250 лет тюрьмы. Во время суда он утверждал, что подвергался физическому и сексуальному насилию со стороны матери и также совершал ужасные зверства во время службы во Вьетнаме. При этом он не подпадал под классические признаки социопата и не производил впечатления невменяемого. Написанная Олсеном при участии других пострадавших от преступлений Шоукросса книга «Убийца с реки Дженеси» становится триумфом криминальной литературы».

Publishers Weekly

Читая книгу, понимаешь, почему Джек Олсен считается классиком литературы тру-крайм. Мастерски выстроенное повествование – будто смотришь интересное драматическое кино с эффектными монтажными склейками.

Яна Логинова, редактор

Предисловие

Когда я встретила с бывшим психологом-криминалистом ФБР Греггом Маккрэри, мы обсуждали будущую книгу, в которую вошли бы его самые запоминающиеся дела. В одном из таких дел фигурировал Артур Шоукросс, серийный убийца из города Рочестер в штате Нью-Йорк. Маккрэри выступал консультантом по этому делу и предложил стратегию поимки убийцы.

Моя работа над книгой под названием «Неведомая тьма» состояла в помощи развитию писательского мастерства Маккрэри, а также в изучении каждого случая из его практики, поисков информации за пределами того, о чем Маккрэри мог знать раньше, например, выяснение подробностей о месте преступления и глубоком прошлом преступников. В ходе работы мне встретила эта книга Джека Олсена. Подход автора отличался скрупулезной точностью. Именно это мне и требовалось, поскольку дело Шоукросса было очень сложным.

24 марта 1989 года двое охотников наткнулись на замерзшее женское тело, одетое в джинсы и толстовку. Полиция вытащила труп из воды. Вскрытие показало, что женщина была задушена и избита ногами, а возможно, еще и искусана. Вскоре обнаружили другие тела, и полиция Рочестера обратилась за помощью к ФБР. Всего за год у специалистов

накопилось одиннадцать нераскрытых дел об убийстве проституток.

У нас были материалы расследования и протоколы опросов свидетелей, а также опыт Маккрэри, побывавшего той холодной зимой на севере штата Нью-Йорк, когда он посещал места преступлений, но этого мне было мало.

Олсен брал интервью у самых разных людей, так или иначе имевших отношение к этому делу. Также он хорошо знал окрестности Рочестера и основную территорию, на которой обнаружили трупы – живописное ущелье реки Дженеси. Он собрал весьма разнообразные сведения. Убийца оказался странным типом, бывшим заключенным, которого слишком рано выпустили из тюрьмы после двух убийств детей и который воспользовался неэффективной системой условно-досрочного освобождения в своих интересах. Это позволило ему дальше убивать, снова и снова. Даже после его поимки ситуация оставалась непростой, поскольку судебный процесс превратился в поле битвы экспертов. Чтобы рассказать такого рода историю, нужен умелый, внимательный писатель. Такой как Джек Олсен.

Он написал более тридцати книг, получил за свое мастерство ряд наград, обладает солидным опытом работы в области криминальной журналистики и полицейских репортажей. Чтобы оценить всю цельность его работы, мне хватило короткого знакомства с одной из его книг. Не просто так его называли «воспитателем авторов в жанре тру-крайм» (го-

ворят, однако, что это звание ему не нравится). Он заметно выделяется в ряду своих коллег. Читатели могут не только доверять его точности и достоверности, но и рассчитывать на то, что чтение выйдет занимательным.

Однако Олсен не просто писатель. Он еще и наставник. Он дружит с другими авторами, дает им советы и поддерживает их. Он чувствителен к социальным проблемам и системным ошибкам, а также объединяет людей, призывая их занимать твердую позицию по вопросам, которые имеют значение. Для него писательство не просто репортаж, но и *режиссура*. Он хочет взволновать читателей. Он проливает свет на темные уголки истории и делает убедительными душераздирающие истории об изнасилованиях, несправедливости или убийствах. Он никогда не забывает о качестве. По словам тех, кто тесно сотрудничал с ним, Олсен был «упертым репортером», который неустанно добивался правды.

Я оценила это как исследовательница, писательница и читательница, поэтому рада познакомить и других с версией истории о Шоукроссе, которую предлагает Олсен.

*Кэтрин Рамсленд,
автор 58 книг, в том числе бестселлеров
издания «Уолл-стрит джорнал» —
«Психопат», «Человек-хищник»
и «Разум убийцы»*

*Джеск Оуэн Блейк, Карен Энн Хилл, Дороти
Блэкберн,
Анна Штеффен, Дороти Килер, Патрисия Айвз,*

*Фрэнсис М. Браун, Джун Стотт, Элизабет
А. Гибсон,
Джун Сисеро, Мария Уэли, Фелиция Стивенс
и Дарлин Триппи – эта книга написана в память
о вас.*

*** * ***

*Внутри меня слишком много мучений, слишком
много гнева, от которого нужно избавиться! Меня
нужно было бы кастрировать или воткнуть мне в
голову электрод, чтобы остановить мою глупость,
или как это еще назвать. Я просто заблудшая
душа, которая ищет избавления от своего безумия.*

*Пожалуйста, Боже, пусть кто-то мне
поможет.*

***Артур Джон Шоукросс,
рукописный отчет,
март 1990 года***

Часть первая

Убийство на севере штата Нью-Йорк

Одним из многих тихих и приятных городков на этой территории является Уотертаун с населением 33 000 человек. О серьезных преступлениях здесь практически ничего не слышно. В окружной тюрьме редко встретишь заключенных, за которыми числятся более серьезные преступления, чем пьянство и нарушение общественного порядка.

«Ю. С. Ньюс энд уорлд рипорт», 1967 год

1.

Мэри Эгнис Блейк стояла во главе целого дома бедняков. Там жили ее собственные девять детей, беглецы и беглянки, дальние родственники, муж-алкоголик и его непутевые приятели, а также все, кто только заглядывал в этот старый деревянный дом в низине. Кофеварка, которую заправляли украденным в магазине кофе, тарахтела весь день. С тех пор как хозяйке исполнилось двадцать с небольшим, все называли Мэри Эгнис просто Ма.

– Сколько себя помню, – объясняла она, – я всегда при-
сматривала за людьми. Когда мне было пять лет, заботилась
о соседских детях, чтобы с ними ничего не приключилось.
Для этого Господь и послал меня на землю, так?

Говорила Мэри на простом, непритязательном англий-
ском, с теми его северо-восточными особенностями, кото-
рые слышны от Олбани до реки Святого Лаврентия. Соглас-
ные у нее звучали резко, гласные она коверкала до неузнава-
емости, а глаголы предпочитала слабые, попроще.

Иногда устами Мэри говорили ее умершие родители, и то-
гда выходило что-то наподобие «трясти ногой», «чтоб меня
перекосило!», «от ворот поворот» и тому подобное. В по-
вседневном общении ее голос звучал резко и гнусаво, не че-
ресчур громко, но в жарких дискуссиях он приобретал зве-
нящую остроту промышленного режущего инструмента. Со-
средоточив свое рассеянное внимание на одном объекте, она
бросала свое короткое «так?» и пристально вглядывалась в
собеседника своими темно-синими глазами. Она редко про-
игрывала в спорах и никогда не отступала.

В свои пятьдесят с небольшим эта почтенная глава семей-
ства, настоящий матриарх, была ростом почти 155 сантимет-
ров и весила 44 с лишним килограмма, а поскольку досыта
она ела редко, то фигуру сохраняла вполне компактную. Ее
обезоруживающая улыбка и лукавый ирландский взгляд на-
водили на мысль, что ее можно удивить, но не одурачить.
Нос у нее был вздернутый, кожа – чистая, лицо без морщин,

за исключением «паутинки» вокруг глаз. С годами ее волосы потемнели до каштановых с проседью. Она отращивала их почти до плеч и не особо беспокоилась о своем внешнем виде. Для беспокойства ей с избытком хватало других причин.

2. Мэри Блейк

Я родилась дома в День благодарения 1934 года в Уотертауне, штат Нью-Йорк, в пятидесяти километрах от канадской границы. Мама говорила, что я – самая большая индейка из всех, что у нее были. В семье из четырнадцати детей – семь мальчиков и семь девочек – я была тринадцатой, предпоследней.

В роду моего отца, Лоутонов, были немцы, ирландцы, индейцы и французы. Мать носила фамилию Литц, и ее родственники состояли в основном из немцев. Так что мы, дети, были полукровками. Местные называли нас «черными Лоутонами» – то ли потому, что мы жили около реки Блэк, то ли потому, что это как-то относилось к черным ирландцам¹. А может, нас окрестили так из-за образа жизни. Много раз нам приходилось воровать, чтобы поесть.

Мой отец начинал фермером в Лафарджвилле, неболь-

¹ Черные ирландцы (*англ.* Black Irish) – термин, который применяется американскими ирландцами для людей ирландского происхождения с темно-каштановыми или черными волосами, отличающимися от стереотипа про рыжеволосых ирландцев.

шом местечке к северу от Уотертауна, рядом с озером Онтарио, но земля там была слишком скудная, и он занялся бутлегерством. В прежние времена, когда виски возили из Канады, этот район называли «Маленьким Чикаго». Даже после введения сухого закона люди ходили к моему отцу, чтобы обойти налог на выпивку. Дед моего отца был английским эрлом, и большинство Лоутонов сегодня – люди состоятельные и уважаемые. Из тех, что просто так на минутку не за-скакивают.

Я родилась от отца, но в семье были и дети, которых мать прижила от своего дружка Фреда Бернэма, хотя сама она в этом и не признавалась. Отец пил, гулял с другими женщинами и бил мою мать. В конце концов он переехал жить на Фэктори-стрит, где и спился совсем. По части пьянства опыт у меня большой – в моей семье пили оба родителя, и у моих собственных детей история повторилась. Ну, если это не болезнь, то и ладно.

Моя мама одна растила четырнадцать детей в нашем деревянном доме на Уотер-стрит. Потом она позволила жить у нас Фреду Бернэму, который так и стал нашим отчимом. Пил он много и, когда напивался, поколачивал нас, а трезвым ставил в угол или заставлял стоять коленями на рисе. Однажды ночью он заявился пьяный и, подняв меня, бросил на дровяную печь. Мне повезло, что печь не была растоплена.

Когда он напивался, моя мать загоняла нас, детей, в спаль-

ню и вставляла в щель ножи для масла, чтобы он не мог открыть дверь. Как только она выходила, он избивал ее, а если замечал кого-нибудь из детей, то доставалось и нам.

Я до сих пор не понимаю, почему мама не сдала его в полицию. В те времена копы были нашими друзьями; к нам частенько захаживал сам начальник полиции. Копы патрулировали нашу улицу и заходили выпить кофе или просто погреться ночами, когда с озера Онтарио дул северный ветер и слюна замерзала на лету, не успев коснуться земли. В тридцатые годы законники еще не разъезжали повсюду в теплых машинах, так?

Отходы от фабрик вокруг в конце концов прикончили мою мать в 1970 году. «Блэк Клоусон» производил оборудование для бумажных фабрик, а «Нью-Йорк эйрбрейк» – тормоза для поездов, и над обоими этими заводами всегда стоял дым, а из труб летели искры. Литейный цех «Клоусона» грохотал так, будто взлетала ракета, и освещал весь наш район. Мы жили прямо под штабелями продукции этих фабрик, и все мое детство прошло в шуме: на запасных путях гудели локомотивы, то и дело гроыхали грузовики и другая тяжелая техника. Наш дом стоял позади другого дома, будто строители не хотели, чтобы люди видели наше жилище с улицы. Влажный речной воздух скапливался в легких у моей мамы. Облачка сажи слетали с кленовых листьев. Дождь оставлял темные следы на одежде – мы называли его черным

дождем. Запах стоял ужасный. Боже ты мой, над нашим районом всегда висели серые тучи.

Неподалеку протекала река Блэк, такая узкая, что ребенок мог перекинуть через нее теннисный мяч. Потом ее перекрыли плотиной для подачи воды. Эта река постоянно воняла. Даже спустя годы после того, как прошел последний паровоз, вода оставалась серой от сажи и угольной пыли с бумажных фабрик по обоим берегам. Тогда их было тридцать или сорок, и тянулись они до самых Адирондаков, а сейчас заводов осталось мало, по пальцам пересчитать. Вот почему молодым людям в Уотертауне никогда не хватало работы – фабрики то и дело закрывались. Их развалины и сейчас еще можно видеть на обоих берегах вниз и вверх по реке: пустые окна, обрушенные стены, груды кирпича и дерева. Просто гранд-отель для крыс и мышей! Большинство местных давно уже разъехались. Что до меня, то я родилась здесь и здесь же умру. У моих детей настрой тот же. Да, здесь шумно и грязно, здесь воняет, здесь вредно жить, но это наш дом.

Мы то и дело нуждались в деньгах, все время их не хватало. Когда я была маленькой, моя мать обычно наливала воду в кувшин и шла пешком через лес к свалке на холме Бутджек. На голову она повязывала бандану, чтобы не хватил солнечный удар. На свалке всегда воняло от шлака, кусков латуни, железа, меди, листового стекла, бумаги и дерева, которые сливались в одно месиво. Самосвалы сбрасывали свой

груз еще горячим, и люди, шесть или восемь человек, бросались к дымящейся куче и копались в ней. Моя мать зарывалась так глубоко, что мы видели только подошвы ее туфель. Если бы эта нора обрушилась, ее бы там погребло заживо. Мать вылезала, кашляя и чихая, с опаленными волосами и обожженными руками, но это ее не останавливало. Мои братья грузили добычу на тачки и отвозили все старьевщику Эйбу Куперу. Его развалы были рядом с центральными железнодорожными путями штата, которые проходили по Фэктори-стрит. Моя сестра Нэнси как-то нашла такой большой кусок латунного шлака, что увезти его смогли только на детской коляске. Это была самая крупная наша добыча.

Голодали мы редко. Если добыть на свалке ничего не удалось, мама собирала для нас пучок зелени одуванчиков, готовила их с соленой свиной и добавляла немного уксуса, чтобы усилить вкус. Иногда она собирала лесную землянику для песочного пирога. По ночам мои братья пробирались на фермы и копали картошку – собирали полуночный урожай. Нет ничего на свете хуже картофеля с соленым свиным жиром. Фермеры разводили миллионы индеек, но не дали бы тебе ни кусочка, даже если бы ты помирал с голоду. Индеек добывал Роланд. Иногда он приносил их больше, чем мы могли съесть, и тогда он продавал их в ресторан на углу, а деньги проматывал в бильярдной. Роланд всегда придумывал какую-нибудь историю, чтобы объяснить, откуда у него индейки, потому что наша мать строго-настрого запрещала

воровать.

Когда мне было десять, Роланд принес домой свинью, и мы разделали ее на кухне. Он сказал маме, что поймал ее в лесу. Красть он перестал после того, как попался полиции штата и получил штраф в пятьдесят баксов. Таких денег мы в глаза никогда не видели, но он должен был заплатить или отправиться в тюрьму.

Наверно, кража домашней живности у нас в крови. Моего любимого дядю Эрла Лоутона выгнали из Уотертауна за то, что он воровал коров. Это было, когда я еще не родилась. Выписали ордер, по которому ему грозил арест и тюрьма, если он снова появится на территории округа Джефферсон.

Мы, дети помладше, воровали нечасто и по мелочи, но кое-кто из моих братьев старался и за себя, и за нас всех. Роланд и Фредерик прибирали к рукам любой металл, который плохо лежит. Они воровали из припаркованных на бульваре тягачей с прицепом – большие коробки с кофе, шампунем, маслом для волос, овощными консервами, сардинами. Моего брата Джуниора поймали на краже большого мотка медной проволоки. Во время Второй мировой он служил рейнджером, был ранен в ногу, получил медаль «Пурпурное сердце», но все равно попал в тюрьму.

Я и мои сестры воровали помидоры с окрестных огородов. Даром не пропадало ничего, даже сердцевина. Меня застукали, когда я трясла яблоню, а сестра собирала яблоки. Одна дама направила на меня фару, и я не смогла быстро

спуститься и убежать. Мама тогда здорово меня отшлепала.

Мы не получали игрушек на Рождество, но у нас всегда была вкусная праздничная еда. Мой отец, пока не умер в лечебнице, присылал мне денежку на кино. Большую часть времени мы болтались сами по себе. Мы были бедны, но ничего лучшего и не знали. Моя мама обнимала нас и целовала каждый день. Всю свою жизнь я усердно работала и была ни капельки не против. Только так и нужно жить.

Когда мне было семнадцать, подружка проводила меня до клуба «Знак вопроса», потому что мама не разрешала мне никуда ходить одной. Там было много солдат из лагеря Кэмп-Драм к северу от города. Через какое-то время подошел один из сержантов и пригласил меня потанцевать – симпатичный парень с голубыми глазами, каштановыми волосами и ленточками на груди. У него был кривой нос, и это придавало ему какой-то необычный вид. Ростом он не был сильно больше 180 сантиметров, но плотной, крепкой фигурой напоминал боксера или строителя. Он сказал мне, что его зовут Аллен Блейк, но попросил называть Питом. Для инструктора по лыжам он определенно был тяжеловат на ноги. Я едва дождалась окончания танца.

Позже тем же вечером подруга сказала:

– Знаешь, что он спросил меня о тебе? Спросил, что делать, когда влюбляешься с первого взгляда.

Еще она предупредила его, чтобы не приставал ко мне и

не позволял себе ничего такого. Понимаете, ко мне никто даже не прикасался. Моя мама всегда говорила: «Позволишь парню баловаться с тобой – дети пойдут». И я слушалась, потому что мама шлепала больно, так?

Пит пришел к нам домой на следующий вечер, и мы поговорили. Сказал, что он из богатой семьи в Мичигане. Нос ему сломало осколком шрапнели в Корее, когда он служил в 190-м инженерном полку. У него есть медаль «Пурпурное сердце» и три боевые звезды. Свою карьеру Пит заканчивал в лагере Кэмп-Драм, где тренировал группу новичков, которые приезжали в город и каждый вечер устраивали гулянки. Пит гордился своей внешностью, любил лежать на солнышке и загорать. Люди поворачивали головы и смотрели на нас, когда мы шли по городской площади.

Он мне нравился, но я держала его на расстоянии и говорила так: «Знаешь, ты не единственный камешек на пляже». Мои подруги развлекались с мальчиками и рассказывали, как это здорово. Я позволяла Питу целовать меня, но не больше.

Ну, хотел он меня сильно. Однажды ночью даже прорвался через ворота, чтобы меня навестить. Военная полиция преследовала его, по нему стреляли, а потом разжаловали в рядовые. Он говорил, что во всем мире есть только я, а остальные – ерунда. У него всегда водились карманные деньги, а оказавшись на мели, он каждый раз писал своей матери в Мичиган, и она присылала чек. И если почта немного

задерживалась, он шел и отнимал деньги у кого-нибудь. Он даже наострился воровать у одного из моих братьев.

В конце концов я позволила ему сделать со мной это после того, как он пообещал, что больно не будет. Но было очень больно и совсем не похоже на то, что описывали мои подружки. После этого я никогда не получала удовольствия от секса, ни разу. Для меня это было просто тем, что ты позволяешь делать мужчинам.

К тому времени, как Пит закончил службу, мы встречались уже два года. Мне исполнилось девятнадцать лет, и я была на шестом месяце беременности. В тот вечер, когда его уволили, он пришел отвести меня в кино, и у него было при себе все его жалованье, триста долларов. Если когда-либо и была ночь, когда ему не стоило красть, то это была та ночь. Днем он ходил по магазинам и очень гордился тем, что носит гражданскую одежду.

Мы проехали несколько километров по дороге, и что-то шепнуло мне, что надо выйти из машины. Ни с того ни с сего я вдруг сказала:

– Останови здесь!

Господь всегда был рядом со мной, так?

Пит спросил:

– В чем дело?

– Я просто хочу выйти, – сказала я.

– Хорошо, я отвезу тебя домой.

– Я ни за что не поеду в этой машине.

Он спросил меня почему, а я и сама не знала, что сказать. Клянусь, Господь как будто протянул мне руку с небес. Было полвосьмого вечера и темно, как в брюхе у коровы.

И вот Пит поехал в город, а я направилась домой. Через какое-то время я услышала машину скорой помощи и подумала: «О боже, Пит попал в аварию!»

Было темно и страшно. Я побежала домой и всю ночь просидела, беспокоясь о нем.

На следующее утро мы с мамой слышали разговор двух дам у магазина «Ньюберри». Они говорили, что прошлой ночью стали свидетелями серьезной аварии, и какой-то мужчина ходил с пораненной рукой. Ему даже наложили на руку жгут.

Мать спросила:

– Он был совсем один?

– Да, – ответила одна из женщин.

– А что за машина?

– Купе. С откидным сиденьем.

Мы с мамой помчались в больницу. Они спросили, не жена ли я ему, я солгала и сказала «да».

Он лежал на кровати.

– Ох, разомни мне руку, – попросил он. – Болит.

Я посмотрела туда, куда он показывает, и увидела, что у него нет руки. И упала в обморок.

Оказалось, что Пит не пошел в кино после того, как я вышла из машины. Он поехал прямо на водопроводную стан-

цию реки Блэк и прихватил с собой несколько больших тяжелых труб. Мои братья Фред и Роланд все время воровали водопроводные трубы и железнодорожные рельсы и продавали их как металлолом. Пит пришел оттуда, где ему не нужно было воровать, и попал ровно туда, где воруют.

Продав товар, он возвращался к моему дому, держа левую руку в открытом окне, и его сбил пьяный водитель.

Питу предъявили обвинение в краже, но судья сказал: «Вы и так достаточно заплатили за то, что сделали». Полицейские штата не могли поверить, что всего один человек поднял и унес трубы, но он был в хорошей форме после службы в армии.

Моя мать, как узнала, что я беременна, заставила его жениться на мне. Пит не мог найти приличную работу, поэтому мы с ним нанялись на ферму Боба Гарднера копать картошку. На восьмом месяце беременности я таскала ведра по двадцать килограммов. Рабочая лошадка, прямо как моя мама!

Говорите что хотите против моего мужа, но работал он усердно. Двадцать пять лет копал картошку, водил трактор, делал все, что говорил ему Боб Гарднер. Но Пит никогда не хотел быть мужем. А когда родился наш ребенок, я поняла, что он еще и никогда не хотел быть отцом. Он всегда водился со своей компанией, напивался и часто оставлял меня без еды, так что мне нечем было кормить ребенка. Он врал направо и налево. Он не был ни любящим, ни даже просто

дружелюбным. Он *никогда* не садился за стол вместе с нами, не ел со всеми. Он говорил мне, что надо купить в магазине – обычно это был яблочный пирог, курица, печенье и соус. Я тратила на готовку целый день и говорила: «Давай, Пит. Ужин готов».

А он отвечал: «Не хочу я жрать эти чертовы отбросы». Я понимала, что его гложет. Когда-то он был лыжником, нежился на солнышке, а потом вдруг раз – и без руки остался, так? Он не смог это пережить. Ему сделали в Сиракьюсе руку, почти как настоящую, с кожей, с волосками, но он никогда ее не носил. Только другую, с крючком.

Когда ему хотелось секса, он просто спускал штаны. Он подарил мне детей, но не хотел иметь с ними ничего общего. Доктор Россен сказал ему: «Мне бы стоило взять дробовик, отстрелить эту твою штуку и привязать ее за ленточку к стене. Твоей семье было бы лучше».

Когда я была на шестом месяце беременна Дон, третьим по счету ребенком, Пит пришел домой пьяный и ударил меня ногой в живот. Потом снял свой протез и напал на меня. Я схватила его за руку и рассекла ему крючком коленную чашечку. Потом побежала по Берлингтон-стрит к дому подружки, и она велела мне сделать так, чтобы его арестовали, потому что я боялась возвращаться домой. Я умоляла старого пьяницу-судью снять обвинения, но тот отказался, и Пит отсидел полгода.

Мы ездили в Мичиган навестить его родителей, и они смотрели на меня свысока, потому что я из бедной семьи. Пит подделал чек на двести долларов на имя своего отчима, чтобы вернуться в Уотертаун, и отчим позвонил в полицию. Потом он все же снял обвинения при условии, что мы навсегда покинем Мичиган. Пит так и не смог смириться со своими потерями – сначала руки, потом семьи. Как вернулся домой, он снова принялся воровать. Его приговорили к двадцати пяти дням и двадцати пяти долларам штрафа за кражу коробки несвежего хлеба в Уэст-Картидж – такой хлеб называли еще «свиным». Вот такую мелочь он и воровал, чтобы хватило на бутылку виски – распить с приятелями или махнуть через канадскую границу и погулять с тамошними друзьями.

Когда я была маленькая, то ходила в церковь только на Рождество, но решила, что у меня будет набожная, порядочная семья, и позаботилась о том, чтобы все мои дети впервые причастились в церкви Святого Семейства. Если ты сама выросла среди воров, это не значит, что и вырастить детей ты должна такими же. Я была мамой, воспитательницей, а Пит ни разу пальцем не шевельнул. Когда наш сын Аллен-младший, «малыш Пит», убил котенка под эстакадой, я всыпала ему по первое число. Когда мои дети крали деньги с парковочных счетчиков, я сообщала в полицию и добивалась, чтобы они вернули деньги. Если они воровали в магазине, я тут

же отправляла их обратно с товаром.

Но я и защищала своих детей, из-за этого у меня неприятности с копами. Мой старший сын Ричи, когда ему было двенадцать или тринадцать, ввязался в уличную драку и побил какого-то сорванца один на один. Его мать подбежала, когда мальчишки уже помирились и пожимали друг другу руки. Эта женщина, здоровая, ростом метр восемьдесят, схватила моего сына за руки, заломила ему за спину и велела своему ребенку ударить его. Я сама мелкая, но я развернула ее и зашвырнула в пустой мусорный бак, да еще и руку ей сломала.

Судья дал мне десять дней условно и предупредил, чтобы я больше не дралась.

– Ваша честь, – сказала я, – мне, конечно, жаль, но с любым, кто поднимет руку на моего ребенка, я буду драться.

Он просто рассмеялся и отпустил меня.

Я потеряла одного ребенка, потом другого, но все продолжала беременеть. После Ричи у меня были Дебора, Дон, Сюзан, Роза. Когда родилась Робин, я сказала доктору Россену:

– Еще одна чертова девчонка. Больше не хочу никаких девчонок. Хочу мальчика.

В общем, я познакомилась с Бобом. Он был деловым человеком, хорошим парнем, неплохо зарабатывал. Он слушал меня, обращал на меня внимание, рассказывал мне о своих проблемах, о своих чувствах. Пит никогда не говорил о чувствах. Может, у него их и не было, так? Боб покупал нам

еду; не давал перевестись маслу в нашей плите зимой, пока Пит гонял в Канаду со своими друзьями. Я встречалась с Бобом тайком, пока дети были в школе. Потом мы начали встречаться в его доме. Я долго отказывала ему, а потом почувствовала себя виноватой, потому что от Боба я тоже не получала никакого сексуального удовольствия. Всегда было то, чего хотел он, а не я. И я все еще позволяла Питу делать со мной все, что он хотел, потому что он был моим мужем.

Однажды ночью мы зачали Джека на Блэк-Ривер-роуд, недалеко от местечка для машин. В детстве Джек выглядел точь-в-точь как Боб. Когда я привезла его домой из больницы, я решила, что больше не могу лгать. Я отвела своего мужа в сторону и сказала:

– Пит, ты не отец Джека. Если не хочешь с этим мириться, уходи. А если останешься, то станешь отцом для всех наших детей и будешь относиться к Джеку как к своему.

Пит схватил дробовик, хотел убить Боба. Я не знала, что делать, поэтому решила взять ребенка и вместе с ним сунуть голову в газовую духовку. Но сначала я позвонила доктору Россену и рассказала, как себя чувствую. Он сказал, что это просто послеродовая хандра, и прислал мне несколько желтых таблеток.

Пит не прикончил Боба; вместо этого он прикончил бутылку. Позже у меня родились малыши Пит и Пэм, восьмой и девятая. Наверное, они были от мужа.

Джек рос быстро. Бойкий был, всегда во что-то ввязывался. Из-за астмы он хрипел, но это никогда ему не мешало. Однажды вкручивал лампочку, держась за верх двери, а моя младшая, пятилетняя Пэт, пробегая, хлопнула дверью, и ему оторвало кончик пальца. Я обернула руку полотенцем, мы нашли Боба, и он отвез нас в больницу. Доктор отправил Боба обратно поискать кончик пальца Джека, а потом пришел, как будто так и было.

Джек всегда заботился о своем младшем брате. Когда малыш Пит упал в реку, Джек схватил его за руку и вытащил как раз в тот момент, когда тот уже уходил под воду в третий раз. У меня была племянница, так вот она утонула недалеко от того места. Река у нас такая, что временами это просто ручеек, а временами она разливается так, что любой, кто упадет в нее, утонет. Попытаешься прыгнуть и спасти, и сам тоже утонешь. Пользы от нее никакой, только людей губит. И течет на север, то есть вверх по карте. Кто когда-нибудь слышал, чтобы реки текли на север?

Однажды зимой Джек столкнул малыша Пита с катившихся санок как раз перед тем, как они врезались в дерево. Он всегда так поступал, больше заботился о других, чем о себе.

Он был не из тех детей, которые вечно попадают в неприятности. Однажды утащил буханку несвежего хлеба в магазине за углом, но я простила, потому что его отец пропил всю зарплату, и нам нечего было есть. Я и сама кое-что прихватывала, когда была голодна – так ведь все поступают, верно?

Если бы мои дети голодали, я бы разбила витрину магазина, чтобы накормить их. Но я воспитывала их честными, и они держались подальше от неприятностей. Был случай, когда Джек просунул ногу через крышу кабриолета, и владелец пожаловался полицейским, но это было просто ребячество. Еще иногда он прогуливал школу.

У него были светлые волосы, веснушки, большие уши, курносый нос, как у меня, и подвернутая стопа, из-за нее он прихрамывал. Другие мои дети называли его «маменькиным сынком». Думаю, так оно и было. Когда ему было семь лет, а у меня случился выкидыш в больнице сестер милосердия, я услышала крик за окном, это кричал Джек: «Мамочка, ты возвращаешься домой? Я скучаю по тебе». А вот мой муж так и не пришел навестить – больно устал, таская картошку.

Всякий раз, как он выходил из дома, обнимал меня и говорил, что любит. Никогда не забывал. Этим он отличался от других моих детей. Может, потому что у него другой отец, хотя он и не знал правды до тех пор, пока ему не исполнилось десять. Мне пришлось рассказать об этом после того, как он пришел ко мне в слезах и спросил, почему его не любят сестры.

Я сказала:

– Они тебя *любят*.

– Нет, мамочка, не любят. Называют меня ослом, ослиной задницей. И всегда ко мне придираются.

– Дети часто так себя ведут, Джек. Дело не в том, что ты

им не нравишься. Они *любят* тебя, сынок.

Я видела, что он все равно мне не верит, поэтому сказала:

– Джек, ты особенный малыш. *Все* тебя любят.

Он спросил, что в нем такого особенного.

Я сказала:

– Помнишь мужчину, который отвез тебя в больницу после того, как тебе оторвало кончик пальца? Он еще купил тебе торт и шоколадные батончики? – Я собралась с духом и призналась: – Так вот, это твой настоящий отец. Я была с ним, и потом у меня родился ты.

Он стоял, смотрел на меня своими голубыми глазами и только моргал. Может, и раньше подозревал что-то. Дети в этом отношении смысленные, так?

Я сказала:

– Это не значит, что ты не должен уважать Пита. Он обращался с тобой как со своим собственным ребенком все десять лет – даже *лучше*, чем со своими собственными.

И это была правда. Пит был злым, но никогда не злился на Джека. Помню, однажды Ричи вышел в снег поменять шину на нашей машине, и Пит закричал:

– Я не говорил тебе это делать, сукин ты сын. Я бы и сам поменял.

И девочки все время у него делали что-то не так. Но с Джеком он был добр. Может, из-за его больной ноги – что один, что другой, оба калеки были. А может, потому что Джек вежливо с ним разговаривал.

Джек ни слова не сказал, когда я ему призналась про отца. Просто опустил голову и ушел. Когда у него было что-то на уме, он шел к железнодорожным путям и там все обдумывал в каком-то укромном местечке.

Я не стала рассказывать про то, что Большой Пит угрожал убить его, и про то, как хотела сунуть голову в духовку. Посчитала, что ему не надо об этом знать. Просто сказала:

– Ну вот, ты и узнал о своей родословной. Всегда помни, что у тебя такой вот отец.

Пару минут спустя я увидела, что он свернулся калачиком и лежит своим белым котом. Не знаю, кто кого из них утешал. Тогда я пошла и купила ему новую пару кроссовок.

* * *

Однажды, весной 72-го, Джек пришел домой и рассказал мне, что какой-то незнакомец брал его и малыша Пита на рыбалку. Без моего разрешения! Я сказала:

– Никогда больше не подходи к этому человеку. Бог ты мой, он мог увезти тебя куда-нибудь, и я бы никогда не узнала, что случилось.

Несколько дней спустя я открыла дверь и увидела там Джека со смуглым белым мужчиной, у которого были близко посаженные карие глаза. Подбородок его был вялый. Еще длинные густые бакенбарды, такие темные, будто он их тушью покрасил. Он носил очки в черной оправе, говорил низ-

ким, рокочущим голосом и был одет в темно-синюю куртку. Джек тогда был ростом метр сорок, а этот парень выглядел примерно на полметра выше. На вид жилистый, ему было где-то двадцать четыре – двадцать пять лет. Крепкие руки, покатые плечи.

– Ма, – сказал Джек, – я только что продал Арту червей на доллар. Можно мне пойти с ним на рыбалку?

Я – ему:

– Что я тебе говорила на днях?

Тут к нам подходит Большой Пит, и тот парень, Арт, обращается к нему:

– Я на днях водил твоих ребят на рыбалку. Надеюсь, вы не против.

– *Еще как* против! – говорит Пит. Еще только полдень, а он уже пьяный. – Мы тебя в глаза никогда не видали. Никуда своих мальчиков не пущу!

Тут уже Джек вступает:

– Мамочка, Арт меня не обидит. Он мой друг.

– Мы с твоим отцом не хотим, чтобы ты приближался к этому человеку, – говорю я.

Парень отступил на шаг, и я никогда не забуду, что он сказал Джеку:

– Если твоя мама не хочет, чтобы ты пошел со мной на рыбалку, я тебя не возьму. Всегда слушайся матери. Она не хочет, чтобы ты был со мной.

Потом улыбнулся и ушел.

Я подумала – вот это, мол, хороший совет. Только удивилась, что слышала это от такого жутковатого парня.

В следующее воскресенье Пит пообещал взять мальчиков на рыбалку с утра пораньше. Джеку нравилось ходить с отцом, но порыбачить самому не удавалось. Целый день он насаживал червей на крючок для Пита, а потом просто стоял в стороне и смотрел. Было время, когда в реке Блэк водились форель, окунь, судак, но потом из-за загрязнения эти рыбы перевелись. Ловили там только сома.

Около полудня Пит все еще наливал себе последнюю рюмку, а мальчики ждали во дворе.

– Зачем ты врешь детям? – сказала я ему. – Зачем обманываешь, говоришь, что возьмешь их на рыбалку? Ты же сейчас просто нажрешься так, что из дома выйти не сможешь. Мне не нравится, что ты им врешь.

Он велел мне заткнуться. Я вышла на улицу и говорю:

– Вот что, мальчики, можете пойти поиграть, потому что ваш отец слишком пьян, чтобы взять вас на рыбалку.

Малыш Пит заплакал, но Джек только пожал плечами. Он уже проходил через это. Я дала ему доллар, чтобы он купил корм для своей белой кошки в магазине Рути на Грантстрит.

– Мамочка, – попросил он, – можно я пойду поиграю на Мейвуд-террис?

И я сказала:

– Иди куда хочешь. Просто вернись домой к ужину. Сегодня твоя очередь играть в бинго.

Я знала, что он это не пропустит.

3.

Через несколько часов после того, как Мэри Блейк попрощалась со своим сыном, Уильям «Корки» Меррок работал в своем мотеле у заправочной станции на местном шоссе 12Е. Жилистый мужчина лет двадцати с небольшим ввалился в помещение с заднего входа. Его кожаные рабочие ботинки были забрызганы грязью.

– А *ты* откуда взялся? – озадаченно спросил Меррок. Его дом находился всего в тридцати метрах от заправки, и ему не нравилось, когда из болотистого леса вдруг выходили какие-то незнакомцы.

Тяжело дыша, мужчина указал пальцем на восток и сказал, что шел пешком через лес. Он также сказал, что зовут его Арт Шоукросс и живет он в «Кловердейл апартментс». С собой у него была сломанная удочка, и он объяснил, что нашел две части в разных местах возле ручья Келси-Крик. «Интересно, – продолжил он, – что эти части подходят одна к другой». Такой у него был удачный день.

Незванный гость околачивался возле мотеля минут пятнадцать, соскребал грязь, умывался. Когда он уходил, Меррок спросил, куда тот держит путь.

Мужчина ответил, что направляется навестить родственников, живущих дальше по дороге. Меррок успокоился.

«Безобидный рыбак», – сказал он себе и сразу позабыл о нем.

4.

Мэри Блейк перебирала свои карты в Академии Непорочного Сердца и старалась не думать о Джеке. Игра в бинго позволяла ей отвлечься. Она пришла в восторг от наклейки на бампере, которую недавно увидела: «Эта машина останавливается при слове „бинго“». Другими популярными наклейками в Уотертауне были «Застраховано „Смит-энд-Вессон“» и «Магнум.357 на борту». Ей это нравилось. Она была из семьи, в которой водилось оружие.

Джек любил играть в бинго почти так же сильно, как его мать, и она не могла представить, из-за чего он опаздывает так, что пропустил и ужин, и игру.

Это было на него не похоже. Семья всегда ужинала вместе, за исключением, конечно, Большого Пита, который потягивал спиртное в соседней комнате.

Мэри пыталась сосредоточиться на цифрах. Она собиралась выйти из дома и осмотреть ближайшие окрестности, но была слишком слаба после недавней операции и не могла долго ходить. И Мэри сказала себе, что Джек, скорее всего, просто где-то играет. Он всегда крепко обнимал ее, когда она заглядывала к нему и малышу Питу перед сном. Конечно, придется его отчитать. Нельзя, чтобы десятилетние дети приходили домой на ужин, когда им, черт возьми, заблаго-

рассудится. Она отвесит ему пару оплеух и поцелует на ночь.

Мэри нужно было отвлечься с помощью выигрышной карты, но цифры не складывались. Было уже около десяти вечера, и Джозефин, подруга Мэри, предложила подвезти ее домой. Долгих тридцать пять лет, в детстве, а потом во взрослом возрасте, Мэри жила в одном и том же двухэтажном деревянном доме за Уотер-стрит, рядом с которым, вдоль реки Блэк, проходила железнодорожная ветка. Каждую весну грязная река выходила из берегов в низинах выше по течению и обрушивалась на город, словно стадо диких животных. Вот и теперь вода уже начинала подниматься.

«Если течение будет слишком бурное для рыбалки, – подумала Мэри, – Джек расстроится». Он продавал червей по пенни за штуку и так копил на новый велосипед. По ночам он выливал воду под сирень, чтобы заставить червяков выползти из-под земли, а потом собирал эти скользкие ниточки, пока Мэри наблюдала из окна, чтобы его не беспокоили местные бродяги. Еще Джек заработал тридцать долларов, разгребая снег для старушки Эгнис Томас, но его отец потратил эти деньги на виски. Джек не жаловался. Он легко относился к своим деньгам. Однажды он нашел в сугробе двадцать долларов и отдал большую их часть другу. Он не был скупым, как некоторые другие дети Блейков.

В маленьком ветхом домике было темно, когда Мэри вышла из машины своей подруги после десяти вечера. Из открытого окна доносился храп мужа. «Интересно, – подумала

Мэри, – что думают другие». Она поднялась по деревянным ступенькам и вошла в дом. Двенадцатилетняя Роза раскачивалась в большом кресле в гостиной, и вид у нее был бледный. «Бедная малышка», – подумала Мэри. Прошел месяц с тех пор, как ее девочку изнасиловали, и Роза все еще не могла ни есть, ни спать, ни что-то делать, а только сидела молча, думая о чем-то своем. Этот сукин сын обошелся с ней как зверь. Он был женатым мужчиной с детьми, клялся, что думал, будто ей восемнадцать.

Мэри поморщилась, вспомнив, как Пит отказался отвезти свою собственную дочь в больницу после изнасилования.

– Вызови сраное такси, – велел он, когда она разбудила его посреди ночи. – Я никуда не поеду.

Теперь Роза находилась под присмотром психотерапевта, и сотрудники социальной службы говорили, что ее нужно отправить в больницу, чтобы привести психику в норму.

– Ма, – сказала девочка, когда Мэри включила свет, – Джека нет дома.

Мэри с усилием сглотнула.

– Боже мой, – сказала она, – интересно, где он может быть.

Джек никогда не задерживался допоздна. *Никогда.* Он боялся темноты. Неужели убежал? Нет, не может быть. Только не ее Джек. Из всех ее детей у него было меньше всего причин уходить из дома. Она задумалась, не совершила ли ошибку, рассказав ему о Бобе. С тех пор прошла всего неделя. Но тогда мальчик вроде бы не расстроился.

– Он остался у друга? – спросила Роза.

– Нет, нет, – сказала Мэри, стараясь не выказать беспокойства.

Джек был слишком мал, чтобы оставаться у кого-то на ночь. Некоторые матери разрешали своим десятилетним детям не возвращаться от друзей, но Мэри даже и думать об этом не хотела. Место Джека вот под этой крышей, где за ним могли присматривать, – в этом они с Питом были непреклонны.

Она вошла в комнату мальчиков и посмотрела на пустую кровать. Потом растолкала малыша Пита и спросила:

– Что случилось с твоим братом?

5.

Восьмилетний мальчик не спал. Малыш Пит был эпилептиком – миловидным, невысоким для своего возраста, с темно-кариими глазами и светлыми волосами, разделенными посередине пробором. Он воровал в магазинах, из припаркованных машин и шел по пути к жизни мелкого преступника, но старался держать свой гнев под контролем, чтобы другие дети не испытывали к нему неприязни. Иногда он включал пожарную сигнализацию возле завода «Блэк Клоусон», потом бежал домой и прятался под одеялом. Он пытался уговорить Джека присоединиться к этой игре, но Джек был на два года старше и обращался с ним как с ребенком. Из-за аллер-

гии малыша Пита им пришлось отдать свою немецкую овчарку Куини, и Джек все еще горевал по ней. Иногда малыш Пит задавался вопросом, как у человека может развиваться аллергия. Может быть, из-за воровства? Он боготворил Джека и пытался проводить с ним побольше времени. Ричард, старший из трех братьев, был подростком, уже почти взрослым, и большую часть времени проводил сам по себе.

Малыш Пит сел на нижней полке двухъярусной кровати и попытался ответить на расспросы матери, не нарываясь на неприятности. Нет, он не видел Джека с самого полудня. Он знал, почему мама была так расстроена. Джек пропал. От этого у него возникло ощущение пустоты в желудке. «Что я буду делать без него?» – думал Пит. В горле у него как будто застрял кубик льда.

Мать хотела знать все до мельчайших подробностей: чем занимались мальчики в течение дня. Малыш Пит рассказал, как они отправились на Берлингтон-стрит опробовать новый велосипед Багза Ларосы. На полпути вниз по склону Джек упал и сломал рычаг переключения передач.

– Я звоню в полицию! – завопил Багз.

– Меня ни один коп не поймает, – пробормотал Джек, и оба мальчика побежали в сторону Ист-Мейн-стрит. Затем Джек отправился навестить свою подругу в «Кловердейл апартментс», недорогое государственное жилье в нескольких кварталах от дома. С тех пор малыш Пит не видел своего брата.

– Боже мой, – сказала мама, тряся его за худые плечи, – почему ты мне раньше об этом не сказал?

– Ма, ты меня не спрашивала, – ответил ей восьмилетний сын.

Было еще кое-что, о чем мальчик не сказал матери. Оба родителя предупреждали его и Джека держаться подальше от того рыбака, но они не послушались.

Впервые они столкнулись с этим мужчиной месяцем ранее, когда он стоял на берегу реки напротив их дома и ловил рыбу на червя.

– Чувствуешь, как пахнет вода? – сказал ему Джек. – Эту рыбу есть нельзя.

– Мне просто нравится ее ловить, – ответил мужчина.

Мальчики остались посмотреть, как у него получается. Некоторые рыбаки терпеть не могут посторонних, но этот казался дружелюбным. Он был аккуратно одет и выглядел опрятным. Он представился им как Арт. Забросив червяка в воду, он прислонил удилище к камню. Леска сначала натянулась, но потом ослабла.

– Упустил, – сказал мужчина, подходя ближе.

Червяк остался нетронутым. Мальчики обменялись взглядами. В этой канаве не было ничего, кроме окуней размером с ладошку.

Минут через сорок пять мальчики перешли железнодорожные пути и направились к дому. О той первой встрече с мужчиной они не рассказали маме, зная, что та бы только

разозлилась. В теплую погоду вдоль реки спали бродяги, а когда становилось холодно, они ютились в товарных вагонах на запасном пути. Мэри Блейк всегда говорила о них как о злодеях, которые делают с мальчиками всякие плохие вещи.

Через несколько дней после того, как родители дали Арту от ворот поворот, Джек и малыш Пит заметили его на старом железном мосту возле завода «Блэк Клоусон». Он шел, поглядывая в сторону их дома. Увидев их, Арт, похоже, обрадовался.

– Ну что, ребята, не хотите пойти со мной ловить форель? – спросил он.

– Мама и папа сказали нам не ходить с тобой на рыбалку. И им не нравится, если мы бываем у реки, когда вода высоко.

В реке Блэк каждую весну кто-нибудь тонул, и тела в воде находили не всегда.

Мужчина сказал, что идет вверх по течению, за плотину, где вода спокойная.

– Давайте так, – сказал он, – я все улажу с вашими родителями, когда мы вернемся.

Братья решили, что так все будет в порядке. Мамы не было дома, а отец был пьян.

На мосту Восточного бульвара, в нескольких километрах вверх по реке от их дома, Арт поставил удочку, а мальчики наблюдали. Рыба не клевала, но мужчине, похоже, было все равно. Он был слишком занят – болтал без умолку. Рас-

сказал, что водит грузовик на городской свалке. Малыш Пит еще подумал, что раньше он вроде бы говорил про какую-то другую работу, но решил, что ослышался. Ему было всего восемь, и он не всегда соображал как следует.

Арт посоветовал им никогда не ходить к реке в одиночку. Сказал, что ему они нравятся, и он был бы не прочь брать их с собой в любое время. Объяснил, что у него есть пара сыновей, но жена не разрешает им рыбачить с ним.

– А почему не разрешает? – спросил Джек.

– Не знаю, – ответил Арт.

Он вел себя так, будто для отца нет ничего необычного в том, чтобы взять на рыбалку чужих детей, а своих оставить дома. Он сказал, что у него квартира в «Кloverдейл апартментс», и пригласил их в гости. Похоже, ему особенно нравился Джек – он чаще обращался к нему и ерошил его белокурые волосы.

Примерно через час Арт объявил, что проголодался, и повел их на рынок на соседнюю Стейт-стрит. Потом они направились по Беррвилл-роуд к гравийному карьере Марцано, где Арт разогрел на небольшом костре кусочек завернутого в фольгу бекона. Пока они ели, мужчина рассказал, что научился готовить во Вьетнаме. Еще он поведал, как убил пару вьетконговских лазутчиков, а потом выяснилось, что это были просто маленькие девочки.

– Меня это так расстроило, – признался он.

Возникало ощущение, что ему так и не удалось с этим

справиться.

– Меня ранило шрапнелью во Вьетнаме. И я до сих пор иногда отключаюсь.

Он вытащил из кармана журнал и показал фотографии обнаженных женщин.

– Классные сиськи, да? – сказал он и указал на некоторые другие части тела.

Он рассказал мальчикам, как однажды «завел» свою жену и как она стонала. Малышу Питу это показалось глупым. Джек только рассмеялся.

Они пробыли вместе около трех часов, когда Арт предложил им половить форель в ручье рядом с каменоломней. Малыша Пита он взял за руку, а Джек неторопливо шел впереди.

– Эй, – окликнул его Арт, – вернись, иди с нами!

Джек прибавил шаг. Когда он оторвался от них метров на десять, Арт сильно, до боли, сжал руку малыша Пита.

– Заставь своего брата вернуться, – зло приказал он.

– Зачем? – спросил Пит и попытался высвободиться.

Арт схватил его за рубашку и брюки, а затем поднес к краю карьера.

– Я его брошу! – крикнул он Джеку. – Сейчас же вернись!

Малыш Пит посмотрел вниз – карьер был метров шесть глубиной – и взвизгнул от страха.

– Джек!

Джек тут же вернулся, Арт опустил Пита на землю и рас-

смеялся, сделав вид, что пошутил. Не говоря ни слова, мальчики побежали прочь. Малыш Пит так испугался, что выскочил прямо перед машиной на Стейт-стрит.

– Там пареньь наверху, – закричал он водителю, – он...

Машина замедлила ход, но потом просто умчалась.

Мальчики ни словом не обмолвились матери о случившемся, но отцу рассказали, что сбежали от странного парня по имени Арт в каменоломне. Пит Блейк покраснел и сказал:

– Опять этот мудила? Моя маленькая девочка в чулане о нем позаботится.

«Маленькой девочкой» он называл свой дробовик.

– Нет, папа, – сказал Джек, – на самом деле с ним все нормально. Он служил в армии, как и ты.

После того как мать вышла из детской спальни, малыш Пит попытался выбросить рыбака из головы и заснуть. Он сказал себе, что Джек скоро вернется. *Должен* вернуться. Ведь они не просто братья, а еще и лучшие друзья.

6.

В 22:30, после игры в бинго, Мэри начала обзванивать соседей, родственников, товарищей Джека по играм. Она вновь попыталась разбудить мужа, но тот даже не пошевелился. Мэри взяла за руку Розы, и они пошли по темным улицам, зовя Джека.

Не найдя сына, она вернулась домой и позвонила в полицию.

– Мой сын не вернулся домой, – сказала Мэри. Ей ответили, что они не могут принять официальное заявление о пропаже человека, пока не пройдет двадцать четыре часа, но пришлют своего сотрудника.

Было уже за полночь, когда на подъездную дорожку въехала патрульная машина. Полицейский в форме через открытое окно посоветовал ей поговорить с друзьями Джека.

– Я так и сделала, – сказала она.

– Бывало ли такое, что ваш сын не приходил домой ночевать?

– Нет. Никогда. Он боится темноты. Он либо ранен, либо с ним случилось что-то еще.

Потом она вспомнила мужчину по имени Арт, который приходил к их дому. Мэри сама удивилась, почему не подумала о нем раньше. Она рассказала полицейскому, что он, как ей показалось, интересовался ее мальчиками, особенно Джеком.

Полицейский спросил:

– Как зовут этого парня? Где он живет?

Она попросила его подождать. Малыш Пит сидел на краешке кровати.

– Тот рыбак, – сказала она. – Как его зовут?

– Арт, – ответил мальчик.

– Кто такой этот Арт?

– Просто... Арт.

– Где он живет?

– Наверное... может быть, в «Кloverдейле».

Мэри передала информацию полицейскому и протянула ему фотографию Джека. После того как патрульная машина уехала, она сварила еще кофе и закурила еще одну сигарету. Она не знала, что делать, и чем больше думала об Арте, тем сильнее проникалась подозрением, что он имеет отношение к исчезновению сына. Она мерила шагами гостиную, а бедная измученная Роза пыталась ее утешить. Все остальные спали. «Джек никогда не убегал, – думала Мэри. – Он счастливый ребенок. Ни один из моих детей никогда не убежал из дома...»

Белый кот Джека потерялся о ее ногу. Он забрел с улицы в его жизнь, как и все другие его домашние животные – черепахи, змеи и птицы. С ними ему было комфортно. Она подумала, что Джек никогда бы не бросил своего кота.

Мэри снова проверила комнату мальчиков. Малыш Пит лежал на нижней койке с закрытыми глазами. Казалось, ничего не изменилось, все на месте. Бейсболка Джека висела на гвозде.

– Пойдем, – сказала она Розе.

– Куда? – спросила дочь.

– В «Кloverдейл».

Большая часть Уотертауна располагалась выше по скло-

ну от их дома, стоявшего в низине, у реки. Они поднялись по Перл-стрит до Старбак-авеню, прошли шесть кварталов вдоль «Нью-Йорк эйрбрейк» рядом с двумя огромными дымовыми трубами с выцветшими буквами NYABC. У Мэри кружилась голова; она еще не до конца поправилась после операции по женской части двумя неделями ранее. Шел дождь, и она шлепала по лужам, но почти не замечала этого. Ни мать, ни дочь даже не надели дождевики. Бедная девочка всю дорогу плакала; после изнасилования она стала всего бояться. Но Мэри не могла оставаться одна.

Двухэтажный кирпичный жилой дом резко выделялся на фоне большой игровой площадки позади него. Патрульная машина остановилась у дома как раз в тот момент, когда они подошли, и Мэри узнала полицейского, который приходил к ним. Он не стал возражать, когда они последовали за ним через мокрую лужайку в офис, где он просмотрел список квартиросъемщиков. В сопровождении Мэри и Розы полицейский постучал в дверь квартиры 233.

Мужчина, которого они знали под именем Арт, открыл дверь так быстро, как если бы уже увидел их в окно. В квартире за его спиной было темно, но он был полностью одет. Рядом стояла женщина в халате.

Начало разговора Мэри слышала плохо, но мужчина, похоже, говорил спокойно.

– Где Джек? – закричала она. – Где мой сын?

– Джек Блейк? – спросил Арт. – В последний раз я видел

его на бетонных блоках в парке.

– Когда это было?

– Сегодня днем. Он играл с мальчиком по имени Джимми.

Полицейский задавал еще какие-то вопросы, но Мэри их уже не слышала. Потом дверь квартиры захлопнулась, и он направился к машине. Мэри поспешила за ним.

– Что еще он вам сказал? – спросила она.

– Ничего.

– Но... этот парень крутился возле Джека.

– Леди, мы не можем арестовать человека только за то, что он где-то крутился.

Мэри и Роза поплелись обратно на Уотер-стрит. Полицейский не предложил их подвезти, а Мэри не попросила. Все пошло не так.

Вернувшись домой, она размешала кофейную гущу горячей водой и вскрыла еще одну пачку сигарет. Врач приказал ей бросить курить до тех пор, пока она полностью не оправится после операции, но ей нужно было чем-то себя занять.

Она отправила Розу спать, но девочка сказала:

– Ма, я не могу уснуть.

– Мы больше ничего не можем сделать.

Мэри опустилась на стул и задумалась. «Может быть, мне следовало держать рот на замке насчет его настоящего отца». Каждую среду Джек ходил в церковную школу при Академии Святого Сердца; он сам так решил. Ее сын был восприимчивым, религиозным мальчиком, и, возможно, для него

стала шоком новость о том, как он был зачат.

Она решила прояснить ситуацию, как только он вернется домой, рассказать, как Большой Пит гулял направо и налево, оставлял без еды ее и девятерых детей, никогда не разговаривал с ней, не проявлял к ней ни доброты, ни любви. Джек выслушает, поймет и никогда больше не будет уходить из дома.

Мэри просидела так всю ночь, репетируя свои реплики.

7.

В полицейском управлении Уотертауна не обратили особого внимания на исчезновение Джека Блейка. Сотрудников, заступивших в новую смену, не проинформировали о случившемся, телефонный звонок матери не был зарегистрирован, а выезжавший к Блейкам патрульный не подал никакого заявления. Игнорировать Блейков было нетрудно. В поле зрения полиции они попадали как пьяницы и воры. Каждый полицейский в городе знал, чем занимался Аллен «Большой Пит» Блейк в ту ночь, когда ему оторвало руку. Увечье было возмездием за его грех.

Мэри на общем фоне выглядела женщиной вполне достойной и честной, пытающейся выживать в трудных условиях, но в их роду хватало и таких, кто мог украсть даже хром с гроба. Ее старшего сына Ричи подозревали в четырех кражах со взломом, так что он, спасаясь от обвинений, за-

писался в армию и уехал за границу. Другой ее сын, малыш Пит, когда ему было всего шесть лет, украл транзисторный радиоприемник из машины начальника полиции. Мэри заставила его вернуть приемник с извинениями, но копы заподозрили, что он не отказался от своих воровских привычек, как и его брат Джек.

Кроме того, тогда же, весной 1972 года, множество детей убежали из дома и отправлялись бродяжничать. Отследить каждого из них было невозможно. Много лет назад Уотертаун был важным центром производства бумаги, но потом, на протяжении большей части XX века, городу было практически нечем удерживать молодежь. Заброшенные фабрики вдоль реки Блэк кирпич за кирпичом обрушивались в воду. Депрессия тридцатых годов на севере штата Нью-Йорк по-настоящему так и не закончилась, а процветания Уотертауну не принесла даже Вторая мировая война. Место это было трудное для жизни, бедное, неразвитое, замкнутое и неприветливое. Его социальная ткань истончилась из-за суровой погоды, борьбы за рабочие места, политического кумовства, нехватки ресурсов, алкоголизма, кровосмешения. Постоянные тяготы и лишения вели к озлоблению, ксенофобии и клановости среди жителей. Чужакам здесь не доверяли. Когда на публичном собрании одна женщина с гордостью указала, что родилась в соседнем округе, ей презрительно ответили: «Это все равно далеко».

Бывший городской чиновник описал Уотертаун как «сту-

денческий городок без студентов – сплошь городские маргиналы». Культурный уровень, как правило, был низким, государственные услуги сведены к минимуму, самыми популярными видами деятельности были выпивка и секс. Молодые люди уезжали отсюда вагонами. Какого полицейского взволновало бы исчезновение еще одного ребенка в таком унылом месте?

8.

На рассвете Мэри Блейк встала со своего кресла-качалки и побрела в молодую рощицу за домом, выше по склону. Джек часто уходил туда поиграть. Браконьеры, пробираясь между чахлых кленов, устраивали там охоту на оленей, ставили силки на кроликов. В депрессивном Уотертауне браконьерство было чем-то вроде кустарного промысла, и Блейки тоже им не брезговали.

Мэри думала, что Джек, может быть, лежит где-то без сознания. В их семье страдали эпилепсией, и у него мог случиться приступ. По узкой тропинке она поднялась на холм Буюк и вышла на поляну недалеко от свалки, где ее мать в прошлом собирала шлак. Кто-то нацарапал круг в грязи, возможно, для игры в марблс. В середине круга виднелись следы лап собаки и босых ног ребенка. Присмотревшись внимательнее к следу, она заметила, что средний палец на ноге был удлинённый, как у Джека. Рядом виднелся отчетливый

отпечаток обуви взрослого человека.

Она прошла к любимому месту Джека возле железнодорожных путей, но там никого не было. Вернувшись через час домой, Мэри увидела, что муж разговаривает с ее старшим братом Роландом. Большой Пит сказал, что парень по имени Арт появился у дома несколько минут назад и спросил, может ли он присоединиться к поискам Джека.

– Я видел этого засранца раньше, – сказал Роланд. – Он работает на городской свалке.

– Что ты ему сказал, Пит? – сердито спросила Мэри.

– Сказал, что нам не нужна его помощь.

Большому Питу пришлось уйти на работу, а Мэри осталась с братом. Не дождавшись полицейских, Роланд послал копов к черту и начал собственные поиски в кустах и среди столетних гор мусора, выросших за заводом «Блэк Клоусон» на другом берегу речушки. Мэри не отходила от телефона. Мысли ее снова и снова возвращались к Арту. Прошлой ночью этот мужчина выглядел достаточно спокойным, напомнила она себе, но почему он не спал и ждал полицию в три часа ночи, если не сделал ничего плохого?

В полдень она оставила Розу присматривать за другими детьми и вернулась той же дорогой к «Кloverдейл апартментс». У нее пересохло во рту и резало в глазах. Шлепая по лужам, оставшимся после ночного дождя, она добралась до места.

На этот раз дверь квартиры 233 приоткрыла невысокая

женщина с темно-кариими глазами. За ее спиной был едва виден мужчина.

– Тот мальчик, Джимми, – сказала Мэри. – Вы запомнили его фамилию?

– Да, – ответил мужчина. – Джимми Найт. Живет где-то здесь, неподалеку. Он часто тут играет.

Он сказал это так сухо, безразлично, что у Мэри возникло неприятное ощущение. Не ошиблась ли она? Этот мужчина в глубине комнаты – действительно тот самый парень, который водил ее мальчиков на рыбалку? Но потом он повернулся к свету, и она узнала его. Это несомненно был он, Арт. И только он мог привести ее к Джеку. Может быть, он обидел ее сына. Может быть, остались пятна крови...

– Я хочу посмотреть на твою куртку, – выпалила Мэри. – Ту, темно-синюю, в которой ты приходил к нам домой.

В разговор вмешалась женщина. Она сказала, что постирала куртку и носит ее сама.

– Ты не можешь ее носить, – возразила Мэри. – Ты в два раза крупнее его.

Мужчина ушел в глубь дома, и дверь захлопнулась. Мэри колотила по ней кулаками, но ей уже не отвечали.

Она вернулась на игровую площадку и нашла мальчика, который сказал ей, что накануне играл с Джеком и другими детьми.

– Потом подошел Арт и заговорил с Джеком, – вспомнил мальчик.

– Какой Арт? – спросила Мэри.

– Я знаю только одного, – мальчик указал на угловую квартиру. – Джек спросил, могут ли они пойти порыбачить, и Арт ответил, что у него нет червей. Джек сказал, что черви есть у него дома. Потом он ушел.

– С Артом?

– Не знаю. Я не обратил внимания.

Мэри поспешила домой по Старбак-авеню. Сердце ее колотилось как бешеное. Дома она открыла большую коробку с червями. Коробка была пуста.

Она позвонила в полицию и сообщила, что мужчина по имени Артур Шоукросс взял ее сына на рыбалку, и мальчик не вернулся. Полицейский на другом конце провода, похоже, ничего не понял.

– Шоукросс, – повторила она. – Арт Шоукросс! Он живет в «Кloverдейл апартаментс». Это не мой сын.

Весь разговор был похож на дурной сон. Мэри хотела, чтобы Шоукросса арестовали, но полицейский отказался. Когда она попыталась объяснить, он велел ей не вешать трубку, а затем вернулся и сказал, что никакой Джек Оуэн Блейк пропавшим без вести не числится.

– Он точно есть в списке, – сказала Мэри. – Я сама о нем сообщила.

– Когда?

– Прошлым вечером. В десять тридцать или в одиннадцать.

Полицейский велел подождать еще час или около того и перезвонить; возможно, ему удастся составить протокол.

9.

К утру вторника, через два дня после того, как Мэри Блейк попрощалась со своим сыном, она так ни разу и не поспала. У нее заканчивались запасы кофе, сигарет, таблеток для похудения и от нервов. Насколько она могла судить, сотрудники полиции еще не начали поиски. Она позвонила в газету «Уотертаун дейли таймс», чтобы попросить о помощи, и репортер пообещал написать статью о Джеке. Он спросил, во что был одет ее сын, и она ответила:

– Светло-зеленая куртка, черные брюки, новые черные кроссовки. И футболка с надписью: «Я веду себя по-другому, потому что я *и есть* другой». Его любимая.

Когда она позвонила в полицию, чтобы спросить, арестовали ли они Шоукросса, ей любезно сообщили, что полицейские проверяют сообщение о некоем мужчине, который вел какого-то мальчика в Пул-Вудс.

– Это он и Джек! – воскликнула Мэри. – «Кловердейл апартментс» неподалеку оттуда.

Пул-Вудс был жутким местом, где когда-то нашли двух повешенных самоубийц.

Полицейский пообещал посмотреть, что может сделать для нее.

– Посмотреть, что *можете* сделать? – горько усмехнулась Мэри. – Я вам скажу: вы можете пойти и поискать моего сына. Вы можете арестовать этого Шоукросса!

– Леди, – сказал полицейский, – у нас должна быть для этого веская причина. Это не телепередача.

Она подождала еще несколько минут, а затем начала обзванивать чиновников. Свою помощь пообещал сенатор от штата. Мэр Тед Рэнд распорядился незамедлительно начать поиски. Ирвинг Энджел, шериф округа Джефферсон, поручил это дело своему заместителю. «Наконец-то, – сказала себе Мэри, – я привлекла их внимание».

Около полудня в дверь постучал городской инспектор по делам несовершеннолетних. После ее последнего звонка прошло меньше часа.

– Я только что обыскал Пул-Вудс, – доложил полицейский. – Вашего сына там нет.

Мэри растерялась.

– Так быстро обыскать Пул-Вудс нельзя, – возразила она. – Там сплошные болота.

Инспектор сказал, что он вырос неподалеку, хорошо знает район и что никакого ребенка, ни живого, ни мертвого, в Пул-Вудс нет. Когда она спросила, как ему удалось остаться сухим после поисков, он повернулся и ушел.

– Ты чертов лжец! – крикнула ему вслед Мэри.

Когда в полиции ей сообщили, что никаких поисков больше не планируется, она сама поспешила в Пул-Вудс. Кое-где

под прелыми листьями еще лежал грязный снег. Пришла весенняя оттепель, и земля понемногу оттаивала. Продираясь через подлесок, Мэри почувствовала острую боль в животе. Она едва успела вернуться домой, когда ее вырвало.

В тот же день она прочла заголовок в «Таймс»: *«В городе пропал мальчик десяти лет»*. Репортер сдержал обещание. Короткая статья начиналась так: «Сегодня городская полиция продолжила расследование исчезновения Джека О. Блейка, 10 лет, живущего по адресу Уотер-стрит, 525, который пропал без вести в воскресенье днем».

Мэри подумала: *«Какое расследование продолжается? То, что провел тот инспектор по делам несовершеннолетних?»* Далее в статье приводились слова Джозефа К. Лофтуса, недавно назначенного начальником полиции Уотертауна. Он заявлял, что у него не хватает людей.

Мэри порадовалась, увидев в газете описание Джека. Теперь весь город будет настороже. Порадовалась она и тому, что статья содержала ее критику в адрес полицейских: «Мать пропавшего мальчика, миссис Мэри Блейк, сегодня заявила, что полиция не приложила достаточных усилий к поискам ее сына».

«Может быть, – подумала Мэри, – это заставит их пошевелить своими толстыми жопами». Она позвонила в полицию. К ее удивлению, детектив подтвердил, что Арт Шоукросс почти наверняка и есть тот самый человек, который в воскресенье повел Джека в лес. Проверка в архивах показа-

ла, что человек по имени Артур Джон Шоукросс отсидел два года в тюрьмах штата под названиями «Аттика» и «Оберн» за кражу со взломом и поджог, а потом был условно-досрочно освобожден. Живет он в «Кловердейл апартментс». В растлении малолетних его не замечали, но его собственные версии контактов с Джеком в воскресенье противоречили одна другой.

– Так почему, черт возьми, вы его не арестуете? – спросила Мэри, зная о процедуре условно-досрочного освобождения. – Вы не можете задержать его на сорок восемь часов?

Детектив попросил ее набраться терпения.

– Прежде чем мы сможем что-либо предпринять, нам нужны доказательства совершенного преступления. Шоукросс сказал, что когда видел вашего сына в последний раз, тот играл в квартале за «Кловердейлом». Мы снова поговорили с этим мужчиной, и он сказал, что высадил Джека у плавательного бассейна Норт-Джуниор. Так что он рассказывает две разные истории.

– Арестуйте его! – потребовала Мэри. – Встряхните его как следует.

Она вспомнила, как копы забирали ее сына Ричи и других членов ее семьи, а затем избивали их.

– Я уже *говорил* вам, миссис Блейк, – сказал детектив, – у нас нет доказательств преступления.

В его голосе слышалось нетерпение.

– У нас даже нет тела.

– Тела? – спросила Мэри. – Так вы этого ждете? Чертова тела? Джек обязательно должен умереть?

Полицейский продолжал настаивать на том, что у него связаны руки.

– Тогда на кой черт вы нужны? – сказала Мэри и швырнула трубку.

Она снова помчалась в «Кloverдейл апартментс». Шоукросс был на лужайке перед домом, где она и столкнулась с ним нос к носу.

– Ты сказал копам, что был с Джеком, – закричала она пронзительным голосом, – и я хочу знать, где мой сын, прямо сейчас!

Шоукросс быстро шагнул к своей двери и пробормотал:

– Я подбросил твоего сраного сына до школы Старбак.

«Ах ты подлец, – подумала Мэри. – Рассказываешь уже третью историю. *Что ты сделал с моим Джеком?*»

10.

В четверг 11 мая, на третий день после исчезновения мальчика, известие об этом достигло города Осуиго, расположенного в восьмидесяти километрах к юго-западу от озера Онтарио, и городская спасательная команда вызвалась прибыть с инфракрасным оборудованием и начать профессиональные поиски. Всего за день до этого глава Уотертауна

Лофтус публично пожаловался, что у него недостаточно людей для выполнения поисковых работ, но в порыве местечковой гордости отклонил это предложение. От помощи спасателей из города Осуиго отказались.

Мэри Блейк понимала, что полицейское управление считает Джека беглецом, а его мать досадной помехой. Один доброволец-поисковик подтвердил ее вывод, сообщив о небрежном комментарии городского детектива: «Этот мальчик не хочет, чтобы его нашли».

В тот день Мэри прочитала в «Таймс» следующую заметку:

Комментируя сообщение миссис Мэри Блейк, матери мальчика, о том, что люди видели, как какой-то мужчина вел ребенка в лес, шеф полиции Лофтус назвал это утверждение необоснованным.

«Мы допросили этого человека, и данное сообщение не подтвердилось. Делаем все, что можем, и уже проверили все варианты. Мы поговорили с друзьями мальчика, и нам сказали, что он покинул наш район».

Мэри выругалась про себя. *«Покинул наш район»?* Если шеф полиции освободил этого психа Шоукросса от подозрений, то каким, черт возьми, расследованием он *занимался*? Она знала, что копы искали не везде и что ее сын не «покидал наш район», по крайней мере добровольно. У Джека астма, и ему требовались лекарства. Либо он сейчас с кем-то, либо с ним что-то случилось. Мэри согласилась со сво-

ей дочерью Рози: копы просто не горят желанием помогать бедным.

Она позвонила в лагерь Кэмп-Драм, последнее место службы своего мужа, и спросила, можно ли отправить солдат на помощь в поисках ее сына. Полковник Фрэнк У. Фрейзер ответил, что ему потребуется официальный запрос от городских властей. По настоянию Мэри он предложил прислать добровольцев.

Воодушевившись, она связалась с пожарными службами, полицейским участком штата Нью-Йорк и другими организациями, и к тому времени, как зашло солнце, неофициальные поисковые группы уже прочесывали подлесок в Пул-Вудс, осматривали хозяйственные постройки за торговым центром «Сиуэй» и проверяли овощеводческие фермы к северо-востоку от «Кловердейл апартментс». Работники Армии спасения организовали передвижную столовую, и Мэри всю ночь разливала кофе.

11.

На рассвете в четверг роту взмокших национальных гвардейцев вывели из Пул-Вудс. Сержант доложил, что никаких следов Джека они не нашли. Мэри упростила его продолжать поиски. Мужчины съели пончики, выпили кофе и опять ушли прочесывать лес.

Поздно вечером того же дня, еще в столовой, она узнала о последнем решении полиции Уотертауна. Шеф полиции Лофтус заявил: «Мы проверили все места в городе, где, по нашему мнению, мог быть мальчик».

Дело было закрыто.

К рассвету пятницы число добровольцев сократилось до всего лишь нескольких, включая одного патрульного, который находился не при исполнении служебных обязанностей, и двух помощников шерифа. Мэри не спала уже пять дней. Ее руки дрожали, когда она подавала кофе, и она то и дело проливала его на себя.

Ее подруга Генриетта Томас, шокированная состоянием Мэри, позвонила семейному врачу Блейков и сообщила, что его пациентка вот-вот свалится с ног. Доктор Россен велел Мэри лечь в постель и прислал экстренный запас торазина.

Она проглотила три таблетки и начала заново всех обзывать, пытаясь привлечь больше участников к поискам. Во время разговора с двоюродной сестрой Мэри упала в гостиной. Перед ее глазами возникали смутные картины; ей казалось, что она парит над своим телом и смотрит вниз. Она увидела круг и следы ног, которые заметила на следующее утро после исчезновения Джека. Над лицом посередине круга развевался черный плащ. Но как ни старалась, она так и не смогла разглядеть его черты. «О боже, – подумала Мэри, – неужели это Джек? Почему я не вижу его лица?»

Она заставила себя подняться, когда Большой Пит вернулся домой с работы и зацепил плечо своим крюком. Она прикинула время и поняла, что проспала около часа. Пришло время ужинать.

12.

К первым выходным после исчезновения сына Мэри еще не оставила надежду найти его живым. Не оставляли надежд и другие жители Уотертауна. Их клановость порождала недоверие к чужакам, но она же порождала и преданность родному городу. По просьбе Мэри Блейк горожане распространяли плакаты с фотографией пропавшего ребенка и письменным описанием: светлые волосы, голубые глаза, сколотый передний зуб». По радиосвязи поиски координировались от города Сиракьюс на всем пути к северу по направлению до Квебека.

Жительница Уотертауна по имени Джин Макэвой рассказала «Таймс», что ее сын и другие подростки занимались поисками до часу и двух каждую ночь.

– Дети взялись за руки и прошли вдоль ручья в поисках мальчика, – рассказывала она.

Другие переплывали ручьи и пруды вокруг Хантингтонвилла, куда Арт Шоукросс водил братьев Блейк на рыбалку. Поиски в ручье Келси-Крик, к северу от города, продолжались при свете фонарей. Инспекторы из электрической ком-

пании «Найагара моухок» проверили шлюзы каналов, где в прошлом обнаруживались тела. Мужчина из Эванс-Миллс одолжил свою ищейку. Была проверена заброшенная железнодорожная эстакада через дорогу от дома Блейков, а команды бойскаутов обошли другие железнодорожные пути. Искатели облазили скалистые берега реки Блэк, покрывшейся желтой пеной от паводковых вод, хлынувших с горного хребта Адирондак. Опасность грозила и сверху – жители прибрежных лачуг и расположенных на склоне пансионатов сливали отходы, которые ручьями устремлялись в реку. Местные всегда относились к этому так: это же просто дерьмо, вот и пусть плывет в озеро Онтарио.

Добровольцы ходили от двери к двери по Уотер-стрит, проверяя пустые дома и подвалы. Мужчины с фонариками шли по следам водяных крыс. Поисковики обшаривали чуланы и подсобные помещения в заброшенных магазинах и складах, стараясь не провалиться под прогнившие полы заброшенных фабрик.

Мэри как могла поддерживала участников поиска и проверяла поступавшие сведения. Подруга ее подруги сказала по телефону, что женщина по имени Мадлен увидела что-то подозрительное в воскресенье днем, когда исчез Джек. Мэри позвонила в полицию и повторила услышанное: «Она говорит, что видела мужчину, сидевшего на корточках позади плавательного бассейна Норт-Джуниор у канализационной трубы. Он был в темной одежде и как будто что-то тащил».

Детектив отвез Мэри туда. Они подняли тяжелую крышку канализационного люка. «Что я хочу найти? – спрашивала себя Мэри. – Тело Джека? Конечно, нет». Они просто искали улики. Его бумажник или что-то в этом роде. Что угодно, только не тело...

Возле открытого канализационного отверстия они увидели какую-то железяку, похожую на часть холодильника. Детектив в штатском попытался забраться в трубу, но та оказалась слишком узкой для него. Он спросил, не мог ли Джек упасть в реку.

– Он прожил у реки всю свою жизнь, – ответила Мэри. – Когда младший брат упал в воду, Джек спас его.

– Многих утопленников, – сказал детектив, – мы так никогда и не находим.

Мэри разозлилась.

– Почему бы вам не оставить свои дурацкие идеи и просто не посадить этого Шоукросса за решетку? – спросила она. – Разве вы не знаете, что он приставал к Джеку целый месяц?

– Шоукросс просто поджигатель, – напомнил ей детектив.

– А поджигатель не может приставать к детям? – огрызнулась в ответ Мэри. – А поджигатель не может быть еще и извращенцем?

– Мы еще раз поговорили с этим парнем. Бывших зэков трудно расколоть.

– Просто сделайте свою чертову работу, – сказала Мэри и даже обрадовалась, когда его машина без опознавательных

знаков скрылась из виду.

Она обратилась за помощью к какому-то худенькому мальчику, который полез в канализацию и едва не потерял сознание от скопившихся там газов. Но никаких следов Джека не нашлось.

Рано вечером того же дня двое полицейских привели к крыльцу Блейков оборванного парня лет семнадцати. Они сказали Мэри, что тот сбежал и они поймали его в лесу. Не ее ли это пропавший сын?

Мэри с отвращением покачала головой. Джек был светло-волосым, а этот парень походил на индейца. Он был ростом метр восемьдесят, и у него были черные волосы. «Интересно, – подумала она, – удосужились ли копы хотя бы прочитать описание Джека?»

Несмотря на очевидное отсутствие интереса у полиции, газета «Дейли таймс» часто публиковала обновленную информацию об истории, представляющей общественный интерес: *«Городской мальчик, 10 лет, все еще не найден»; «Мать мальчика верит, что ее сын где-то недалеко от города»; «Родители пропавшего мальчика недовольны поисками».*

Местные теле- и радиостанции присоединились к кампании, и их репортажи принесли несколько зацепок. Мужчине с рассеянным взглядом пришел в дом Блейков на Уотер-стрит и сообщил, что видел, как Джек и трое мальчиков

вешали собаку на дереве у Старбак-авеню в тот самый день, когда ее сын исчез. Мужчина сказал, что перерезал веревку и договорился о стерилизации собаки.

— Когда он назвался Мэттом Диллоном², я дала ему от ворот поворот, — позже объяснила Мэри.

К другим наблюдениям следовало отнести более серьезно. Житель соседнего городка сказал, что на фотографии Джека в «Таймс» он узнал мальчика, которого видел в городе Териза, в нескольких километрах к северу от Уотертауна, как раз днем в воскресенье. Он сказал, что похожий мальчик сидел в старой развалюхе, которой управлял рыжеволосый подросток в фиолетовой куртке.

Другой мальчик из Уотертауна побывал в Теризе и вернулся домой, после чего рассказал Блейкам, что видел, как Джек и какой-то рыжеволосый мальчик гонялись друг за другом по травянистому склону. Он сказал, что позвал Джека по имени и спросил, что тот делает, и Джек ответил: «Играю». Кто-то еще позвонил Блейкам и сообщил, что Джека и рыжеволосого мальчика заметили в пустом доме недалеко от парка в Теризе.

После того как полицейский чиновник сказал ей, что он не может дать согласие на еще одни бесцельные поиски, Мэри уговорила подругу отвезти ее в Теризу. Она нашла там пустой дом, отодрала доски от одного из окон и забралась внутрь. Мэри нашла пару носков, похожих на носки Джека.

² Мэтт Диллон – американский актер кино и телевидения.

На органе с ножным приводом лежала под слоем пыли толстая Библия. На скрипучей старой кровати кто-то недавно спал. На кухне Мэри нашла открытые банки со свиной и фасолью.

«Джек был здесь! Он жив!» – подумала она.

Местный лавочник сказал ей, что двое незнакомых ему парней только что купили конфеты на пригоршню мелких монет. Мэри подумала, что Джек поступил бы именно так.

– Как они выглядели? – взволнованно спросила она.

Мужчина описал рыжеволосого мальчика и другого мальчика помладше, со светлыми волосами и слегка прихрамывающего.

По настоянию Мэри помощник шерифа провел в Теризе двадцать четыре часа в поисках Джека, а полиция штата направила ему в помощь двух человек. Поиски ни к чему не привели.

Из Хобокена в штате Нью-Джерси позвонил экстрасенс и сказал Мэри, что получил газетные вырезки об этом случае.

– Ваш сын жив, – заверил ее мужчина.

Она нахмурилась, когда тот спросил:

– Как далеко находится город Териза?

– Около тридцати километров отсюда, – сказала она.

Как, черт возьми, парень из Нью-Джерси может знать о таком маленьком городке, как Териза?

– Его *нет* в Теризе, – с оптимизмом в голосе сообщил ей экстрасенс, – но он недалеко оттуда. И он жив, жив, жив!

Мэри снова приободрилась. Экстрасенс предложил помощь в поисках, но ему понадобилась сотня долларов на дорогу. Она пообещала отправить деньги переводом. Воспрянув духом, она совершила еще несколько поездок в Теризу, после чего отказалась от этой зацепки.

Каждые несколько часов Мэри проверяла постель Джека. Но сына там не было.

13.

Во второй понедельник после исчезновения сына Мэри позвонила женщина и представилась женой пожарного в районе реки Блэк.

– Миссис Блейк, – спросила она визгливым голосом, – ваш сын уже вернулся домой?

– Нет, – ответила Мэри.

– Ну так вот, сегодня в семь утра мы с мужем ехали на работу и увидели мальчика, который шел вдоль канавы. Мы уверены, что это был ваш сын...

Пока женщина болтала без умолку, что-то в ее голосе подсказало Мэри, что звонок – просто розыгрыш. Были и другие неприятные звонки. Она часто думала о жестокости – и человеческой, и божьей. Почему Господь забрал Джека так рано? Иногда она падала в кресло в гостиной, крепко зажимала глаза и сосредоточивалась на том, чтобы представить, как он появляется у входной двери, улыбается, и на его зубе

со сколом отражается свет. Когда он все же не приходил, она торговалась: «Пожалуйста, Боже, скажи мне, где Джек, и я больше никогда не пропущу ни одну мессу. Господи, отправь его домой прямо сейчас. Господи, подай мне знак!»

Шло время, и у нее уже возникало недоверие к Богу, который отказывался отвечать. Почему из всех женщин Уотертауна Он выбрал именно ее? Была ли она таким образом наказана за свой роман с Бобом? У многих женщин были романы на стороне, разве нет? Или Бог наказал ее за то, что она сказала Джеку правду? Неужели поэтому тот ушел?

На девятый день она взяла номер «Уотертаун дейли таймс» и начала читать отчет о заседании городского совета, на котором Джон Х. Кризик, городской инспектор ее округа, сказал: «Я хотел бы поблагодарить начальника городской полиции Джозефа К. Лофтуса и всех полицейских за их работу по поискам Джека О. Блейка».

Кризик добавил, что он уверен – с Джеком «все в порядке».

Дальше газета привела ответ мэра Рэнда: «Спасибо вам, инспектор Кризик... В наш адрес было много критики и некоторая доля злобы».

Пальцы Мэри дрожали, когда она набирала номер редакции.

– Мой сын! – выпалила она, когда ей ответили. – Где он сейчас?

Ей сказали, что ничего не изменилось; инспектор Кризик

просто оговорился.

Поскольку общественный интерес ослаб, а официальный интерес сошел на нет, Мэри продолжила поиски в одиночку. Она бродила по улицам вокруг «Кloverдейл апартментс», просила людей проверить сараи, подвалы, любое место, где мог спрятаться мальчик. Иногда она ловила себя на том, что останавливает на улице незнакомых людей и умоляет их о помощи. Мэри слышала, как над ней смеялись, называли чокнутой, говорили, что она зря тратит время. Но продолжала поиски.

Ее первенец, Ричи, прибыл из Германии в отпуск по уходу за ребенком и попал под арест. Мэри бросилась в мэрию и спросила:

– Почему вы забрали моего мальчика?

Ей сказали, что Ричи разыскивается за кражу со взломом. Она внесла за него залог и пообещала доказать копам, что он был за границей во время совершения преступления.

– Вот так всегда, – пожаловалась она Большому Питу, когда тот вернулся домой с фермы. – Всякий раз, когда что-то крадут, они хватают Ричи.

Пит сделал недоверчивое лицо и налил себе выпить. Он всегда был строг к своему старшему сыну.

По радио Мэри слышала, что власти все еще получают наводки; люди, которые видели светловолосых мальчиков, продолжали сообщать о них как о Джеке. Некоторых из них

заметили на расстоянии 60–80 километров от дома. Она пыталась проверить каждую зацепку. Мэри не умела водить машину и не всегда могла найти знакомого с машиной. Когда ее муж бывал достаточно трезв, он возил ее в близлежащие места, такие как Лоувилл и Хантингтонвилл, но сам редко выходил из машины. Дома он садился в кресло и пил до тех пор, пока у него не начинали стекленеть глаза. Мэри понимала, в чем дело. Он разочаровался в себе, когда потерял руку. Отсутствие Джека добивало его. Большой Пит просто хотел умереть.

Она думала о своем возлюбленном, Бобе, – какой он добрый, как он слушал ее и относился к ней по-человечески. Однажды, в момент нашедшего на нее затмения, она совершила долгую прогулку до автостоянки на Блэк-Ривер-роуд. Место парковки, где был зачат Джек, было окружено кольцом из белых камней. Мэри вышла на середину и забормотала: «Этот круг нельзя разорвать». Затем она отправилась домой, думая, что, наверное, сходит с ума.

Горе подрывало ее желание связаться с Бобом. Она ожидала, что тот предложит помощь, – разве Джек не был его собственной плотью и кровью? – но недели проходили без единого слова. Мэри твердо пообещала Богу, что никогда больше не встретится с Бобом.

Живя в своей аккуратной двухуровневой квартирке в «Кловердейле», Пенни Николь Шербино Шоукросс желала только одного: чтобы полиция Уотертауна прекратила дело ее мужа. Арт и без того часто бывал угрюмым, и теперь эти новые сложности не лучшим образом отражались на его настроении.

Ей никогда не нравились копы. Семья Шербино обосновалась на севере штата Нью-Йорк лет сто назад, и копы как будто получали удовольствие, доставая ее друзей и родственников. Она была сыта этим по горло.

Невысокая, чуть выше ста пятидесяти сантиметров ростом, с живыми карими глазами, рыжевато-каштановыми волосами и хорошей фигурой, Пенни отличалась той деревенской живостью, которая проявляется в постоянной готовности рассмеяться или захихикать. Она гордилась тем, что Сакаджавея, героиня экспедиции Льюиса и Кларка, была четвертой прабабушкой ее отца. «Фамилия Шербино, – утверждала Пенни, – вовсе *не* итальянского происхождения. Это всего лишь искаженная форма французского слова Charbonneau и произносится с ударением на первом слоге».

Пенни познакомилась с Артом в конце 50-х, когда они оба учились в центральной школе генерала Брауна, но не обращала на него особого внимания, хотя была близка с его сест-

рой Джин. Позже Пенни смутно припоминала, как другой старшеклассник предостерегал ее и советовал держаться подальше от Шоукросса; она уже не помнила почему. В то время он казался одиночкой, но в остальном не заслуживал внимания. После девятого класса он больше не появлялся в школе.

В январе 1972 года, за четыре месяца до исчезновения Джека Блейка, двадцатитрехлетняя Пенни столкнулась со своей бывшей одноклассницей перед магазином «Джей Си Пенни» на городской площади. Арт, казалось, был рад снова увидеть ее. Ему было уже двадцать шесть, и он сказал, что уволился из армии полгода назад после боевой службы во Вьетнаме. Она заметила, что он стал симпатичным мужчиной ростом сто восемьдесят сантиметров с узкими бедрами и широкой грудью. Он показался приятным, чистосердечным, хорошим собеседником с лукавым чувством юмора, которого она не замечала в школе. Увидела она не только ямочку на подбородке, но и огонек в его глазах; для нее не было проблемой завлечь мужчину, и об этом она не беспокоилась.

Когда он спросил, где она живет, она объяснила, что переехала с двумя детьми к ее родителям.

– Я не замужем, – поспешила объяснить Пенни. – Я в это не верю. *Ненавижу* брак.

Арт сказал, что нет еще такого мула, который затащил бы его к алтарю. Он с согласием кивнул, когда она объяснила, что отец ее детей умолял ее выйти за него замуж, но она от-

казалась. Теперь этот бойфренд исчез из поля зрения, и она училась в местном колледже Джефферсона как мать-одиночка.

В конце концов Пенни пригласила Арта на ужин в дом своих родителей. На следующий вечер они встретились снова, потом еще и еще. Он казался таким же охочим до женщин, как и другие мужчины, но не форсировал события. Ему хватало времени, чтобы слушать, а эта черта не была свойственна многим мужчинам округа Джефферсон. И он, казалось, был очарован ее четырехлетним сыном и двухлетней дочерью.

После их пятого свидания она обнаружила, что беременна. Арт пообещал остаться рядом с ней и ребенком. Он сказал ей, что работает в департаменте общественных работ Уотертауна. По его словам, когда наступит лето, его назначат в городскую «зеленую команду», которая будет стричь общественные газоны, но сейчас он работает на городской свалке в дальнем конце Уотер-стрит.

Они получили социальное жилье в «Кloverдейл апартментс» – угловую квартиру с двумя спальнями наверху, а также гостиной и столовой внизу. В распоряжении детей оказалась просторная, заросшая травой игровая площадка, и муниципальный бассейн находился в нескольких минутах ходьбы. Иногда Арт приносил домой выброшенных кукол и игрушки и удивлял Пенни тем, что с готовностью играл с ее детьми, как будто сам был ребенком. За работу ему платили

сто долларов в неделю, но он сказал ей, что уже ищет что-нибудь получше.

Она нашла в нем не столько ухажера, сколько спокойного сожителя. Если у него и были чувства к ней и детям, он не выставлял их напоказ. Она говорила подругам, что он «помешан на чистоте» и требует от нее соответствия этим стандартам. Каждое утро, даже если его назначали на свалку, ему была нужна свежевыглаженная белая рубашка, а носить те, что не нуждались в глажке, он отказывался. Он также отказывался садиться за руль, объясняя, что его это нервирует, и предпочитал пройти девять или двенадцать километров пешком или отправиться на велосипеде к реке Святого Лаврентия – тридцать два километра в одну сторону и столько же обратно.

У него было любопытное хобби: он клал поверх картины кусок стекла и делал копию краской. По мнению Пенни, некоторые из его картин годились на продажу, но деньги его, похоже, не очень интересовали. Когда Пенни спросила, где он научился этой технике, он сменил тему. Однажды он обнаружил трещину на одной из своих картин и закричал:

– Сраные дети!

– Ее случайно разбила я, – призналась Пенни.

Он тут же смягчился:

– А, ну тогда все в порядке.

После того как они прожили в квартире несколько недель, его настроение и поведение начали резко меняться. Пенни

пыталась, но не могла понять, в чем дело. Он исчезал после ужина и возвращался далеко за полночь. Он оставил букет полевых цветов на пороге соседки с запиской: «Тебе на могилу», а потом отказался что-либо объяснять. Он флиртовал с барменшами и официантками. И хотя он утверждал, что дети Пенни действуют ему на нервы, между ним и детьми как будто существовала какая-то особенная связь. Похоже, он отдавал предпочтение светловолосым мальчикам, и ему нравилось проказничать с ними. В обычный день он приходил домой с работы около 16:00 и выходил на улицу к детям побороться или поиграть в мяч, кикбол, пятнашки, прятки. Иногда она слышала громкие голоса и заставляла его в шумной компании играющих детей. Иногда он злился. В старших классах Арт занимался борьбой, и работа на свежем воздухе помогала ему поддерживать себя в хорошей физической форме; он не всегда сознавал, насколько сильнее своих маленьких товарищей по играм. Не раз она видела, как дети в испуге убегают от него. Женщина по имени Лутц пожаловалась полицейским, что он схватил ее сына за шею, но дальше этого дело не пошло. Двухлетняя дочь Пенни плакала и жаловалась всякий раз, когда ее оставляли на попечение Арта. Пенни хотела узнать, не делает ли он с ней чего-то плохого, но решила не пугать девочку.

Вся домашняя жизнь семьи проходила в гробовом молчании. Арт отпрашивался на работу еще до рассвета и ограничивался коротким приветствием, когда возвращался. Са-

мым громким звуком за ужином был звон столовой посуды. Иногда он уходил в себя и часами сидел молча на одном месте, не обращая внимания на нее и детей. Пенни выросла в тихой, спокойной семье и старалась не обижаться. Для тех, кто снимает социальное жилье, утонченные беседы большая редкость.

После предвечерних прогулок и раннего ужина он часто отправлялся на рыбалку и возвращался затемно. Пенни подшучивала над ним, говоря, что он не может поймать даже пескаря. Даже когда она просила его принести домой немного рыбы ради экономии денег, он приходил с пустыми руками. Его руки и одежда никогда не пахли рыбой. Она объясняла это тем, что Арт, помешанный на чистоте, наверняка моется в реке.

Никто в семье не пил и не баловался наркотиками. Арт курил сигареты, но в разумных пределах. Выходя на улицу вдвоем, они обычно прогуливались по просторной детской площадке. Ему нравилось потягивать кофе в круглосуточной закусочной, болтать с полицейскими и помощниками шерифа. Иногда Пенни спрашивала себя, что общего может быть у него с копами, и ей приходило в голову, что, наверное, у него неприятности. Но она не отличалась особым любопытством и вопросов не задавала.

Он был непривередлив по части секса и, казалось, был доволен их партнерством. Тема любви никогда не поднималась между ними. Обоих вполне устраивали обычные сексу-

альные позы. Он медленно достигал кульминации и, похоже, предпочитал лежать в ее объятиях, получая незатейливые ласки. Он стонал от удовольствия, когда она гладила его по спине или щекотала ребра. Она говорила ему, что он как маленький ребенок.

Иногда Пенни задумывалась, не связана ли с его матерью эта потребность в женском утешении. Бетти Шоукросс ростом едва ли дотягивала до полутора метров, но мощью своего голоса не уступала лесорубам Адирондака. В доме у нее все блестело, и она правила в нем, словно строгая императрица. Она не выделялась внешней привлекательностью; в ее лице проступали средиземноморские черты. Ее смуглый цвет кожи и темные волосы Арт объяснял наследием итальянских и греческих предков. В присутствии этой невзрачной женщины он терялся и робел. Клялся, что любит ее, расточал ей похвалы, но, казалось, нервничал в ее присутствии. Во время визитов в родительский дом Арт как будто не находил себе места. Его отец, Артур Рой Шоукросс, дорожный рабочий и оператор тяжелой техники, был столь же смирен, сколь порывиста и дерзка была его мать. Иногда Арт отсылался об отце благосклонно, а иногда насмеялся над ним за то, что он позволяет матери верховодить.

Пенни признавала, что никогда не встречала более грозной женщины, но невольно прониклась к ней восхищением.

– Бетти деспот, – объясняла она подруге. – Но она лучшее, что есть в этой семье. Если она чего-то хочет, она это

получит. И если ей не нравится то, что люди говорят о ней или ее детях, она выскажет им все, что думает, на простом английском языке.

После нескольких месяцев сожителства родители Пенни начали настаивать на заключении брака. Пенни нравился Арт, но она сомневалась, что когда-нибудь сможет полюбить мужчину, который так тщательно отгораживается от нее – без причины и без объяснений. Однако беременность уже давала о себе знать, и она согласилась не пятнать имя Шербино еще одним незаконнорожденным ребенком. Мать Арта и его сестра Джинни, старая школьная подруга Пенни, были против этого брака, но не называли причин. Пенни думала, будто они знают о нем что-то плохое, но что именно, не могла даже представить. Проблемы со здоровьем? Какая-то история из его прошлого? Она решила рискнуть. При всей своей эксцентричности Арт был порядочным, честным, трудолюбивым. Она гордилась тем, что понимает мужчин, и, по всем признакам, он выглядел хорошей партией из хорошей семьи. Любовь придет позже. А если не придет – ну что ж, всегда можно добиться развода. По крайней мере, ребенок будет носить его имя.

Они поженились 22 апреля 1972 года, через четыре месяца после случайной встречи перед «Джей Си Пенни». По этому случаю устроили небольшие посиделки в доме ее брата, после чего вернулись в свою квартиру. Арт переоделся и вышел на улицу поиграть с детьми.

Две недели спустя первый полицейский прибыл посреди ночи с вопросами о каком-то сбежавшем ребенке. Пенни знала, где был ее муж в тот день, и не волновалась. Он немного порыбачил, затем поднялся на холм к дому ее родителей и провел там четыре часа, болтая с ее отцом. Домой он пришел таким же, как и в любой другой день: опрятным и чистым, хладнокровным и спокойным. На его темно-синей куртке было несколько пятен, и Пенни постирала ее. Он показался ей тише обычного, но в этом не было ничего подозрительного.

Так почему же Арта допрашивал полицейский? И почему на следующий день детектив прижал его к стене? Речь шла о мальчике по имени Блейк. Пенни никогда раньше не видела этого мальчика, как и Арт.

* * *

Через одиннадцать дней после того, как полиция начала беспокоить Арта, Пенни была неприятно поражена, узнав, что у ее мужа возникают и другие неприятности, так или иначе связанные с детьми. Вместо того чтобы идти после ужина на рыбалку, он отправился поиграть за домом со своими маленькими друзьями. Незадолго до захода солнца он бросил ребенка в бочку с горящим мусором, затем схватил шестилетнего Майкла Норфолка и насовал ему в рубашку и штаны пригоршни травы. Когда мальчик попытался сопро-

тивляться, Арт толкнул его на землю и отшлепал.

Он объяснил Пенни, что они просто дурачились. Но мать юного Норфолка не приняла такого объяснения и подала жалобу.

Судья оштрафовал Арта на десять долларов за эти нападки. В судебных документах Пенни прочла: «Работодатель – город, офицер по надзору – Лайл Сильвер». *Офицер по надзору?* Он-то здесь при чем? Насколько знала Пенни, офицер по надзору назначался только бывшим заключенным.

Ни радио, ни телевидение, ни «Дейли таймс» об этом инциденте не упоминали. Через какое-то время копы перестали донимать Арта из-за сбежавшего мальчишки Блейков и отстали от него. Пенни вздохнула с облегчением. Какое-то время он вел себя как наказанный, слонялся по дому и держался отчужденно. Но через несколько дней вернулся к прежнему образу жизни: днем работал на свалке, вечером резвился на детской площадке, а потом рыбачил до темноты или позже. Рыбацкая удача его так и не посетила. За четыре месяца совместной жизни, совершив десятки походов на рыбалку, он так и не принес домой ни одной рыбешки.

15.

Сдаваться и оставлять в покое полицейских и политиков Мэри Блейк не собиралась. «Будь Джек отпрыском какого-нибудь местного политического активиста, – сказала она

своему мужу, – эти свиньи не сидели бы сейчас на своих толстых задницах, выдумывая разные отговорки насчет Джека – сбежал или отправился к какому-нибудь приятелю. *Джек всегда, каждый вечер возвращался домой засветло! Почему нам никто не верит?»*

К третьей неделе мая, через две недели после исчезновения, состояние Мэри несколько улучшилось. Каждые несколько дней она переходила по короткому железному мосту через реку Блэк и поднималась по Фэктори-стрит, чтобы обратиться с очередным запросом в полицию или к городским властям. Иногда она заходила к журналистам и требовала, чтобы те больше писали о случившемся. Шеф бюро «Сиракьюс пост геральд» много раз встречался с ней и написал о Джеке даже больше, чем намеревался. Газета «Уотертаун дейли таймс», снизившая освещение этой темы из-за отсутствия новостей, опубликовала затем еще несколько материалов по настоянию матери.

Отношения Мэри с полицией Уотертауна не улучшились после того, как копы показали ей одежду, найденную в брошенной машине, и спросили, не принадлежит ли она Джеку. Мэри приложила пояс брюк к подбородку – штанины свисали до лодыжек.

– Джек ростом метр сорок пять, – презрительно сказала она.

Она приободрилась, когда однажды позвонивший детектив любезно осведомился, не передаст ли она кое-что из

одежды Джека женщине в Тонка-Фоллс.

– Зачем? – спросила Мэри.

– Эта девушка – экстрасенс, – сказал полицейский, – но она хороша в своем деле.

Мэри не отказывалась ни от какой помощи, в том числе от сверхъестественной. К их дому пришел ясновидящий и попросил что-нибудь из одежды Джека. Она отдала ему носки, нижнее белье и рубашку из мешка для грязного белья. Ее муж передал пару штанов Джека другому экстрасенсу, который осмотрел их и объявил, что мальчик «абсолютно точно жив». Что-то передавали полицейским, что-то – мужчине с ищейкой. Теперь же, заглянув в комнату мальчиков, Мэри нашла только резиновые сапоги Джека.

Экстрасенс из Тонка-Фоллс сказала, что предпочитает работать с одеждой, но пообещала сделать все, что в ее силах. Пока Мэри ждала результатов, ей позвонила еще одна ясно-видящая, которая сказала, что ее порекомендовал тот же детектив из Уотертауна.

– Не могли бы вы одолжить мне одежду, которую носил ваш сын? – спросила женщина.

– Нет, – сказала Мэри. – Я уже раздала всю его грязную одежду.

Когда Мэри рассказывала подруге о том, что произошло час спустя, она была красной от гнева.

– В мою дверь постучали, и когда я открыла, этот детектив ворвался в дом, как Кинг-Конг, и потребовал одежду Джека.

Я спросила:

– В каком смысле?

– Вы ее похоронили?

– *Похоронили*? Вы спятили или что?

– Мэри, разве вы только что не сказали кому-то по телефону, что у вас больше нет одежды Джека?

– Я сказала ей, что у меня больше нет *грязной* одежды. Его чистой одежды – куча. А что? Хотите примерить?

– Только не надо умничать.

Мэри заставила себя остыть. Похоже, у этого копа завелись какие-то странные идеи, а звонок экстрасенса был подстроен. Когда у него хватило наглости спросить, не согласятся ли Мэри и Большой Пит поехать в центр города для проверки на детекторе лжи, она сказала:

– Конечно, поеду. Я сделаю все, что поможет найти Джека. Но после того как я пройду тест, мистер, я хочу, чтобы и *вы* тоже его прошли. Хочу увидеть, что у тебя за шило в жопе. Потому что ты *чокнутый*!

Час спустя к дому прибыла полицейская бригада с лопатами, и человек в штатском сказал:

– Мы должны обыскать дом, миссис Блейк. У нас есть информация, и мы должны ее проверить. Это нужно как вам, так и нам.

Мэри ничего не поняла.

– У нас нет тела, – продолжал человек в штатском. – Мы даже не уверены, что ваш ребенок мертв.

– Он *не* мертв! – воскликнула Мэри.

– Тогда где же он? Мэри, мы получили наводку, что вы с мужем закопали Джека и его одежду у себя в подвале.

– Кровати еще не застелены, – сказала она, широко открывая дверь, – но проходите скорей. Давайте, копайте, пока вас не завалит.

Команда ушла через час, оставив в подвале беспорядок.

– Простите, что разочаровали, – съязвила Мэри.

Когда детектив позвонил позже, чтобы назначить проверку на детекторе лжи, Мэри сказала:

– Почему бы вам не проверить Шоукросса?

– В случаях с психами эта штука не работает, – ответил он.

Дату проверки назначили, потом отменили. Мэри ждала, но больше эту тему никто не поднимал. Встретив одного из детективов на площади, она подбежала к нему и сказала:

– Теперь, когда вы проверили нас, может, начнете искать Джека по-настоящему?

Полицейский поспешил уйти.

Шли недели, Мэри пыталась поддерживать видимость нормальной жизни в своем маленьком домике на Уотер-стрит, но восемь оставшихся у нее детей тяжело переживали пропажу Джека. Двенадцатилетняя Роза злилась из-за того, что какой-то плохой человек похитил ее брата, а копы ненавидят бедных людей. Пусть лучше поскорее вернут Джека домой, а иначе она с ними поквитается. Мэри подозрева-

ла, что девочка принимает какие-то вещества – может быть, ЛСД или что-то еще. В ее семье такое случалось и раньше.

Одним теплым весенним днем Розы привезли к дому Блейков на патрульной машине. Она пускала слюни и царапала себе лицо.

– Мы нашли эту сумасшедшую на городской площади, – сказал полицейский.

– Не смейте называть ее сумасшедшей! – оборвала его Кити, сестра Мэри. – Она многое повидала.

Розы каталась по траве. Вокруг ее рта виднелись белые следы.

К следующему утру девочка все еще бредила, и Мэри отвезла ее в отделение психического здоровья больницы сестер милосердия. Врачи сообщили, что у Розы нервный срыв, и поместили ее на три месяца в государственную больницу в Огденсберге. Услышав эту новость, Большой Пит вздохнул и откупорил еще одну бутылку. Мэри плакала и спрашивала себя: «Что мы сделали Богу, почему Он так поступает с нами?»

По телевизору началась религиозная программа, и Мэри стала ее смотреть. Она редко посещала церковь, и Библия вызывала у нее отвращение. Но когда телевизионный проповедник читал двадцать третий псалом, она поймала себя на том, что повторяет за ним одними губами.

Когда программа закончилась, в голове у Мэри засела пара строк псалома. *Дом Господень...* Не там ли теперь Джек?

Она подумала о прихожанах церкви, которые приносили деньги и продукты, и о проповедниках, которые читали молитвы за ее сына. «Отныне, – сказала она себе, – я должна уделять больше внимания религии. Это не повредит. Но я все еще очень зла на Бога».

Часть вторая

Брак с Линдой Рут Нири

1.

Линда Нири держала газету так, словно это была одна из тех змей, которым иногда удавалось напугать ее лошадей. Кричащий заголовок только усилил ее беспокойство: *«Поиски мальчика продолжаются»*.

Это была последняя в серии новостей, которые нарушали ее сон. В ту минуту, когда она узнала, что полиция обыскивает Пул-Вудс, пытаясь обнаружить пропавшего мальчика, у нее возникло жуткое ощущение, что этот ребенок мертв, и в этом замешан ее бывший муж Арт. Он был в браке и раньше, еще до нее. В первый раз он женился сразу после окончания средней школы на девушке по имени Сара Чаттертон. Линда была его второй женой, а нынешняя, Пенни Шербино, – третьей. Линда не видела его много лет, но слышала, что он живет в «Кловердейл апартментс» с Пенни, недалеко от того места, где пропавшего мальчика видели в последний раз. Она не знала точно, почему так уверена, что Арт – убийца, и не знала, куда обратиться с этим подозрением. Если обратиться к копам, они потребуют от нее рассказать

всю историю с самого начала, а ей не хотелось вспоминать некоторые слишком болезненные моменты. Это могло быть даже опасно.

Линда была плотной и коренастой женщиной, но с хорошим телосложением, с синими глазами и приятными, точеными, нордическими чертами лица. У нее были золотистые волосы до бедер; она даже шутила, что на мытье головы у нее уходит три дня. При всей своей внешности Брунгильды³ она ездила верхом с грацией настоящей наездницы и умела управлять самой крупной лошадью. Линда почти всегда была рядом с лошадьми, даже когда училась. Ее любимица была смешанных кровей, аппалуза-арабской породы, и Линде она досталась, когда семья переехала из округа Берген, штат Нью-Джерси, в Клейтон, штат Нью-Йорк, к северо-западу от Уотертауна.

При рождении ее звали Филлис Ли Браун, но после удочерения она сменила имя и стала Нири. Закончив среднюю школу в Клейтоне, Линда приняла обручальное кольцо от нежного мужчины с мягким голосом, встречавшегося с ней в течение нескольких месяцев и ни разу при этом не упоминавшего о сексе. За три дня до свадьбы парень признался, что он гей. Линда умоляла его довести дело с женитьбой до конца, но он сказал, что не может вовлекать любимую женщину в то, с чем не разобрался сам. Затем он уехал за новой

³ Брунгильда – средневековая женщина-богатырь, героиня германо-скандинавской мифологии и эпоса.

жизнью в Рочестер и в конце концов умер от СПИДа.

После отъезда жениха Линда чувствовала себя одинокой и никому не нужной. Ей хотелось быть с людьми, хотелось завести новых друзей, позабыть свою печаль. В 1966 году она устроилась дневной барменшей в танцевальный зал под названием «Макфарландс лофт». Там ей приходилось разнимать дерущихся, отбиваться от ухаживаний влюбчивых солдат, уличных торговцев и фабричных рабочих, которые пилились поверх бокалов на ее скромное декольте. Линда была достаточно крепкой, чтобы позаботиться о себе, и не возражала против внимания. У нее был мягкий голос без резкого акцента, свойственного жителям на севере штата Нью-Йорк, – сказались годы, проведенные в Нью-Джерси, – но она обнаружила, что может крикнуть достаточно громко, чтобы привлечь полицию или вышибалу. Линда снова чувствовала себя желанной и нужной, и ее жизнь налаживалась сама собой. Затем она познакомилась с Артом Шоукроссом.

2. Линда Нири

Он выглядел как джентльмен – хорошо одетый, с начищенными ботинками. У него были волнистые каштановые волосы, всегда аккуратно причесанные. Тогда я этого не знала, но он никогда не выходил из дома, пока не будет выглядеть идеально. Если его рабочая одежда не была отглажена должным образом, он устраивал сцены.

Моя смена закончилась в семь вечера, и я сидела в баре, потягивая имбирный бренди с парой друзей. Он поздоровался и сел через два места от меня. Раньше я не видела, чтобы он с кем-нибудь разговаривал, как с мужчинами, *так* и с женщинами. Казалось, он просто хочет побыть один. До этого я угостила его ромом с колой; было видно, что он не очень-то большой любитель выпить. Как и я.

Он удивил меня, пригласив на танец. Я не понимала почему, ведь там было много девушек и покрасивее. Он был застенчив, я тоже, но, выпив и потанцевав, мы разговорились и поняли, что оба находимся в поиске. Он сказал, что ему двадцать два года и он разошелся со своей женой. Сказал, что три года был женат на женщине по имени Сара Чаттертон из Сэнди-Крик, примерно в тридцати километрах к югу от Уотертауна. Сказал, что они не хотели детей, но один все равно появился, и после этого она отказалась заниматься сексом. Во всяком случае, так он утверждал. Потом она забрала ребенка и ушла. По его словам, ему было больно потерять сына. Все это так напоминало мою ситуацию – он тоже потерял любовь всей своей жизни и пытался прийти в себя.

Я спросила, чем он зарабатывает на жизнь, и Арт сказал, что работает на упаковке зерненого творога. Работа однообразная, незavidная – его окружали холод, сырость и упаковочные ящики. Он сказал, что у него есть предложение о работе получше. В своей аккуратной рубашке и галстукe он определенно не был похож на упаковщика сыра.

У нас прошло несколько свиданий. Он был очень спокойный, не ругался. Не любил ограниченные пространства, не любил толпу. Никогда не позволял ни мне, ни кому-либо другому угощать его выпивкой; казалось, он терпеть не может чувствовать себя обязанным. В нем не было ничего особенного. Он вырос в Браунвилле, маленьком городке с бумажной фабрикой на берегу реки Блэк, и говорил так, как обычно говорят на севере штата Нью-Йорк. Он рассказал, что не был хорошим учеником: «Мне не нравилось учиться в этой чертовой школе». Но он был далеко не глуп. Сказал мне называть его «Арт» или «Арти», но только не «Артур». У меня сложилось впечатление, что Артуром звали его отца, и они не ладили.

Через некоторое время у нас все стало налаживаться. Я жила со своими родителями в Клейтоне, а он жил со своими. У моего отца была лодка, и мы брали его с собой рыбачить на реке Святого Лаврентия, где водились окуни и щуки. Арт был без ума от рыбалки. Он приезжал из Уотертауна автостопом или на велосипеде. Большинство парней, которых я знала, увлекались автомобилями и мотоциклами, но ему не нравилось водить машину. Это казалось странным для взрослого мужчины. Он упомянул как-то, что его одноклассник погиб в автокатастрофе, а позже сказал, что в машине его укачивает и он испытывает беспокойство. Я на него не давила. Арту не нравилось, когда на него давили.

Его мать и отец казались мне хорошими людьми. Немно-

го отстраненными, но приятными. Они жили на перекрестке под названием Шоукросс-Корнерс, недалеко от Браунвилла, примерно в восьми километрах к северо-западу от Уотертауна. Дом стоял на небольшой проселочной дороге, двухполосной, ухабистой, с высокими бордюрами. Арт сказал, что его дед купил эту землю и разделил ее между двумя своими сыновьями после Второй мировой, и отец Арта построил на своем участке небольшой деревянный домик. Та местность была пестрой: низкие каменистые холмы, сельскохозяйственные угодья, молокозаводы, поля с пшеницей и кукурузой, безымянный ручеек, болота, участки известняка, леса, полные низкорослых кленов, дубов, буков, ореховых деревьев. Арт сказал, что провел большую часть своего детства в этих лесах.

Он постоянно говорил о своей матери, о том, как сильно любил ее, а она *не* любила его, как искал ее одобрения и никогда не добивался. Он всегда говорил: «Что бы я ни делал, все было не так».

Однажды он пришел в плохом настроении. Объяснил, что рассказал матери, как хорошо у него идут дела на работе, а она сказала: «Будь у тебя настоящее образование, не пришлось бы хвататься за каждую черную работу, какая подвернется». У него никогда не было ни работы, ни девушки, которую его мать посчитала бы достаточно хорошей.

Я спросила его о детстве, и он рассказал, что мать, бывало, охаживала его ремнем, но не так уж часто. Отец же руку не

поднимал никогда. Это показалось мне странным. Его мама была едва ли метр пятьдесят ростом, а отец служил в морской пехоте. Почему именно она занималась дисциплиной?

Было видно, что Арта она запугала основательно. Его отец был милым, спокойным человеком, но Бетти запугала и его. В Арте я заметила пару странностей, но из-за своей неопытности не придала этому значения. Наоборот, из-за них он казался мне даже более интересным. Многие люди мыслят прямолинейно, но у него это доходило до крайности. Если мы собирались в кино, то именно туда и шли – никаких остановок по пути, чтобы выпить, никакого боулинга, никакой перемены в планах. Если бы я предложила выпить по чашечке кофе, он бы ответил, что нет, мы сходили в кино, а теперь возвращаемся домой. Он никогда не импровизировал и вел себя так, словно небо рухнет на землю, прояви он хоть каплю гибкости. Был очень строг к тому, чтобы приходить вовремя, и ожидал того же от всех остальных. Если опоздаешь на две минуты, он уже начинал кипятиться.

Секс для нас не был проблемой, потому что его не было. Он сказал, что не верит в секс, если только я этого не захочу, а я ответила: «Нет, только в браке». Он всегда старался угодить мне.

После того как его призвали в армию в апреле 1967 года, его первая жена Сара согласилась дать развод при условии, что он откажется от полуторагодовалого сына. Ему было очень больно расставаться со своим ребенком навсегда, но

он хотел освободиться, чтобы жениться на мне. Позже Сара снова вышла замуж, и ее новый муж усыновил мальчика. Арт больше никогда не видел сына.

Мои мать и отец постоянно просили нас не говорить о женитьбе, пока Арт не закончит службу в армии, но мы не могли ждать. Я работала в ресторане «Кофейник» в Уотертауне, когда в сентябре он приехал домой в тридцатидневный отпуск. За день до окончания отпуска мы сели в мою машину и отправились на поиски священника. В конце концов мы поженились в маленькой церкви на шоссе между штатами. Мне было двадцать лет, Арту – двадцать два.

В три часа ночи я отвезла мужа в дом его родителей. По возвращении в Клейтон меня ждала мама.

– Ты вышла замуж? – спросила она.

– Да, – сказала я.

– Ты знаешь, как я к этому отношусь?

– Да, мам.

На следующее утро Арт позвонил и спросил:

– Ты помнишь, что мы женаты? – Голос у него был взволнованный.

– Да.

Так я стала миссис Артур Джон Шоукросс, и мне это было приятно.

Позже тем же утром он приехал в Клейтон автостопом, чтобы навестить меня, и я шесть часов сидела на камнях рядом с рестораном Маккормика, пока он рыбачил. Думаю, ры-

балка была для него важнее, чем наш брак. Я спросила о реакции его родителей, и он сказал, что сначала боялся рассказать им, но когда потом собрался с духом, его мать сказала только: «Тебе стоило быть смелее и сразу все нам рассказать». Как обычно, он расстроился из-за этого, но я успокоила его, сказала, что он слишком остро реагирует. Они с матерью постоянно раздражали друг друга.

Тогда же, на рыбалке, он мне кое в чем признался. Сказал, что в восемнадцать лет его арестовывали. Он разбил окно в магазине «Сирз», и сработала охранная сигнализация. Несколько лет спустя какой-то мальчишка запустил в него снежком, и Арт гнался за ним до самого дома. Его снова арестовали. Оба раза его приговаривали к испытательному сроку, так что он легко отделался. Я подумала, что это все случилось в юные годы, когда он не умел себя контролировать. И я уважала его за то, что он рассказал мне об этом. Он хотел, чтобы наш брак начался с откровенности и доверия.

В пять часов того же дня Арт собрал свои рыболовные снасти и отправился в аэропорт. Неделью спустя он оказался во Вьетнаме.

«Уотертаун дейли таймс» сообщила о нашем браке, и Сара, бывшая жена Арта, позвонила мне из Сэнди-Крик и сказала:

– Я могу рассказать вам очень много о вашем муже, если вы хотите знать.

Сара сказала, что он был жестоким, и она всегда боялась

за ребенка. Я ей просто не поверила. Я пару раз видела его с сыном, и он был очень нежен. Арт любил детей, они с ним прекрасно ладили. Я не могла представить себе то, о чем говорила Сара. Она намекнула, что он избивал ее, но не стала вдаваться в подробности. Я решила, что Сара просто завидует.

Через некоторое время мне захотелось почувствовать себя ближе к своему мужу, поэтому я поехала на Шоукросс-Корнерс навестить его родителей. Когда я впервые переступила порог их дома в качестве жены Арта, я крепко обняла его отца. Он вроде как удивился и даже сделал шаг назад. Я объяснила, что привыкла к этому и что мой отец всегда меня обнимает. После этого мистер Шоукросс улыбнулся и обнял меня в ответ. Такой хороший человек!

Все повторилось и с миссис Шоукросс. Позже я заметила, что они оба как-то отстранены от своих детей – не прикасаются к ним, не обнимаются. Просто они были такими людьми. Я уверена, что они любили своих детей, но проявляли это другими способами. Бетти растила ребенка. А мистер Шоукросс пропадал на складах в округе. Я решила, что именно поэтому Арт всегда так аккуратно одет, складочка к складочке, и галстук завязан как надо. На него больше влияли вкусы матери, потому что отца часто не было дома.

Поначалу Бетти не понравилась мне но, когда мы начали общаться и обмениваться сведениями об Арте, то оказалось, что она довольно милая. Она сказала, что он всегда был про-

клятием ее жизни – именно это слово она выбрала. И добавила:

– Ты знаешь, у него были неприятности, когда он был моложе.

Я сказала:

– Да, он мне рассказал.

– Мне кажется, что бы он ни делал, у него плохо получается ладить с людьми.

Бетти думала, что у него что-то не в порядке с головой. Она говорила, что он несколько раз терял сознание и это не прошло бесследно. Я подумала, что с головой у него как раз все хорошо, но ничего не сказала. У Бетти был такой сильный характер, что ее лучше было слушать не перебивая.

Поначалу письма Арта всех сбивали с толку. Он написал мне, что видел, как убивают вьетнамских женщин и детей, и его расстроило, что его тоже «заставили убивать».

Он писал, что ему и некоторым его приятелям дали приказ укладывать в мешки изуродованные тела. Я написала в ответ и попыталась утешить его. Он никогда больше не упоминал ни о чем подобном.

Однажды Бетти получила письмо, где говорилось, что Арта ранило шрапнелью. Ее это известие потрясло. Но мне Арт об этом ничего не сказал – не хотел меня расстраивать. Потом Бетти получила письмо о каком-то большом сражении, и оно *сильно* ее огорчило. Арт был очень внимателен к нам обеим, присылал открытки на дни рождения и праздники и

не упускал возможности получить от нас признание и любовь.

3. Артур Шоукросс (интервью с психиатром)

У нас было задание типа «найти и уничтожить»... Нам сказали по радио: «Окружите этот район и убейте там всех, вплоть до кур и свиней». Мы окружили тот район и просто нашпиговали его пулями и гранатами, всем, что у нас было. Мы вошли и перебили всех животных и все такое. Мы сделали кое-что с женщинами, которые оставались там, но еще не умерли. Потом просто сложили их всех в большую кучу и сожгли... Все, тела, постройки... мы сожгли все. Потом выкопали яму, сбросили в нее все это, засыпали сверху, заложили дерном и травой... как будто там никого и не было...

Однажды мы... наткнулись на трех «зеленых беретов», которых привязали за руки к деревьям. С них содрали кожу от шеи до лодыжек. Понимаете, о чем я? Можно было увидеть все у них в желудке, мышцы, ну там, кишки. Как будто заглядываешь в пластиковый пузырь. И все тела облеплены комарами. Один парень еще был жив. Ему отрезали веки, так что его глаза все время были открыты. Он не мог видеть, но мог слышать. Губы тоже были отрезаны. Он умолял нас убить его. Мы получили всю информацию о том, кто они, затем лейтенант выстрелил парню в голову и забрал их жетоны. Когда вы видите что-то подобное и вам говорят убить

кого-нибудь, или застрелить врага, или что-то еще, вы делаете то же самое, что сделали с вами...

Я не получил от этого никакого сексуального удовольствия. Я просто испытал удовлетворение, как будто я сделал что-то правильно.

4. Линда Рут Нири

Проведя вдали от дома полгода, Арт получил отпуск, и я присоединилась к нему на две недели на Гавайях. К тому времени он уже получил звание рядового 1-го класса. Те две недели стали нашим отложенным медовым месяцем, и он был нежен, когда мы впервые занялись любовью. Мы катались на лодке со стеклянным дном и видели затонувшие корабли в Перл-Харборе, ездили в Дайамонд-Хед и на ананасовую плантацию Доул, ходили на фестиваль цветения сакуры. Он был милым, хорошим мужем, но в то же время немного капризным. Я думала, это просто из-за войны. Он рассказал много забавных историй из армейской жизни, но никогда и словом не обмолвился о боевых действиях.

Я удивилась, узнав, что большинство его друзей были чернокожими. Среди моих знакомых было немного чернокожих, мне нравилось находиться в их обществе. В них много жизни, много юмора, здравого смысла. Я поняла Арта, когда он сказал, что лучше ладил с черными, чем с белыми. Они были изгоями, как и он.

Из Вьетнама он вернулся в сентябре 1968 года, и мы провели его отпуск в коттедже за домом моих родителей в Клейтоне. На вторую ночь после возвращения, уже дома, я дотронулась до него, когда он спал, и он чуть не сломал мне челюсть. Потом Арт ужасно переживал из-за этого, говорил, что ему приснилось, будто он вернулся во Вьетнам. Он плакал и повторял снова и снова: «Я не хотел тебя ударить». С тех пор я держалась на расстоянии, когда будила его. Он называл это флешбэками.

После отпуска его перевели в Форт-Силл, на оружейный склад, ремонтировать оружие, и мы проделали весь путь до Оклахомы с нашим котом Смоуки, а также с кучей одежды и консервов. Арт не сел бы за руль моего маленького английского «Форда» с правосторонним приводом, если бы меня не было с ним. Вождение его пугало. После того как «Форд» сломался и мы купили подержанный «Катласс», Арт вообще отказался садиться за руль.

Мы нашли маленькую квартирку в Лоутоне, и каждый день я возила его в Форт-Силл и обратно. К этому времени у него была пара армейских нашивок, он чинил винтовки и другое оружие. Несколько месяцев наша жизнь шла нормально. Он много читал – военные рассказы, книги по истории, про спорт, но в основном научную фантастику. Мы вместе посетили индейскую деревню. Он жаловался на местную рыбалку, но ему нравилась охота на гремучих змей и другие развлечения на свежем воздухе. Я в качестве волонтера пре-

подавала в рамках программы по ликвидации неграмотности и была постоянно занята.

До этого у нас было все хорошо с сексом, но теперь у Арта начались проблемы. Он или слишком быстро кончал, или испытывал проблемы с эрекцией. Его это беспокоило, потому что он чувствовал, что не доставляет мне удовольствия. Я советовала ему расслабиться: «Не торопись. Ты должен радовать не только меня, ты должен радовать себя».

После этого ситуация немного улучшилась. Я разговаривала с ним, успокаивала, и дела у него пошли лучше, но проблемы с оргазмом у него все равно оставались. Я не знала, что с этим делать.

Он все больше времени проводил наедине с собой, часто бывал задумчивым и угрюмым, не мог заснуть. Совершал долгие прогулки, ходил кругами без всякой цели. Я пыталась понять, что с ним такое. Я знала, что он повидал какие-то ужасные вещи. Он отправился во Вьетнам, не понимая толком самого себя, не имея представления о собственной значимости. Пролитая там кровь только понизила его мнение о себе, теперь он считал себя подонком, отбросом общества, сумасшедшим убийцей. Похоже, я так и не смогла переубедить его. Арт чувствовал себя неудачником; он ничего не мог сделать как следует, он был никому не нужен. Он сказал мне, что у него никогда не было друзей. Иногда он впадал в депрессию, и я говорила: «Ничего, поплачь. Это естественное желание. Если ты немного поплачешь, хуже от этого никому

не станет».

«Мне не разрешали плакать в детстве, даже когда меня шлепали», – признался он. Я никогда этого не понимала. По его словам, мать говорила ему: «Какой же ты мужчина, если плачешь». Получалось так, что всякий раз, когда он говорил о чем-то плохом в своей жизни, он винил в этом свою мать.

Он был достаточно нежен, но ни разу не смог произнести: «Я люблю тебя». Слово на букву «Л» заставляло его сильно нервничать. Я могла это сказать, а он нет. Он хотел, чтобы я *все время* его обнимала. Он был милым, и его легко было любить, но он и понятия не имел, как отвечать тем же. Арт хотел, чтобы кто-то был рядом с ним, чтобы он не чувствовал себя одиноко. Когда он хотел быть рядом, то становился тихим и спокойным. Он прямо *поглощал* мою любовь. Однажды я спросила:

– Что твои родители считали любовью?

– Давать мне то, чего я хотел.

Думаю, они никогда не понимали, чего на самом деле он хотел – чтобы его обнимали и любили. Ко мне он относился как собственник. Я была *его* женщиной, и он не хотел, чтобы другие солдаты разговаривали со мной. Он даже обижался на моих родителей. А может быть, он понял, что они о нем думают. Моим отцу и матери он никогда не нравился, они с самого начала говорили мне, что он ни на что не годится. Мама сказала однажды: «У меня просто такое чувство. У тебя с ним не будет ничего, кроме неприятностей. Но тебе два-

дцать лет, и ты меня не слушаешь. Ты влюблена, и это все, что ты видишь».

Я постоянно пыталась выяснить, что его гложет. Знала, что было бы неразумно выпытывать у него ответы, но кое-что просочилось наружу само собой. Он ненавидел власть и начальство, у него всегда возникали неприятности из-за того, что он вел себя неуважительно. Он приходил домой, негодуя по поводу сержанта или лейтенанта, и я говорила: «Это же армия. Там ты должен делать то, что тебе говорят».

Он отвечал, что хочет, чтобы к нему относились с уважением. Я говорила, что в таком случае ему лучше найти другое занятие. Тогда он просто бормотал что-то и уходил.

В таком подавленном состоянии он пребывал несколько месяцев. Я спрашивала, как у него прошел день, а он отвечал: «Не хочу об этом говорить». Арт ужинал и отправлялся на трехчасовую прогулку. Однажды он рассказал мне, что пару раз терял сознание во время таких прогулок, один раз на несколько минут, а другой – примерно на час. При этом он не мог вспомнить, где был и что делал.

Однажды ночью он вернулся, дрожа и обливаясь потом, я обняла его и спросила, что случилось. Он сказал, что думал о Вьетнаме. Потребовалось много времени, чтобы вытянуть это из него.

– Я должен был убить ее, – сказал он и заплакал.

Я спросила:

– Убить кого?

Он сказал:

– Ребенка. Девочка перевозила бомбы для Вьетконга. Вопрос стоял так: убей ты, или убьют тебя.

Он сказал мне, что тот случай в деревне Май Лай ничто по сравнению с тем, что видел он. Это не давало ему покоя, разрывало его душу. Я решила, что он отождествляет себя с детьми, потому что сам в детстве подвергался унижениям.

Однажды вечером Арт пришел домой и сказал мне, что устроил большой пожар в кустах рядом с казармами.

– Я просто бросил спичку в траву. Не хотел ничего поджигать. Но огонь занялся, а потом – *фух!*

У него заблестели глаза. Я заметила, что когда он делал что-то не так, то никогда не признавал вину, всегда оправдывался, говорил, что это произошло случайно.

Огонь очаровывал его, как маленького мальчика. Он зажигал спички одну за другой и бросал их в пепельницу. Поначалу я думала, что это просто нервное. У него часто случались сильнейшие перепады настроения – в одну минуту он был гиперактивен, а в следующую уже сидел, опустив голову на колени. Я заговаривала с ним, а он даже не обращал на меня внимания. Арт и раньше был угрюмым, но теперь это состояние только усугублялось. Иногда я говорила с ним три или четыре минуты, прежде чем он приходил в себя. Я дарила ему много любви и внимания, но думаю, что этого было недостаточно.

Однажды днем Арт позвонил с места службы и сказал,

чтобы я не забирала его после работы – его отвезет домой сержант. Потом добавил: «Ты лучше займись ужином», – и повесил трубку. Он становился все более властным, но причину видела в том, что на него давят.

Арт пришел в девять часов, опоздав к ужину на четыре часа, и был так подавлен, что едва мог говорить. Я спросила, где он был, и он как-то вяло ответил, что гулял. Я спросила, не принимал ли он наркотики или что-то вроде того. Он ответил: «Нет. Я хочу показаться психиатру».

Тогда я не обратила на это особого внимания, но позже все-таки задалась вопросом, что произошло в ту ночь. Пришелся ли ему еще один флешбэк? Или он что-то сделал... что-то плохое? Меня бросало в дрожь при мысли о том, что он мог сотворить во время этих своих прогулок.

В общей сложности я четыре раза возила его на прием к армейскому психиатру. И каждый раз ждала на ступеньках амбулатории. После четвертого визита доктор сказал мне, что Арт выбежал через заднюю дверь. Когда он вернулся домой поздно вечером, я спросила, что случилось, и он ответил:

– Они никак мне не помогают. Не хочу говорить об этом. Я спросила:

– Что тебя так сильно расстроило? О чем вы говорили с доктором?

– Это касается только нас с ним, – ответил он.

Утром психиатр сказал мне, что Арт отказался от дальнейших встреч, и дал мне подписать бумагу об уведомлении об этом.

Я спросила, что с ним. Врач ответил, что эта информация конфиденциальна, но Арт психически болен. Я спросила, когда у него это началось, недавно или в детстве, он только пожал плечами и добавил, что Арту пришлось убить несколько человек во Вьетнаме, но приводить подробности не стал.

Когда я уходила, он сказал:

– Держите его подальше от огня, миссис Шоукросс. Не хочу вас обескураживать, но именно так он получает сексуальное наслаждение.

В тот вечер Арт спросил, не думаю ли я, что ему самое место в психушке. Я сказала:

– Ты так сильно изменился с тех пор, как уехал во Вьетнам. Ты теперь просто другой человек. Я не хочу, чтобы из-за тебя кто-то пострадал.

Я не беспокоилась о себе. Он никогда не давал мне повода бояться, за исключением того раза, когда я внезапно разбудила его.

Я спросила его, чувствует ли он, что нуждается в психологической помощи, и он ответил «да». Я спросила:

– Ты хочешь, чтобы я осталась с тобой дома?

Я работала неполный рабочий день в заведении быстрого питания, чтобы мы могли сводить концы с концами.

Он сказал:

– Нет, Линда. Ты всегда здесь, когда нужна мне.

Я просто не могла принимать решение о его помещении в психиатрическую лечебницу. Мне еще не исполнился двадцать один год. Я позвонила его матери и отцу и сказала им:

– Не думаю, что имею право решать этот вопрос. Вы его родители. Я перешлю вам документы по почте.

Отец Арта, казалось, счел это хорошей идеей, но Бетти не согласилась и заявила:

– С моим сыном все в порядке!

Я назвала ей имя армейского психиатра и сказала:

– По крайней мере, позвоните туда и спросите, почему они хотят это сделать.

Бетти ответила:

– Ну, они могут присылать любые документы, какие хотят, но с моим сыном *все* в порядке.

В ее голосе звучало раздражение.

Больше ни о какой психиатрической больнице речь не заходила. Доктор дал Арту пару пузырьков с таблетками, но, похоже, от них было мало толку. Когда наш шестимесячный щенок енотовидной гончей слегка, даже не до крови, укусил Арта, он швырнул собачку в стену и сломал ей шею. Потом, конечно, разрыдался и только повторял: «Ох, Линда, я не хотел этого». Он завернул собаку в тряпицу и заплакал. Я помогла похоронить ее, а остаток ночи обнимала и успокаивала Арта.

Я все думала, как быстро это произошло: буквально *в одно*

мгновение. Что он сделает в следующий раз, когда выйдет из себя? Складывалось впечатление, что он теряет контроль над собой. Из тихого в буйного он превращался за долю секунды, и для этого не обязательно нужна была причина. Я боялась мужа. Я все еще любила его, но мне постоянно вспоминался этот хруст собачьей шеи.

Несколько дней спустя я позвонила к нам домой около 15:00, и линия была занята. Я попробовала еще два или три раза, и оператор сказал, что никаких разговоров на линии нет. Мне это показалось странным, ведь когда я уходила на работу, с Артом все было в порядке.

Я рассказала своему боссу, что должна проверить, и он отпустил меня домой.

Арт лежал на полу ванной – в полной форме, с галстуком и всем прочим. Я потрясла его, но он не пошевелился. На раковине стояли два пустых пузырька из-под таблеток и пакетик с остатками белого порошка. Никакой записки я не нашла.

Медики увезли Арта. На каталке он выглядел так, что я уже не надеялась увидеть его живым.

Через некоторое время позвонили из больницы. Они промыли ему желудок. Если бы я нашла его пятнадцатью минутами позже, он бы умер. Может, так было бы лучше.

Когда Арт вернулся домой, я спросила, почему он пытался покончить с собой. Он сказал, что чувствует – я больше не люблю его. Я была поражена. Я любила его и всегда, изо

всех сил старалась показать это.

– Я сделал тебе так много плохого, – сказал он.

Это меня тоже поразило. Он никогда не помыкал мной и не угрожал мне. У него были проблемы с психикой, и он вел себя странно, все это правда, но он не делал ничего плохого лично мне. Я решила для себя, что он привез эту проблему с войны, и мы вместе во всем разберемся. Ведь проблемы бывают у всех молодых пар.

– Что плохого ты когда-либо сделал мне? – спросила я.

Арт не ответил и просто уставился в пол. Я знала это настроение. Когда он был в таком состоянии, разговаривать с ним было бесполезно. Он просто отгораживался от тебя.

Несколько дней спустя мне домой позвонил его сержант:

– Черт возьми, где Арт? Он опаздывает на два часа.

– Не знаю. Я высадила его из машины вовремя.

Когда он вернулся домой в тот вечер, я спросила, где он был.

– Не твое дело, – ответил он.

– Ну, мне-то все равно, Арт, но сержант спросит то же самое, когда ты придешь завтра.

– Я просто гулял, – сказал он.

По выражению его лица я поняла, что давить сейчас не стоит. В тот вечер я снова задала вопрос, в чем дело, но ответа не получила.

Весной 69-го он получил почетную отставку после двух-

летней службы. Мы сели в машину, вернулись домой в Клейтон и сняли коттедж за нашим семейным домом, стоивший пятьдесят долларов в месяц. Ситуация была нелегкая, но я не собиралась ставить крест на нашем браке. Я была на третьем месяце беременности и надеялась, что ребенок, особенно если будет сын, в этом смысле поможет.

Арт хотел только одного: ловить рыбу на лодке моего отца. Искать работу он отказался, но постоянно говорил о друзьях, которых потерял во Вьетнаме, о смерти и мешках для трупов. С одной стороны, он вроде бы боялся смерти, а с другой, смерть каким-то странным образом привлекала его самого. Эта тема постоянно была у него на уме.

По сравнению с тем временем, как мы впервые встретились в танцевальном зале, он очень изменился. Требовал, чтобы все делалось так, как нужно ему, и закатывал истерики, словно двухлетний ребенок. Я не могла уговорить его пойти в церковь. И еще он врал – всегда и во всем. Даже в мелочах, которые не имели никакого значения.

Я возила его на собеседования по поводу приема на работу, и он всегда выходил оттуда взбешенный. Его злило, что ветеранов нигде не уважают. Людей, казалось, возмущало, что он служил во Вьетнаме. Меня поражало, что он никогда в жизни не пользовался большим уважением, а теперь совершил что-то храброе и не получил за это признания.

Я попыталась подбодрить его:

– Ты сражался наравне со всеми. Просто эту войну не счи-

тают справедливой.

Он сказал:

– Я отслужил свой срок, а они обращаются со мной как с грязью.

Впервые за все время нашего брака он начал сильно пить. «Джонни Уокер», «Катти Сарк», «Джим Бим» – с ними он прошел путь от почти трезвенника до заядлого пьяницы. Он сидел на краю причала и пил прямо из бутылки. Потом отправлялся на долгую прогулку, часа на три-четыре. А возвращаясь, набрасывался на меня: «Ты не поддерживаешь порядок в доме... Ты растолстела...»

Врач сказал, что с весом у меня все в порядке. Просто я – полная женщина, вот и все. И в нашем маленьком коттедже всегда была чистота и уют.

Все чаще в его речи мелькало что-то вроде: «Как, черт возьми, мы будем растить ребенка?» Он все чаще впадал в мрачное настроение, когда выпивал, его выводила из себя любая мелочь. *Любая.* Я спрашивала: «Ты что, не собираешься ужинать?» – и он запросто мог взорваться.

В начале апреля он устроился чернорабочим на бумажную фабрику братьев Ноултон на Фэктори-стрит в Уотертауне. Он загружал бумагу в машину и срезал ее с конвейера, затем помогал сворачивать в большие рулоны и укладывать их штабелями с помощью вилочного погрузчика. Он все еще боялся садиться за руль, поэтому я возила его туда и обрат-

но на нашем старом «Катласе». Почти каждый вечер он открывал бутылку, как только мы возвращались домой, а потом сразу же набрасывался на меня.

Проработав на фабрике три недели, он заслужил благодарность. Случился большой пожар, и Арт вовремя его обнаружил, поэтому фабрику успели спасти. Потом она не работала целый месяц из-за ремонта. У меня даже мыслей не возникло, что Арт как-то причастен к этому пожару. Я доверяла людям.

В июне меня приехал навестить мой брат. Я поставила ужин для Арта в духовку и сказала ему, что ненадолго заеду к родителям по соседству. Казалось, он не возражал, но когда я вернулась, чтобы подать ему ужин, то увидела пустую бутылку скотча и поняла, что сейчас произойдет.

Он спросил:

– Почему тебя так долго не было?

Он был ревнивым, никогда не хотел, чтобы я близко общалась с кем-либо еще, даже с моей собственной семьей.

Я сказала:

– Арт, меня не было всего час. Я не видела брата одиннадцать лет.

– Ну, ты могла бы провести немного времени со мной.

– Я *всегда* здесь, с тобой.

Наверное, мне не следовало препираться. Когда я спросила, подавать ли ужин, на его лице появилось то же выражение, что и в тот вечер, когда он убил нашу собаку. Я была на

четвертом месяце беременности и пыталась прикрыть руками живот, но не могла ему помешать. Он избивал меня до тех пор, пока я не потеряла сознание.

Когда я очнулась на полу, был ранний вечер, так что без сознания я пробыла недолго. Арт исчез. Я дотащилась до соседнего дома, и мои родители отвезли меня в больницу. Я была вся в крови, с синяками под глазами и с разбитым лицом, но у меня ничего не было сломано. Из-за избиения случился выкидыш, и я потеряла нашего маленького мальчика. Он был бы первым внуком моих родителей, и они тяжело это переживали. Я тоже плакала, но, может быть, это все было к лучшему.

В тот вечер мой брат пришел в наш коттедж и избил Арта. Предупредил, что, если он еще когда-нибудь поднимет на меня руку, ему конец. Арт был большой и сильный, но я думаю, он даже не защищался.

На второй день в больнице я попросила отца передать Арту, что не держу на него зла. Как можно было ненавидеть такого измученного человека? Я решила, что он избил меня из-за плохого настроения и потому что выпил.

Мой отец пришел к нам домой и нашел мужа на полу. Арт перерезал себе вены в двух местах. Пришлось отвезти его в больницу, чтобы наложить швы.

Женщина из соцслужбы спросила, хочу ли я, чтобы Арта арестовали, и я ответила, что просто хочу развестись. Я слышала, что он просил разрешения навестить меня, но отец

прогнал его.

Я пробыла в больнице две недели, а когда вернулась домой, Арт отказался покидать наш коттедж. Мы с папой подождали, пока он уйдет на работу, и собрали его вещи. Мы положили их на ступеньки перед коттеджем и заперли дом.

Через несколько дней он позвонил. Я сказала, что боюсь его, не хочу его видеть и не хочу иметь с ним ничего общего. Я также сказала, что хочу развестись.

Он сказал, что против развода и что хочет все исправить.

Я ответила ему, что ничего уже исправить нельзя. Мне было невыносимо слышать, как он плачет, поэтому я повесила трубку.

Он переехал к другу в Лафарджвилл, примерно в десяти километрах к юго-востоку от Клейтона, и покатился по наклонной. Он помог паре парней проникнуть на заправку Хаммонда в Клейтоне и украсть 407 долларов. Он сжег сарай в Делафардж-Корнерс, затем поджег молокозавод Кроули. Когда его допрашивали, он признался в поджоге фабрики Ноултонов. Сказал копам, что был расстроен после потери меня и не отдавал себе отчета в том, что делает. Он сказал, что в ночь пожара в сарае долго гулял в грозу, потом сошел с дороги и сел возле сарая. Какой-то внутренний голос велел ему поджечь сарай. Там сгорело три тысячи тюков сена. Остается только гадать, что творилось у него в голове.

Я подала на развод, и в середине октября его привезли из

тюрьмы округа Джефферсон на Коффин-стрит в центре города, где проходило слушание. Перед началом рассмотрения дела меня спросили, хочу ли я поговорить с ним. Я знала, что ему не придется даже особенно стараться, чтобы вернуть меня обратно. Он умел уговаривать, а у меня еще оставались к нему чувства. Поэтому я сказала: «Нет, я не хочу его видеть. Я боюсь его».

Его ввели в зал суда в тюремной одежде. Первым делом он сказал судье, что оспаривает развод. Сказал, что сожалеет о том, что бил меня и мы потеряли нашего ребенка и хочет все исправить. Было видно, что он старается не заплакать.

Судья повернулся ко мне и сказал:

– Миссис Шоукросс, я дам вам двоим немного времени побыть наедине.

Я сразу же отказалась:

– Нет! Я не хочу с ним разговаривать. Я хочу развестись.

После слушания его увели в наручники. Выходя за дверь, он крикнул:

– Не делай этого! Линда, не оставляй меня! *Я люблю тебя!*

Я слышала, как он кричит то же самое в коридоре. Это был единственный раз, когда он сказал, что любит меня.

5.

Теперь, два с половиной года спустя, Линда смотрела на

заголовок: «Поиски мальчика продолжаются».

В октябре 1971 года, через два года после вынесения того приговора, Линда услышала, что Арт вернулся к своим родителям на перекресток Шоукросс-Корнерс. Потом он женился на Пенни Шербино и переехал в «Кloverдейл апартаментс». В том же районе пропал мальчик, которого звали Джек Блейк. Для Линды связь между этими событиями была очевидна.

Она задавалась вопросом, известно ли полиции Уотертауна, что ее бывшему мужу уже доводилось убить ребенка во Вьетнаме. Она решила выложить детективу всю историю целиком – о рассказах Арта про Вьетнам, о беседах с психиатром в Форт-Силле, о ночных вылазках, убийстве собаки и всех его иррациональных поступках. Но что-то удерживало ее. Линда не сомневалась, что пропавший мальчик мертв и что она уже никак не поможет вернуть его. А как отреагирует Арт, если она обратится в полицию? Она все еще помнила, как он бил ее в живот, когда она была беременна.

Несколько раз она собиралась позвонить в полицию, но так и не нашла в себе сил поднять трубку.

Часть третья

«Не убивал я никакую девочку»

*Моя жизнь — это крошечная цивилизация.
Крошечная и очень хрупкая.
Паскаль Киньяр, «Салон в Вюртемберге»*

1.

Теплой летней ночью Мэри Блейк узнала, что потеря одного ребенка никак не готовит мать к потере другого. На календаре было 15 июля 1972 года, со дня исчезновения Джека прошло уже семьдесят дней. Ее дочь Рози лежала в психиатрической больнице в Огденсберге. Муж Мэри, Большой Пит, пил тогда больше, чем когда-либо. От Боба, ее бывшего любовника и настоящего отца Джека, ничего не было слышно, и Мэри о нем уже не вспоминала. Но от своего пропавшего сына она не отказалась и верила, что Джек жив. Он был слишком хорошим мальчиком, чтобы умереть в десять лет. Господь просто не мог допустить такой несправедливости. И вот теперь ее восьмилетний «малыш Пит» отправился на рыбалку и не вернулся домой.

В их доме он был ближе всех к Джеку. Пит боготворил старшего брата, скучал по нему, но не мог выразить это сло-

вами. Первые несколько недель после исчезновения малыш Пит бродил как в тумане, поднимал подушку Джека, заглядывал под кусты на склоне за домом, в пещеры и под камни на берегу реки. Большие карие глаза младшего брата, казалось, не высыхали от слез. Мэри видела, как он часами сидит у окна и смотрит на пустую улицу. Иногда она становилась рядом, клала руки ему на плечи, и они смотрели на улицу вместе.

Долгое время малыш Пит отказывался делать что-либо, что напоминало ему о Джеке, – рыбачить, кататься на велосипеде, изучать незнакомые места. Он больше не гулял допоздна и избегал их общих друзей. Но в последнее время Мэри с облегчением заметила, что ее младший снова рыбачит. Она предупреждала его, чтобы тот не ходил к реке один, но Пит никогда не был таким послушным, как Джек, и она не слишком встревожилась, когда, вернувшись домой в субботу днем, узнала от других детей, что он насобирал червей, схватил удочку и умчался на своем красном велосипеде. Мэри была уверена, что сын вернется домой к ужину – через час, в крайнем случае через полтора.

К семи часам ужин закончился, а малыш Пит так и не пришел. Еще недавно, каких-то три месяца назад, она бы не беспокоилась. Ее дети всегда возвращались домой... до исчезновения Джека.

Мэри не могла больше ждать. Она не доверяла полиции Уотертауна, поэтому обратилась в офис шерифа округа

Джефферсон. Офис располагался в старом доме с пристройкой для арестованных. Шериф Ирвинг Энджел жил в доме напротив вместе с женой.

Дежурный выслушал ее жалобу, а когда она закончила, сказал:

– А теперь, миссис, давайте сначала и помедленнее. Я не смогу вам помочь, если не пойму, о чем вы говорите.

– Я говорю о своем сыне, – сказала Мэри, пытаясь отдышаться. – Его имя Аллен Блейк-младший. Мы зовем его малыш Пит. Он эпилептик.

– Да, – сказал помощник шерифа, – я знаю вашу семью. Я помогал искать другого вашего мальчика.

Он пообещал постараться что-нибудь выяснить. Мэри же была рада, что для этого не пришлось ждать обычные двадцать четыре часа.

К тому времени, когда она вернулась домой, патрульные уже сообщили, что видели мальчика возле Севен-Бриджес. Он ехал на красном велосипеде, и на бечевке у него болталась пара рыбин.

Мэри сидела у окна, за которым мерк дневной свет. Часы показывали полдевятого, малыш Пит опаздывал на два часа. Его красный велосипед все не появлялся.

Она вспомнила совет доктора Россена: дышать поглубже, если чувствуешь головокружение. Мэри вышла на передний двор, чтобы увидеть малыша Пита, когда тот подъедет на велосипеде. Здесь ей был слышен шум течения. Вода в реке

была не такая высокая, как в тот день, когда исчез Джек, но и она вполне могла унести мальчика, который весил не больше двадцати двух килограммов. Мэри перешла улицу и железнодорожную ветку, а затем посмотрела вниз с крутой насыпи. Река была черной, в полной мере оправдывая свое название «Блэк», и Мэри поняла, что зря тратит время. Если мальчик соскользнул в этот бурлящий поток, искать его здесь уже слишком поздно.

Мэри направилась обратно к дому. На часах было 21:30. Во рту пересохло, и она пошла на кухню попить воды.

Там малыш Пит склонился над кухонной раковиной.

– Мама! – сказал он. – Смотри, что я тебе принес!

Мэри вырвала у него из рук связку бычков-подкаменщиков и вышвырнула через заднюю дверь. Потом срезала кленовый прут и принялась за дело. Мальчишка расплакался, и из гостиной донесся невнятный голос:

– Эй, что там происходит?

– Надираю задницу твоему ребенку! – ответила Мэри.

Большой Пит промолчал. В последние дни он вообще почти ничего не комментировал.

Утром Мэри проснулась с чувством вины. Ричи был в армии, Джек пропал без вести. Малыш Пит был последним мальчиком в доме, а она отправила его спать в слезах. Он так страдал из-за Джека. И что же она сделала?

Мэри стало легче, когда сын обнял ее в ответ. Она всегда

внушала своим детям, что их чувства друг к другу заменяют все богатства тех, кто живет на Вашингтон-стрит. Мать и сын прижались друг к другу, разделяя любовь и горе.

2.

Тем же летом 1972 года Артур Шоукросс пожаловался комиссии по условно-досрочному освобождению на то, что у него возникли проблемы в браке с Пенни. Казалось, он был готов принять вину на себя и выразил сомнения в том, что понимает «истинное значение любви». Воспользовавшись представленной возможностью, он обрушился на мать, охарактеризовав ее как «доминирующую личность», унижавшую своего мужа и сына.

Офицер по условно-досрочному освобождению Лайл Сильвер отправил его на обследование в психиатрическую клинику Уотертауна. Было установлено, что обследуемый функционирует на «пограничном уровне интеллекта» и демонстрирует «неполноценное моральное и социальное развитие».

Шоукросс настаивал на том, что его прошлые преступления были результатом финансовых и супружеских проблем, и это заявление психиатр из социальной службы истолковал как указание на то, что Арт не желает брать на себя ответственность за свои действия, что типично для социопатической личности.

«Когда он расстраивается, — сообщил психиатр, — то действует импульсивно... Себя он характеризует как человека, всегда чувствовавшего, что правила следует нарушать. Он нарушал их и дома в детстве, и когда учился в школе... У его матери был очень плохой характер».

Описывая свое детство как несчастливое, Шоукросс отметил, что его родители постоянно ссорились. Отчет психиатра из социальной службы завершился диагнозом «диссоциальное поведение» и примечанием о том, что условно-досрочно освобожденный, «по-видимому, не заинтересован в наших услугах».

3.

К выходным в честь Дня труда Джек Блейк числился пропавшим без вести уже почти четыре месяца, но в Рочестере, родном городе Хелен Хилл, этому случаю уделялось мало внимания, и когда друг Хелен предложил съездить на праздник в Уотертаун, ей пришлось сделать паузу и подумать, прежде чем она смогла вспомнить, с чем у нее ассоциируется это место. Она никогда не бывала ни в одном из этих городов вблизи канадской границы, но слышала их названия в погодных сводках: «Самым холодным местом в стране сегодня был Уотертаун... Массена... Огденсберг...» Они представлялись ей такими негостеприимными — пустыми, безличными, похожими один на другой, как кубики льда. Что за люди

там живут? Даже названия этих мест отдавали холодом.

Хелен была миниатюрной и симпатичной женщиной с волнистыми рыжевато-каштановыми волосами до плеч, большими карими глазами и тонкими чертами лица – неподходящая внешность для самого смешного человека в семье. Друзья говорили, что она похожа на актрису Арлин Даль, а поведением напоминает комика Супи Сейлса. Племянницы и племянники были от нее в восторге: «Хотим, чтобы тетя Ини приехала. Она такая *забавная*».

В этой роли семейного клоуна ей нравилось забавлять свою преданную публику. Когда ее спрашивали, как она научилась так веселить людей, она объяснила, что все дело в бедности. Ее мать содержала семью, почти не получая помощи от пьяницы-мужа: постельное белье стирала в ванной, потому что они не могли позволить себе стиральную машину, работала на двух работах и ухитрялась всегда сохранять хорошее настроение. Хелен, а также ее восемь братьев и сестер выросли одной сплоченной командой. Даже став взрослыми, они то и дело навевались друг к другу домой, нянчились с племянницами и племянниками, обменивались подарками и всегда помогали родным чем могли. Для семейной вечеринки годился любой предлог. Телефонные разговоры длились часами. В конце концов Хелен усвоила, что семейная близость – это то, что удерживает ее психику на плаву.

Прошел год, как она развелась с механиком из компании «Истмэн кодак». У него обострились проблемы с алкоголем,

и ее беззаботный подход к жизни подвергся тогда нелегкому испытанию. Как только она начала привыкать к тому, как растить четверых детей в одиночку, их передвижной дом сгорел дотла, и всей толпой им пришлось переехать к матери Хелен. Она ни с кем не встречалась, но на импровизированной вечеринке познакомилась со Стэном Фишером, в обществе которого отдыхала душой. Он был радушным, симпатичным человеком и нравился ее детям. Это не было любовью, но помогло ей пережить одиночество.

Теперь же Хелен решила принять предложение Стэна съездить на выходные в Уотертаун, чтобы навестить его сводную сестру и других родственников. Она считала, что знакомить друг друга с родственниками еще рановато, но если он не возражает, чтобы компанию им составила ее дочь Крисси, которой еще не было трех лет, то такая поездка позволила бы им отдохнуть и развеяться. Уоллис, сестра Хелен, которая получила имя в честь герцогини Виндзорской, согласилась посидеть с тремя ее другими детьми: двенадцатилетним Бобом, десятилетним Томом и восьмилетней Карен Энн.

4. Хелен Хилл

В последнюю минуту Карен упростила нас взять ее с собой. Отговорить ее было трудно. У нее на все было свое мнение. Она всегда говорила мне: «Я могу это сделать, мамочка».

ка. Я могу сделать это *сама!*» Как я могла ей отказать? Она выглядела такой несчастной, когда смотрела на меня своими огромными шоколадными глазами из-под челки медового цвета. В это время она как раз переживала период бурного роста. «Мамочка, не оставляй меня, – умоляла меня Карен. – Пожалуйста, пожалуйста, мамочка, возьми меня с собой в Уотертаун».

Стэн сказал: «Давай заберем всех детей с собой», – но я не хотела навязывать себя и еще четырех детей людям, которых не знала. Так что мы оставили двух моих мальчиков с сестрой Уолли, а Карен забралась на заднее сиденье с малышкой Крисси. Они смеялись и хихикали всю дорогу до Уотертауна, две мои маленькие светленькие дочурки. Я рассказала Стэну, как Карен родилась в День отца крошечным комочком в три килограмма триста граммов. Рассказала ему, как пожаловалась медсестре: «Это не мой ребенок», – и медсестра сказала: «Хелен, это *ваши* дочь», – а я ответила: «Неправда. Посмотрите на эти черные как смоль волосы!» Я еще тогда подумала: «Боже, какая она некрасивая». Я отвезла ее домой, и через четыре недели она стала такой же блондинкой, как и остальные. Во мне есть французская и норвежская кровь, и мы решили, что черные волосы – это французское наследство, однако норвежские гены его вытеснили. Теперь ей исполнилось восемь, и она была чудесным ребенком.

Уотертаун удивил нас. Был солнечный сентябрьский день, и нигде не было видно ни одного пятнышка снега. Мы про-

езжали мимо больших домов и старых деревьев по Вашингтон-стрит, главной улице города. Разглядывали здания с греческими колоннами и большую статую, которая казалась высеченной из белого мрамора. Городская площадь выглядела не квадратной и не круглой, а какой-то продолговатой. Движение вокруг площади было односторонним, никто, казалось, никуда не спешил. В одном конце стояла церковь с большими часами на колокольне, а по пути к другому концу площади Стэн указал на табличку маленького магазинчика «Вулворт»: «В этом магазине начали продавать все товары по пять и десять центов». Карен пришла в восторг, когда мы проезжали мимо статуи нимфы в фонтане. Стэн сказал, что туда можно бросать монетки на удачу.

Мы ехали по узкой улочке между зданиями, которые выглядели так, словно пустовали уже много лет. Я нервничала из-за предстоящей встречи с родственниками Стэна и не заметила, как мы переехали по мосту через узкую реку. До вечера было еще далеко, но солнце почти не проглядывало между кирпичными стенами, и было легко что-то не заметить, особенно когда ты при этом думаешь о встрече с незнакомыми людьми. Ширина реки Блэк не больше двадцати метров, и низкий мост над ней мало похож на мост; когда вы едете по нему, он выглядит как часть дороги.

Сводная сестра Стэна, Линда Майлз, и ее муж Дик жили в маленьком деревянном домике на Перл-стрит, в доме 503 напротив завода «Блэк Клоусон», где производили оборудо-

вание для бумажных фабрик. Дом находился прямо за углом от дома Мэри Блейк на Уотер-стрит, хотя в то время я еще ничего не знала о Блейках. На углу улицы стоял невзрачный бар. В этом районе жили горничные и фабричные рабочие. В воздухе пахло паровозами, которые проходили по Рочестеру, когда я была маленькой. Когда мы вышли из машины, я обратила внимание на дымку в воздухе. Все это место напоминало театральные декорации, только огромного размера. В воздухе стоял тяжелый запах смога с примесью масла или сырой золы.

Линда и Дик понравились мне с самого начала. У них были свои дети, и они приветливо встретили моих девочек. Карен пристала ко мне с просьбой вернуться к фонтану и бросить монетку, так что когда мы разместились в гостях, я взяла ее за руку и повела обратно к площади, до которой было минут пятнадцать ходьбы от дома. О своей тайной мечте она не говорила, но я и так ее знала. Карен хотела вырасти, стать кинозвездой и выйти замуж за Тома Джонса⁴. Как и все в моей семье, она была помешана на музыке и танцах. Однажды я услышала, как она говорит малышу: «Давай я покажу тебе, как танцевать джиттербаг⁵». Это было что-то. Когда она призналась мне, что ее любимая песня Joy to the World,

⁴ Сэр Том Джонс – британский эстрадный певец родом из Уэльса, чьи красочные шоу и эмоциональные песни принесли ему в середине 1960-х годов широкую популярность.

⁵ Джиттербаг – популярный в 1930–1950-е годы XX века танец, характеризующийся быстрыми, резкими движениями, похожий на буги-вуги и рок-н-ролл.

я сказала что это тоже одна из моих любимых рождественских песен. «Нет, мама, *не та*. Я про песню группы Three Dog Night⁶. Особенно ей нравилась оттуда строчка про рыбок в синем море. К тому времени как мы закончили бросать монетки в фонтан, уже начинался вечер, поэтому я купила ей мороженое в маленьком ресторанчике под названием «У Энрико». Официантка усадила нас у окна, чтобы Карен могла смотреть на фонтан.

В дом на Перл-стрит мы вернулись уже в сумерках. В гостях у Линды и Дика был священник по имени Бенуа Дост. Он схватил Карен и посадил ее к себе на колени, и я услышала, как она спрашивает его: «Почему вы носите этот ошейник?» Прежде чем я успела извиниться, он ответил ей со смешным франко-канадским акцентом и, похоже, ничуть не обиделся. Через некоторое время он спустил ее на пол и ушел, а я пожелала ему спокойной ночи, еще не зная, какую роль он сыграет в моей жизни.

Проснувшись на следующее утро, я раздвинула шторы. Была суббота, солнечный и ясный день. Я открыла окно, в теплом воздухе пахло свежим бельем. Фабрики были закрыты на праздничные дни. Я одела Карен в нарядные красно-бело-синий топ и шорты, потому что наступил День тру-

⁶ Three Dog Night – американская рок-группа, которая образовалась в 1968 году и исполняла мелодичный поп-рок с элементами ритм-энд-блюза, фанка, соула и глэм-рока.

да.

Ближе к двум часам дня Карен сказала, что хочет поиграть на улице, и я велела ей держаться поближе к дому и не уходить далеко. Я не предупредила ее насчет реки, потому что толком не знала о ней. Я все еще немного нервничала из-за пребывания в чужом доме и была слегка рассеянна и беспокойна.

Мне хотелось выглядеть поприличнее, поэтому я решила вымыть голову, но перед этим подошла к двери с сеткой и проверила, как там Карен. Она держала в руках белого кролика, принадлежавшего одному из детей Линды. Я сказала:

– Милая, мама собирается вымыть голову. Оставайся во дворе, ладно?

– Так и сделаю, мам. – Она озорно на меня посмотрела, как бы говоря: «Может, да, а может, и нет».

Но я не волновалась. В Рочестере мы жили далеко от школы, и мои дети каждый день ходили туда пешком. Они хорошо знали городскую жизнь. Что могло случиться с маленькой девочкой в таком мирном местечке, как Уотертаун?

5.

Около 14:00 студент колледжа по имени Дэвид Макграт, проезжая по железному мосту Перл-стрит по пути на заправку, заметил белокурую девочку, которая перелезала через желтый забор, тянувшийся от угла завода «Блэк Клоусон» до

конца моста. У решетчатого железного ограждения стоял новенький десятискоростной велосипед. Дэвид видел, как девочка спускается по каменистой насыпи под заводской стеной. Казалось, она что-то ищет. Он подумал, что ребенку ее возраста там не место, но останавливаться не стал – в конце концов, у всех свои дела. К сентябрю этот рукав реки больше походил на ручей. Большинство несчастных случаев там приходилось на время весеннего половодья, когда река растекалась от берега до берега.

Десять минут спустя Макграт, уже заправив свой «Шевроле Корвейр», проезжал там же в обратном направлении. Велосипед все еще стоял на прежнем месте, но девочки видно не было. Дэвид поехал дальше по направлению к дому.

Через несколько минут четыре девочки-подростка, которые направлялись навестить родственницу на Стюарт-стрит, подошли к тому же железному мосту и заметили, как какой-то мужчина взбирается по насыпи и перелезает через забор. На нем были темные шорты, сандалии и белая рубашка. У него с собой был и велосипед – белый, с коричневыми крыльями.

Когда девочки, вытянувшись цепочкой, проходили по мосту, этот мужчина привязывал корзину к багажнику позади седла велосипеда. У перил моста стояли две удочки. Он взглянул на девочек и улыбнулся. Одежда у него была испачкана, ноги промокли. Девочки захихикали и поспешили

дальше.

В 14:45 шестнадцатилетний Терри Рой Тенни проходил мимо «Гейтуэй электроникс» на Фэктори-стрит рядом с железнодорожными путями. Он возвращался домой с городской площади и нес в руках пакет, набитый одеждой. Недалеко от завода «Блэк Клоусон» и железного моста он увидел мужчину на велосипеде. Терри узнал Арта Шоукросса, своего странноватого соседа по «Кловердейл апартментс», и помахал ему рукой. Ответный жест Арта, ехавшего в направлении площади, показался ему немного нерешительным.

Через несколько минут Терри услышал, как кто-то окликает его. Это был Арт, который резко затормозил на своем велосипеде и спросил, не хочет ли тот рожок мороженого.

Паренек согласился, но про себя подумал: «Что от меня хочет этот странный сосед?» Они едва знали друг друга, и Шоукросс никогда раньше не вел себя с ним так дружелюбно. К тому же мужчина был без своего обычного наряда. Вместо опрятной одежды на нем были грязные темно-синие шорты и испачканная футболка.

Арт улыбнулся и сказал:

– В последнее время у меня проблемы, плохо запоминаю людей. Я с рыбалки. Хочешь, подброшу твои шмотки до дома?

– Да как хотите, – пожал плечами Терри. – Только не потеряйте. Там моя школьная форма.

Арт взял пакет и поехал дальше впереди Терри. Возле тротуарной решетки на подъезде к железному мосту он остановился и посмотрел вниз, на берег реки. Терри пришлось его обходить.

– Надо успеть, пока зеленый горит! – крикнул вдруг Арт и помчался вперед через перекресток Перл-стрит и Уотер-стрит. Потом он повернул налево, на Старбак-авеню, и исчез из виду.

Десять минут спустя Терри подошел к «Кловердейл апартаментс» и забрал у соседа пакет с одеждой. Какой же все-таки чудак! Готов оказать любезность, но при этом обижает маленьких детей. «Ну что ж, – сказал себе Терри, – чего еще можно ожидать от тридцатилетнего парня, который до сих пор гоняет на велосипеде?»

6. Хелен Хилл

Я вымыла голову и оделась, потом подошла к задней двери и позвала Карен. Потом вышла из дома, но не увидела ее и там. Я прошла мимо бара и завернула за угол, затем вернулась и прошла в другом направлении.

Я не волновалась. Карен все делала по-своему, и я бы не удивилась, если бы она отправилась к площади. Ей ведь так понравились статуя нимфы и фонтан.

В четыре часа Стэн и Дик вернулись на машине, и я между делом сказала им, что не могу найти Карен. К этому вре-

мени ее не было уже пару часов, но я все еще не беспокоилась. Было солнечно, люди праздновали День труда, гуляли по улицам. Уотертаун казался таким безобидным местечком в сравнении с Рочестером, где я прожила всю жизнь. Я решила, что Карен знакомится с городом.

Через некоторое время я сказала Линде: «Давай прогуляемся по центру и посмотрим, где она».

Стэн предложил подвезти нас, но я сказала, что мы пойдем пешком. Таким образом мы смогли бы осмотреть дворы и переулки. Проходя мимо свалки, я спросила у двух женщин, не видели ли они маленькую девочку с медово-русыми волосами и карими глазами, в коричневых седельных ботиночках, как у Бастера Брауна ⁷.

Женщины ответили, что не видели.

– Может быть, она просто заблудилась, потому что мы здесь в гостях, – сказала я.

Мы подошли к площади и спросили у пары ребят, не видели ли они ее.

– Хотите я помогу вам в поисках? – предложил один мальчик.

– Нет, – сказала я, – но если увидишь ее, скажи ей, чтобы она вернулась домой.

Он кивнул, а потом спросил:

– Вы смотрели у реки?

⁷ Бастер Браун – персонаж газетных комиксов, которые создавал художник Ричард Фелтон Аутколт с 1902 года.

Я сказала, что нет, не смотрели. Мы с Линдой прошли по этому железному мосту, разговаривая, и я даже не посмотрела вниз.

Мы зашли в ресторан «У Энрико» и увидели ту официантку, что работала вчера.

– Помните, я была здесь вчера со своей маленькой дочкой? Вы видели ее сегодня?

Она кивнула и сказала:

– Ее здесь не было.

Вот тогда я забеспокоилась всерьез. Мне будто вылили на голову ведро ледяной воды.

– Линда, – сказала я, – мы должны пойти домой и позвонить в полицию. – Я боялась, что Карен заблудилась и перепугается до смерти, когда начнет темнеть.

Едва ли не бегом мы вернулись домой. Стэн ждал на улице. Я сказала ему, что хочу позвонить в полицию. Он предложил сначала поискать ее в лесу.

Мы побежали вверх по склону, в лес за домом, везде звали Карен. Потом ходили от двери к двери. Я подумала, что она могла заиграться с какой-нибудь девочкой и потеряла счет времени. Все вокруг были очень милые. Я волновалась, но все равно не думала, что произошло что-то ужасное.

В четверть седьмого я позвонила в полицию. Карен не было уже больше четырех часов. Я сказала:

– Моя маленькая дочка ушла, заблудилась и не может найти дорогу домой.

Офицер спросил, сколько ей лет, я ответила.

Пять минут спустя подъехала полицейская машина с мигалками. Я описала Карен и дала офицеру ее фотографию из своего бумажника. Он сказал:

– Хорошо, миссис Хилл, мы начнем поиски прямо сейчас.

7.

За углом, на Уотер-стрит, Мэри Блейк опустила руки в мыльную воду и гадала, как другие празднуют День труда в выходные. В ее доме все шло как обычно: Пит допивал свою вечернюю бутылку, дети сновали по дому туда-сюда. Мэри мыла посуду и думала о сыне Джеке. Она была уверена, что он все еще жив. Всего за неделю до этого она ходила пешком на свалку, где обычно копалась ее мать, и пыталась отыскать какие-то улики – следы ног, обрывки одежды, еще один таинственный круг. Ничего не найдя, она задумалась, как бы раздобыть бульдозер, чтобы разворошить всю свалку.

Услышав какой-то шум, она обернулась и увидела свою соседку Линду Майлз, которая как раз входила в кухню. Здесь, у реки, люди часто входили к соседям без стука, а Линде Мэри всегда была рада. Лицо у соседки покраснелось и блестело от пота.

– Мэри! – выпалила она. – Ты не видела светловолосую девочку, которая играла у нас во дворе?

– Нет, – сказала Мэри. – А что?

– Ее нет с двух часов.

– Сколько ей лет? – взволнованно спросила Мэри.

– Восемь, – бросила Линда и выбежала за дверь.

Мэри мельком увидела хорошенькую рыжеволосую женщину, стоявшую на лужайке перед домом, прижав ладони к щекам. «Бедняжка, – подумала Мэри, – должно быть, это мама девочки».

Она выдернула мужа из его любимого кресла.

– Пропал еще один ребенок. Надо пойти и поискать.

Даже выпив, Пит знал, откуда начать поиски. «Кловердейл апартаментс» утопал в вечерней тени. Из окна номера 233 лился тусклый свет. Игровая площадка за комплексом была пуста.

Они дважды объехали площадь. Хиппи курили перед старым рестораном «Кристалл», но самому младшему из них на вид было шестнадцать или восемнадцать. Мэри и Пит заметили девочку, которую женщина тащила мимо магазина «Джей Си Пенни», но обе были чернокожие. Мэри решила, что это обитатели лагеря Кэмп-Драм, едва ли не единственные люди в городе, населенном белыми.

– Поедем домой, – сказал Пит после того, как они проехали мимо магазина «Грантс» и аптеки «Рексол». – Мы больше ничего не можем сделать.

Мэри не хотела возвращаться, но у нее были свои дети, за которыми нужно было следить, она не могла обыскать весь город. Когда они вернулись на Уотер-стрит, она увидела по-

лицейского, идущего вдоль железнодорожной ветки, и еще двоих, обшаривающих фонариками задний двор Эгнис Томас.

Мэри как раз начала мыть посуду после ужина, когда в дверь громко постучали. Полицейский представился как Августин Капоне.

– Миссис Блейк, – сказал он, – могу я взять одного из ваших детей, чтобы помочь обыскать лес?

– Возьмите малыша Пита, – сказала Мэри. – Он эти места хорошо знает.

Мальчик с готовностью согласился.

– Где еще вы смотрели? – спросила Мэри.

Капоне сказал, что они проверили все дома на Перл-стрит вплоть до Старбак-авеню, Ист-Мейн-стрит до тупика, игровую площадку, берега реки в обоих направлениях и большую часть обширной территории «Нью-Йорк эйрбрейк». Мэри хотела спросить, проверяли ли они «Кловердейл апартментс» и этого засранца Шоукросса, но сдержалась. Эту историю она повторяла почти четыре месяца подряд и знала, что копы не хотят ее слышать.

Люди, занимающиеся поисками, уже направились к лесу, когда Мэри все же сказала:

– Может быть, вы найдете Джека там, наверху?

А потом, сложив ладони рупором, выкрикнула им вслед последнее наставление:

– Смотрите, чтобы с малышом Питом ничего не случи-

лось!

Полицейские вернули ей сына через тридцать минут и поблагодарили Мэри за помощь. Никаких следов пропавшей девочки они не нашли, но сказали, что намерены утром прочесать весь лес.

Мэри была уверена – что бы там ни случилось, Шоукросс имеет к этому прямое отношение. «Вот сукин сын, – сказала она себе. – Я бы его не оставила в покое».

8.

Через полчаса после того как первый полицейский прибыл к дому Майлзов, Хелен Хилл снова позвонила в участок.

– Пока ничего нет, миссис Хилл, – ответил офицер. – Мы все еще ведем поиски.

Хелен начала плакать. Она была уверена, что с Карен что-то случилось – ее сбила машина; она упала в колодезь; она лежит в канаве, зовет на помощь, и никто ее не слышит. Маленькая девочка в чужом городе. Внутри у Хелен все сжалось.

Из полиции перезванивали дважды. По-прежнему не было никаких следов. Хелен выглянула в окно и увидела, как во дворе на другой стороне улицы прыгает вверх-вниз огонек фонарика. Полиция действительно продолжала поиски, и от этого ей немного полегчало. Ее дочь, возможно, пострадала, но скоро она будет дома.

Пока она смотрела, фонарик погас. Та ночь была самой темной в ее жизни. Сама мысль о том, как ее дочь пытается найти путь в этой темноте, была невыносима.

9.

В 21:30 Дэвид Макграт обслуживал покупателей в магазине «Дэйрилэнд» на Стейт-стрит и услышал по радио сообщение о том, что полиция разыскивает восьмилетнюю девочку со светлыми волосами и челкой. Радиостанция WOTT редко прерывала свои трансляции для коротких новостных сообщений, но исчезновение Джека Блейка привлекло внимание местных жителей к пропаже детей.

Студент колледжа позвонил в полицию, и через несколько минут к магазину подъехала патрульная машина. Он рассказал двум полицейским о белокурой девочке, которую видел у моста на Перл-стрит. Полицейские поблагодарили его, а также записали имя и адрес.

10.

Мэри Блейк только что уложила малыша Пита спать, когда входная дверь с грохотом распахнулась, и две ее дочери бежали в комнату.

– Мама! – крикнула Дон. – Они нашли ту девочку!

Дебби плакала и кусала костяшки пальцев.

– Под железным мостом, – сказала она.

11. Хелен Хилл

Линда ответила на телефонный звонок, сказала несколько слов и повесила трубку.

– Хелен, – сказала она, – нам нужно ехать в полицейский участок.

Ее лицо было каменно-белым.

Я спросила:

– Они нашли Карен?

Она ответила:

– Я не знаю.

– Должно быть, они нашли ее.

Я уже предположила, что у нее, скорее всего, сломана рука или нога; все это время она находилась в больнице или в кабинете врача, и именно поэтому мы ничего не знали.

Линда перевезла нас через железный мост. У перил стоял полицейский. Линда притормозила, и я сказала:

– Здравствуйте, я миссис Хилл. Я звонила вам раньше насчет дочери. Вы не знаете, ее нашли?

Он как будто смутился, потом сказал:

– Нет, мэм, не знаю.

В участке было полно полицейских – они стояли вдоль стен и за стойкой. Там была по меньшей мере дюжина муж-

чин в форме и еще несколько человек в гражданской одежде. «Ну, уже что-то», – подумала я и обратилась к полицейскому за стойкой.

– Здравствуйте, я миссис Хилл. Вы нашли мою дочь?

– Да, мы нашли ее, миссис Хилл, – ответил он.

– Она сломала руку? Она упала и сломала ногу или что-то в этом роде? – спросила я.

Когда он не ответил, я повернулась и посмотрела на остальных сотрудников полиции. Они молчали. Многие стояли опустив головы. Сержант взял меня за руку и сказал:

– Миссис Хилл, не могли бы вы пройти в заднюю комнату, пожалуйста?

– Где Карен? Я ее не вижу, – сказала я.

Сержант отвел меня в отдельное помещение. Там священник разговаривал с несколькими полицейскими. Он повернулся ко мне, и я сказала:

– О, здравствуйте, отец Дост.

Я вспомнила, что видела его прошлым вечером, он тогда играл с Карен. Теперь его лицо выглядело так, словно его побелили.

Кто-то из полицейских попросил меня сесть.

– Я *не хочу* садиться! – сказала я. – Где Карен?

– Миссис Хилл, мы нашли вашу дочь, – сказал сержант так тихо, что я едва его слышала. – Миссис Хилл, она мертва.

Я не поверила. Я не могла понять, что заставило его сказать такое.

– Нет, это не так! – возразила я. – Говорите, я хочу знать!
Где моя дочь?

Отец Дост обнял меня, и я спросила:

– Что они имеют в виду? Почему они говорят, что она мертва? Ее сбила машина? Что случилось?

– Хелен, бедняжку убили.

12.

Когда детектив Чарльз Кубински из полиции Уотертауна готовился ко сну, ему позвонили и приказали явиться к мосту на Перл-стрит. Двое городских полицейских и двое патрульных штата проверили наводку телефонного информатора по имени Дэвид Макграт и обнаружили на том месте тело девочки.

Кубински было сорок шесть лет, он обладал ростом около ста восьмидесяти сантиметров и крепким телосложением. Он сделал достойную карьеру в полиции, его часто вызывали на место преступления, он считал это честью. В любую непогоду он мчался на вызов, завоевав таким образом репутацию старательного и надежного сотрудника. Сколь бы строгими ни были обязанности правоохранителя, они не страшны тому, кто в детстве, на семейной ферме в Лоувилле, дважды в день доил по пятьдесят коров.

Спускаясь по скользкому каменистому склону, детектив чуть не столкнулся с сотрудником в форме.

– Там все плохо, Чарли, – простонал этот патрульный. – Боже, это ужасно. Ужасно.

Шеф полиции Джозеф Лофтус карабкался вверх по насыпи, как будто за ним гнались.

– Не могу это видеть, Чарли, – сказал он, вытирая глаза.

Кубински считал Лофтуса хорошим человеком, чей отец был пожарным, но немного слабоватым для своей новой работы в качестве шефа полиции. Однажды Лофтус отправил группу подчиненных на поиски собственного «пропавшего» сына, который просто крепко спал у себя в комнате.

Столпившаяся группа представителей закона освободила место для ведущего детектива. Кубински увидел помощника окружного прокурора Хью Гилберта, а с ним пятерых или шестерых полицейских. Внизу тихо журчала река; в другое время года эта часть набережной была бы уже на метр под водой.

Рядом с чугунной канализационной трубой, покрытой водорослями и илом, Кубински заметил босую ногу. Он наклонился ближе и увидел взъерошенную копну светлых волос. Тело лежало лицом вниз и было покрыто плоскими тротуарными плитками, которые, по-видимому, когда-то давно сбросили сверху. Голова девочки осталась непокрытой.

Кубински опустился на четвереньки и дотронулся до согнутого пальца. Тот был холодный и окоченевший. Мертвенно-красная полоса окружала шею девочки, на лице темнели синяки. Тело под брусчаткой было обнажено ниже пояса. В

стороне он увидел пару красно-бело-синих шорт. Из них высовывались синие детские трусики торговой марки «ДОББ». И на шортах, и на трусиках были видны пятна крови.

Для Кубински это было шестое убийство. Он приказал остальным отойти до прибытия криминалистов. С дороги донесся дрожащий голос шефа.

– Я ухожу, Чарли, – крикнул Лофтус. – Пожалуйста, Чарли, *поймай этого урода!*

За десять минут до полуночи помощник окружного судмедэксперта, эмигрант из Бомбея, появился у перил наверху.

– Спускайтесь, док, – позвал его Кубински.

Патологоанатом работал девятый месяц и выглядел расстроенным.

– Мне и отсюда довольно хорошо видно, – сказал он.

– Нет, не видно, – стоял на своем Кубински.

– Это все так печально, – упирался доктор. – Я уже увидел вполне достаточно.

Кубински повысил голос:

– Вы должны спуститься! Мы не хотим, чтобы потом возникали какие-либо вопросы.

Пока судмедэксперт спускался по скользкому склону, Кубински обратился к коллегам:

– Кто-нибудь видел сегодня Шоукросса?

С момента исчезновения Джека Блейка этот работник свалки представлял интерес для местных правоохранительных органов. Несколько месяцев назад его подозревали в

поджоге в «Кloverдейл апартментс», но, как и в большинстве таких случаев, улики для предъявления обвинения были недостаточны.

— Кто-то видел его на белом с коричневым велосипеде, — сказал один патрульный. — Не уверен, где именно.

— Я слышал, он купил новый велосипед, — сказал другой.

— Привезите парня в участок, — сказал Кубински.

Когда была сделана последняя фотография и тело по указанию помощника судмедэксперта перевезли в больницу, Кубински попросил одного из полицейских взять собаку-ищейку. Искать отпечатки на перилах было бесполезно — на мосту уже собралась толпа зевак. Бросив последний взгляд на место убийства и удостоверившись в том, что эксперты-криминалисты выполняют свою работу, детектив отправился в участок — поговорить с Шоукроссом.

Ожидая прибытия бывшего заключенного, Кубински просмотрел дневные отчеты и отметил сообщение о том, что свидетель видел белую девочку в возрасте около девяти лет, которая перелезала через ограждение моста рядом с местом, где у перил стоял новенький, белый с коричневыми крыльями велосипед. «Боже мой, — подумал он, — мы поймали подонка. Шоукросс! Этот мерзкий ублюдок убил маленькую девочку. Если мы когда-нибудь найдем тело Блейка, подозреваемый будет уже готов».

В ушах у него до сих пор звенели слова Мэри Блейк: «Этот

чертов Шоукросс похитил моего Джека, а вы, копы, не можете задницу поднять». Он слышал, что в последнее время у нее возникали проблемы с другими детьми – наркотики, магазинные кражи, мелкие правонарушения. Его это не удивило. Мэри взбудоражила всю семью. Каждый раз, когда полицейский приближался к ее дому, она кричала: «Вы придираетесь к нам. Убирайтесь отсюда!» Как бы с ней ни обращались, какие бы доводы ни приводили, она не унималась. Но теперь приходилось признать – Шоукросс с самого начала был у нее под подозрением. Впрочем, Кубински и сам не сомневался в ее правоте. Он хотел предъявить парню официальное обвинение, но улики против него в том деле не оказались.

Из больницы позвонили с предварительным отчетом. Карен Энн была мертва уже от восьми до двенадцати часов. Кубински удивился – почему врачи не определили время точнее; четыре часа – это чертовски большой разброс. Девочку били кулаками по лицу и животу, душили ее собственной рубашкой и насиловали так жестоко, что в нескольких местах порвали кожу. Семенная жидкость была обнаружена в вагинальной и ректальной полости. Рот и горло были забиты грязью и сажей.

Кубински вспомнил, что Шоукросса некоторое время назад оштрафовали за то, что он отшлепал шестилетнего мальчика и набил ему в штаны траву. «Этот парень сумасшедший или как?» – задавался вопросом детектив.

Подозреваемого привезли на патрульной машине и оставили в небольшой комнате для допросов. Для человека, разбуженного в полночь, он держался хладнокровно. Кубински подумал об окровавленном теле ребенка и пожалел, что закон не позволяет выбивать признание быстро и эффективно. В прежние времена все было бы куда проще! Вместо этого он тихим голосом зачитал задержанному его права и спросил Шоукросса, все ли ему понятно. Тот ответил:

– Никаких проблем.

– Мы сейчас просто разговариваем с тобой, Арт, – сказал Кубински, как будто они были старыми друзьями. – Ты не арестован. Можешь обратиться за помощью к адвокату или уйти в любое время, когда пожелаешь.

Подозреваемый сказал, что только рад помочь полиции, и спросил, в чем дело.

– Маленькая девочка подверглась нападению в районе железного моста, – детектив наблюдал за реакцией Шоукросса, но тот даже бровью не повел. – Нам нужно знать, где ты был сегодня.

Шоукросс кивнул.

– Никаких проблем, – повторил он.

Кубински вспомнил, как хладнокровно держался Шоукросс, когда его допрашивали по делу Блейка. Парень, каза-

лось, следовал шаблону: улыбался, соглашался, сочувствовал, но, как говорится, дергал за ниточки, когда это соответствовало его целям. Когда ему задавали трудные вопросы, он опускал голову и вел себя так, как будто вдруг становился глухим, немым и слепым.

Его рассказ звучал как отрепетированная заготовка. Он сказал, что вышел из квартиры в семь утра, чтобы порыбачить, проехал на своем новом велосипеде по Старбак-авеню до Перл-стрит, по Перл-стрит до Фэктори-сквер, затем от Хантингтон-стрит к реке. Он попробовал несколько мест, но окунь не клевал, поэтому он поехал на Гиффорд-стрит – там в ручье водилась форель. Вернувшись поздним утром домой, он поехал потом в торговый центр и купил кока-колу в палатке на стоянке. Заскочил к другу в «Ист-Хиллз», пробыл там несколько минут, а затем поехал обратно на Фэктори-сквер. Он не был уверен, когда именно пересек железный мост, но помнил, что столкнулся с соседом по «Кloverдейл апартментс», купил ему рожок мороженого и отвез его пакет с вещами домой на велосипеде, прибыв в «Кloverдейл» примерно в 15:15. Того паренька звали Терри.

«Вот хитрый сукин сын!» – подумал Кубински. Шоукросс знал, что его видели на мосту с велосипедом, поэтому постарался представить дело так, будто появился там только через час после убийства и не делал ничего необычного, только съел мороженое. Какой славный парень! В этом отношении Шоукросс был похож на других бывших заключенных, с

которыми сталкивался детектив. Они могли быть слюнтявыми идиотами, слишком тупыми, чтобы укрыться от ледяного шторма на озере Онтарио, но когда дело доходило до создания алиби, они становились художниками, непревзойденными продавцами, мастерами по созданию сомнений и фальши. Как будто каждая капля их ограниченных умственных способностей шла на то, чтобы выпутаться, вывернуться и уйти от ответственности за совершенное преступление.

Кубински спросил, что Шоукросс делал после того, как вернулся домой, и тот рассказал о еще двух велосипедных прогулках ближе к вечеру, обе в торговый центр «Сиуэй». Он купил несколько вещей для себя и вернулся позже, чтобы купить кроссовки своему четырехлетнему пасынку. Остаток вечера он провел дома, и это могла подтвердить его жена Пенни.

Дверь открылась, и окружной прокурор Уильям Маккласки занял место в углу. «Вот и большие шишки появились, – подумал Кубински. – Надеюсь, у Маккласки желудок покрепче, чем у шефа полиции Лофтуса». Вообще он предпочитал разговаривать с подозреваемым один на один, но в данном случае возражать не стал. Там, где речь идет об убийстве, у копов, прокурора или кого-либо еще нет права на ошибку.

Он предложил Шоукроссу повторить прокурору изложенное ранее и отметил, что некоторые детали, особенно относившиеся к дневному времени, изменились. Окружной про-

курор задал несколько вопросов, но в основном внимательно слушал. Кубински старался не выказывать раздражения, видя, как изворачивается убийца. Парень не просто лгал в целом, но еще и пытался изобретать уловки, когда вопросы относились к предположительному времени убийства. Детектив хотел надавить, но не решался. Шоукросс не был арестован; он мог встать и выйти за дверь в любой момент. Если бы он потребовал адвоката, разговор бы на этом кончился.

В два часа ночи его отвезли домой на патрульной машине.

Позже Кубински узнал, что Шоукросс не упомянул кое о чем в своем расписании. В перерыве между двумя поездками в торговый центр «Сиуэй» он проехал на велосипеде пять километров до дома своего детства близ городка Браунвилл, чтобы принести букет цветов своей матери. Детектив спросил себя: «*Что*, черт возьми, все это значит?»

13. Хелен Хилл

Когда полицейские сказали мне, что моя дочь мертва, я обвинила их в том, что они все выдумали. Я не хотела верить в это. Даже когда я поняла, что они говорят правду, я старалась не верить. *Должно быть*, это какая-то ошибка.

После того как я наплакалась до хрипоты, один из офицеров попытался рассказать мне подробности. Я остановила его, потому что не знала, как была убита Карен, и не хотела

этого знать. Я сказала:

– Прошу вас, мне нужно сделать несколько звонков.

Я пыталась дозвониться до своего бывшего мужа в Рочестере, но никто не отвечал, а может быть, я просто неправильно набрала номер. У меня дрожали пальцы. Я не могла вспомнить номер моей сестры Уолли, хотя знала его так же хорошо, как свое собственное имя. Оператор все уточнила, и на телефонный звонок ответил мой шурин. Я сказала:

– Гэри, Карен мертва. Пожалуйста, приезжай сюда прямо сейчас.

Позвонила женщина из больницы. Меня попросили опознать тело Карен. Я сказала ей, что не могу этого сделать.

– Но кто-то же должен, – настаивала она.

Я сказала, что мой шурин уже в пути из Рочестера, и положила трубку.

Потом позвонил мужчина из больницы и сказал:

– Послушайте, миссис, нам срочно нужен здесь кто-нибудь.

Я сказала ему, что не могу приехать. Я просто... не могла. Я не хотела видеть Карен, потому что не хотела знать, как она умерла. Ее больше нет, и это было самое большее, что я могла понять. Все, чего я хотела, это вернуться домой, к маме и своей семье.

Я приняла немного валиума, но не могла уснуть. Засыпала на несколько минут, потом просыпалась. Я все еще не могла поверить, что это случилось на самом деле. Задремав, я ска-

зала себе: «Это просто кошмар. Мне это приснилось».

Мой шурин проехал двести пятьдесят километров за два часа. Затем приехал мой бывший муж Боб, и они вдвоем отправились в больницу, чтобы опознать тело Карен. Я начала собираться, запихивать вещи в чемодан и пытаться сохранить самообладание. Мне нужно было уехать из этого города.

14.

Отпустив Шоукросса ранним воскресным утром, Чарли Кубински узнал о звонке старшеклассницы, сообщившей, что она с тремя подругами видела, как какой-то мужчина поднимался на мост у Перл-стрит примерно во время убийства. Мужчина был в темных шортах, футболке и сандалиях, и он положил что-то в корзинку на багажнике новенького белого велосипеда с коричневыми крыльями. Скорее всего, это был Шоукросс.

Кубински позвонил по телефону.

– Арт, где твой велосипед?

Шоукросс сказал, что его новый десятискоростной велик стоит дома. Судя по голосу, он не ложился спать.

– Ты не будешь возражать, если мы подьем и посмотрим на него?

– Никаких проблем.

Кубински спросил, что с одеждой, в которой он был на

рыбалке, и Шоукросс ответил, что одежда в корзине для белья и что его жена Пенни собирается постирать ее утром.

– Хотите посмотреть на нее? – вызвался он.

– Да, – ответил Кубински. – Мы пришлем машину. Ты бы смог вернуться с полицейскими сюда и ответить еще на пару вопросов?

– Никаких проблем.

«Парень виноват дальше некуда и при этом бросает нам вызов – мол, давайте, докажите», – подумал Кубински. Это была игра. Точно так же он вел себя в деле Блейка, даже предлагал помочь с поисками мальчика.

«Но мы приближаемся к развязке, – сказал себе детектив. – И к восходу я прижму его». Он посмотрел на часы – было начало пятого.

Грязная одежда, казалось, соответствовала описанию, данному четырмя девочками: это были грязные синие обретенные брюки с надписью «Хондо», грязная белая футболка «Фрут оф зе Лум», дешевые коричневые сандалии с надписью «Мэйд ин Итали». На футболке темнели какие-то пятна, но на кровь они были не похожи. Завершали рыбацкий образ Шоукросса серые жокейские шорты марки «Боди-битс».

Зарегистрировав увиденную одежду, Кубински направился в комнату для вещдоков, чтобы осмотреть велосипед. Спереди висела корзина, сзади было прикручено детское сиденье. Что-то здесь было не так. Он отвел Шоукросса в ком-

нату для допросов, а сам проверил показания свидетелей – никто из них никакого детского сиденья не заметил.

«Какого черта, – сказал себе Кубински, – я *знаю*, что Шоукросс убил ребенка, *знаю*, что это его велосипед стоял на мосту, но как, черт возьми, пять или шесть школьников могли пропустить такую заметную деталь, как детское сиденье?» Детектив не спал уже почти сутки и начинал сомневаться в собственном восприятии. «Вот черт, – спрашивал он себя, – где я облажался?»

Детектив решил задать еще несколько вопросов. Было пять утра, но если Шоукросс еще не спал, то вполне мог бодрствовать и он. И интервью считалось законным, пока интервьюируемый соглашается отвечать на вопросы. На всякий случай Кубински еще раз напомнил подозреваемому о его правах, а потом спросил:

– Арт, как давно у тебя это детское сиденье?

Шоукросс не ответил. Впервые с момента задержания его как будто парализовал страх. Такое уже случалось с ним четыре месяца назад при допросах по делу Блейка.

– Арт, *Арт*, – не отставал детектив, – ответь мне! Я про ту черную штуковину над задним колесом твоего велосипеда. Она выглядит новой. Когда ты ее купил?

Шоукросс поднял голову. На его лице застыла недовольная гримаса.

– Ну, не знаю... Эм... недавно.

– Когда недавно? – Кубински подался вперед.

Шоукросс отмалчивался еще несколько минут, потом все же сказал, что купил сиденье в магазине «Грантс».

– Когда, Арт? – требовательно спросил детектив. – Не где. *Когда?*

Шоукросс сказал, что не так уж давно.

– Ты ведь знаешь, что мы можем проверить это, да? – напомнил Кубински. – Мы уточним в магазине. Хочешь, чтобы мы это сделали, Арт?

Шоукросс снова устался на собственные колени, потом признал, что сиденье, возможно, было одной из покупок, которые он сделал накануне вечером.

Кубински тут же воспользовался этим признанием.

– Почему ты изменил внешний вид велосипеда? – спросил он. – Это потому, что тебя заметили после того, как ты убил девочку?

– Не убивал я никакую девочку.

– Хорошо, – сказал детектив. – Ты не убивал никакую девочку. Тогда ты не станешь возражать, если мы еще раз пробежимся по твоему дню с самого начала?

Убийца, казалось, не возражал. Он сказал, что день начался в восемь утра, когда он вышел из дома и отправился на рыбалку. «Продолжай, говори, – сказал себе Кубински. – Ранее вечером ты сказал мне, что ушел в семь».

Подозреваемый противоречил сам себе и по другим пунктам. «Дело движется, – подумал детектив. – Дело движется». Кубински начал делать пометки в блокноте.

Показания становились все менее точными, особенно на счет периода от полуночи до встречи с соседом по имени Терри Тенни. Казалось, в этом временном отрезке есть что-то, из-за чего ему становится некомфортно. Кубински настаивал на точной последовательности действий. Противоречия множились, как и записи в желтом блокноте детектива.

В какой-то момент Шоукросс вдруг опустил голову и замолчал. Он сидел, будто вдруг окаменев, и даже не моргал. «Что с этим парнем? – подумал Кубински. – Почему он так дергается, словно перемещается отсюда на Марс и обратно?»

– Арт? Арт?

Ответа не было.

Детектив перепробовал все – рассуждения, уговоры, оскорбления. Он бросал слова, которые не слетали с его губ даже когда камикадзе напали на его танко десантный корабль во время Второй мировой войны.

Через полчаса стало ясно, что Шоукросс не намерен больше отвечать. Но в его причудах присутствовала некая закономерность. Сумасшедший ли он? Нет, это предположение детектив отверг. Не возникает ли это одностороннее безумие, когда это ему выгодно? Если он сумасшедший во время трудных вопросов, то почему он ведет себя нормально во время обычных?

Кубински редко тратил время впустую, пытаясь читать чужие мысли; эту работу он оставлял другим. Репортер из «Сиракьюс пост стандард» описал его как полицейского ста-

рой закалки – «он арестовал бы и собственную мать». У него не было времени на психологию, он не понимал ее и не пытался понять. Но он гордился тем, что понимает преступников. «Для этого парня, Шоукросса, есть подходящее слово, – сказал он себе. – И это слово „гнилой“. Прогнивший до мозга костей. Какая разница, родился он гнилым или стал гнилым позже? Гнилой и есть гнилой».

Выйдя в коридор, Кубински сказал помощнику окружного прокурора Хью Гилберту: «Он отгораживается от меня, будто мы даже не в одной комнате. Точно так же он вел себя и в деле Блейка».

Было воскресенье, шесть часов утра. Прокуратура пришла к выводу, что улики для ареста все еще недостаточно. Кубински хмурился, когда вызывал патрульную машину и усаживал Шоукросса на заднее сиденье. «Глянь на этого мерзкого сопляка, – сказал он себе, когда машина отъехала и направилась к «Кloverдейл апартаментс». – Я не засну, пока не прижму его как следует...»

В самом начале девятого на полицейскую стоянку въехал универсал, из которого вразвалочку вышел Редстоунский капрал. Это была собака, чистокровная ищейка с вялой шкурой, подрагивающими ноздрями и свисающими до земли ушами. Капрала показывали на ярмарке штата в Сиракьюс, в ста двенадцати километрах к югу, когда поступил запрос о том, что требуется ищейка.

Кубински, шеф Лофтус и другие офицеры стояли у моста на Перл-стрит и наблюдали, как звездный пес берется за дело. Детектив предложил начать с места преступления, но хозяин собаки посмотрел на крутой склон и острые камни и объявил, что Редстоунский капрал слишком ценен, чтобы так им рисковать. Собака обнюхала итальянскую сандалию Шоукросса, прошла вдоль железных перил, притормозила у решетки на тротуаре и остановилась в том месте, где был припаркован велосипед. Затем легкой рысью повела хозяина и несколько полицейских машин вверх по Перл-стрит.

Передвигаясь на свободном поводке, Капрал повернул налево на Старбак-авеню и проследовал к задней стороне «Кloverдейл апартментс», в шести кварталах к северу вдоль ограждения «Нью-Йорк эйрбрейк». Помедлив у нескольких дверей, пес ткнул лапой в заднюю дверь квартиры 233. Это была квартира Шоукроссов.

15.

Третья жена Артура Шоукросса копам из Уотертауна не обрадовалась. «Когда прекратится это давление? – возмущалась Пенни Николь Шербино Шоукросс. – Каждый раз, когда кто-то пропадает, полиция мчится к бедняге Арту. Почему? Из-за того, что он насовал траву в штаны какому-то сорванцу? Ну так это безобидная забава. *Всем насрать!*»

И вот теперь, в воскресное утро, они уже в третий раз,

начиная с полуночи, волокли ее мужа в управление полиции.

– Я должен предупредить, что вы – подозреваемый, – сказал Арту один из копов.

Пенни знала, что Арт не способен на такое преступление. Он расстроился, когда умерла золотая рыбка. Да, он немного странный, не такой, как все. Но он любит детей, играет с ее двухлетней девочкой и четырехлетним мальчиком, носит их на спине, покупает им конфеты и подарки. Он хотел собственного ребенка, но тремя месяцами ранее у Пенни случился выкидыш. Она помнила, как он тогда расстроился.

– Мне жаль, Пенни, – сказал тогда Арт, отводя взгляд, чтобы она не видела его глаз. – Мне очень жаль.

Она никогда не видела его таким. Он едва сдерживался, чтобы не заплакать. Еще большее было оттого, что в больнице им не сообщили пол их так и не родившегося ребенка.

Полицейские забирали его в третий раз, и Пенни настояла на том, чтобы поехать с ним. Ей было что рассказать копам, в основном о них самих. Они с Артом обсудили убийство Карен Хилл, пока собирали его одежду, и он заверил ее, что непричастен к этому. Потом он удалился в спальню и сидел в темноте, уставившись в пространство. Такое уже случалось раньше, он как будто отстранялся от всех. И кто бы мог его винить, если против него было все чертово полицейское управление?

Зловещего вида детектив провел их обоих мимо стойки регистрации и дальше по коридору муниципального здания.

За ними следовал угрюмый парень, оказавшийся помощником окружного прокурора.

— Арт, — начал полицейский, — я хотел бы задать тебе еще несколько вопросов.

Когда Пенни услышала то, что последовало за этим, она не выдержала и заплакала.

16.

Кубински решил добиться признания прежде, чем душеитель потребует адвоката. Это элементарная полицейская процедура: зачитывая задержанному его права, в глубине души детектив молится, чтобы подозреваемый этими правами не воспользовался.

Пенни Шоукросс и помощнику окружного прокурора Гилберту досталась роль молчаливых слушателей. Два же главных героя этой сцены сошлись лицом к лицу в комнате «А» полицейского управления. Это небольшое кубическое помещение предназначалось для жестких допросов и обставлено было соответственно: никаких картин или безделушек, только несколько стульев и окно с видом на Стерлинг-стрит. Кубински опустил штору, и одним отвлекающим фактором стало меньше. Он хотел добиться полного внимания.

Детектив в четвертый или в пятый раз прослушал показания Шоукросса и снова отметил про себя слабое место между 12:00 и 14:30. В каждой версии своего рассказа Шоукросс

менял те или иные детали и пересматривал факты, но этого все равно было недостаточно, чтобы обосновать арест.

Через пятнадцать минут после начала допроса полицейский в форме подозвал жену Шоукросса и помощника прокурора к выходу. Речь шла о получении ордера на обыск, и Пенни для этого нужно было вернуться в «Кловердейл апартментс».

Оставшись наедине со своей добычей, Кубински пошел в атаку.

– Арт, посмотри на меня.

Шоукросс уставился в стену.

– Черт возьми, Арт, *посмотри* на меня!

Шоукросс продолжал смотреть в сторону.

– Я *с тобой* разговариваю, – настаивал детектив. – И ты разговариваешь *со мной*! Не отводи взгляд.

Ответа не последовало, и Кубински сменил тактику на более мягкую.

– Слушай, Арт, давай будем благоразумны.

Он прослужил в полиции восемнадцать лет, из них восемь лет детективом, но никогда еще не сталкивался с таким чудачком. Парень, казалось, считал половицы, и его плотно сжатые губы представляли собой жесткую прямую линию.

– Эй? – рявкнул Кубински. – Ты меня слышишь?

Шоукросс и глазом не моргнул. Детектив повысил голос:

– Знаешь, кто ты такой, парень? Ты гнилой сукин сын! Ты убил эту девочку. Ты это знаешь, и я это знаю.

«Послушай только себя со стороны, – подумал Кубински. – Ты одновременно и хороший, и плохой полицейский. Это что-то новенькое. Но что это мне дает? *Ничего*».

Он погрозил подозреваемому пальцем.

– Ты никчемный сукин сын. – Кубински понизил голос, чтобы его не было слышно в коридоре. – Мне бы следовало пристрелить тебя прямо сейчас, ублюдок! Подумай, что ты сделал с этой девочкой.

Лицо Шоукросса превратилось в маску. «Как, черт возьми, ему удается так от меня отгораживаться?» – думал детектив. Возможность провала в деле с этим ужасным убийством так взволновала его, что он вышел на улицу успокоиться. Рядом не было ни души. Вернувшись через какое-то время в комнату для допросов, Кубински услышал, как Шоукросс что-то бормочет. Прислушавшись, он как будто разобрал страшное слово «адвокат».

– Подожди минутку, Арт. Я сейчас вернусь.

В коридоре помощник прокурора разговаривал с патрульным. Пенни Шоукросс уехала в «Кловердейл апартментс». Оставалось только надеяться, что она уже не вернется. Преступники редко дают признательные показания в присутствии родственников.

– Парень начинает беспокоиться, – сказал он Хью Гилберту. – Думаю, он собирается просить адвоката.

Помощник прокурора посоветовал ему не делать ничего, что могло бы поставить под угрозу само расследование. Это

означало одно: соблюдать до последней буквы правило Миранды⁸.

Когда детектив вернулся в комнату «А», Шоукросс уже вставал.

– погоди минутку, Арт, – быстро сказал он, похлопав его по плечу. – Садись. Давай поговорим еще немного.

Душитель нахмурился и сел. Кубински напомнил себе, что полицейский со значком имеет несправедливое преимущество перед бывшим заключенным, работающим на свалке. «С другой стороны, – подумал он, – как бы я ни обошелся с этим пройдохой, моя совесть будет чиста. Я *знаю*, что он убийца. И что, мне теперь нужно заботиться о *его* благополучии? А как насчет той маленькой девочки? Как насчет ее родителей, которые будут жить с этим горем всю оставшуюся жизнь?»

– Итак, Арт, – сказал он. – Давай поговорим о том, что ты делал с двенадцати до трех часов дня.

Спарринг возобновился, медленный, утомительный, с частыми тяжелыми паузами. Иногда Шоукросс спрашивал, что с ним будет, если он признается. Когда детектив указывал ему на нестыковки и противоречия в показаниях, тот только пожимал плечами.

Каждый раз, когда возникало желание отступить и закон-

⁸ Правило Миранды – юридическое требование в Соединенных Штатах Америки, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его сотрудник обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное.

чить, Кубински заставлял себя мысленно вернуться к сцене на мосту, которую видел десять часов назад. После того как с тела убрали тротуарные плитки, в свете полудюжины фонариков стали видны пятна крови. Патологоанатом сказал, что жертву могли убить до того, как изнасиловали. А возможно, эти два действия произошли одновременно. Кубински вздрогнул. «Если на небесах есть Бог, – сказал он себе, – то она уже наверняка была мертва».

К 9:00 оба в комнате заметно устали. Кубински все ждал, что Шоукросс встанет и уйдет, но тот по какой-то странной причине не хотел уходить. Среди преступников встречались «крутые» парни, считавшие, что должны держаться до конца, не сдаваться, ни о чем не просить и даже не требовать соблюдения своих прав. Детектив полагал, что это как-то связано с сохранением лица, мачизмом, какой-то глупой гордостью. А может, они боялись выглядеть ссыкунами, второй из низших форм жизни в криминальном мире после стукачей. Они убеждали себя, что могут перехитрить самого умного собеседника при помощи лжи и манипуляций. Некоторым это действительно удавалось. «Но этому не удастся, – сказал себе Кубински. – Не выйдет, даже если нам придется сидеть здесь и разговаривать целый месяц. Посмотрим, кто спасует первым...»

Психологическая дуэль продолжалась еще полчаса, прежде чем Шоукросс, словно очнувшись, поднял голову и сказал:

– Ну, наверно, я это сделал.

Кубински постарался не выказывать волнения. «Дело пошло, – сказал он себе. – Пошло *по-настоящему*». Но эта туманная формулировка его не устраивала.

– Чушь собачья! Не надо вот этого «наверно, сделал». Ты это точно сделал. И ты это *знаешь*!

– *Может быть*, сделал, – пожал плечами Шоукросс. – Но я правда ничего не помню.

После этого он снова ушел в себя.

Кубински вышел в соседнюю комнату, где находились помощник окружного прокурора Гилберт и следователь полиции штата.

– Я думаю, он готов. Пойдем, вы будете свидетелями.

В присутствии остальных детектив задал Шоукроссу формальный вопрос для протокола.

– Вы хотите рассказать нам о том, что произошло под железным мостом на Перл-стрит между 14:00 и 14:30 второго сентября 1972 года?

Шоукросс заколебался, потом едва слышно произнес:

– Наверное, я сделал это. Но на самом деле я этого не помню.

Кубински надавил, но убийца уперся и больше ничего не сказал. На совещании в тесном кругу окружной прокурор Маккласки с сожалением констатировал: «Это довольно слабое признание».

Кубински сказал, что это только начало.

По указанию окружного прокурора Шоукросс был задержан по обвинению в убийстве и помещен в городскую тюрьму. Несколько часов спустя, во время процедуры опознания, четыре девочки, которые видели его на мосту, уверенно указали на него. Кубински надеялся, что этой идентификации будет достаточно для вынесения обвинительного приговора. Девочки не смогли связать Шоукросса с Карен Энн, но помогли приблизить его к жертве.

Детектив отхлебнул еще кофе и принялся приводить все в порядок: составлять справочные отчеты, протоколировать улики, заказывать дополнительные фотографии моста и места убийства, писать обращения к потенциальным свидетелям. И только после полудня он приступил к составлению предварительного отчета. Сильные пальцы бывшего дояра застучали по клавишам.

«Мы полагаем, что после „Ист-Хиллз“ Артур Шоукросс поехал по Хантингтон-стрит в район железного моста. Прислонив велосипед к перилам, он спустился к берегу реки и отправился на рыбалку. Заманив проходившую по мосту Карен Хилл, он совершил над ней сексуальное насилие, убил посредством удушения, а затем прикрыл ее тело плитками и покинул место преступления примерно в 14:00–14:30. В это время его заметили четыре девочки, прогуливавшиеся в том районе. Для обеспечения алиби он использовал Терри Тенни, которого случайно встретил на Фэктори-стрит примерно в 14:30–14:35... Как указал свидетель, Шоукросс по-

смотрел вниз через решетку на тротуаре – вероятно, чтобы проверить, видно тело или нет».

На подготовку предварительного отчета потребовалось более часа. Закончив черновик, Кубински подумал о Джеке Блейке в связи с одной уликой – запоздалой и недостаточной, чтобы гарантировать предъявление обвинения по делу Блейка, но достаточной для возобновления расследования. Уильям «Корки» Меррок позвонил в полицию и сообщил, что несколько месяцев назад встретил мужчину, выходявшего из леса за его мотелем и заправочной станцией недалеко от кладбища Норт-Уотертаун на местном шоссе 12Е. Он не смог назвать точную дату, но это случилось примерно во время исчезновения Блейка. Ботинки у мужчины были заляпаны грязью, и он нес две части старой удочки, которые, по его же словам, нашел на берегу ручья Келси-Крик. Меррок сказал, что мужчина представился Артом Шоукроссом и объяснил, что пересек четырехполосную межштатную автомагистраль 81 пешком. Меррок сказал полицейским, что почти уже забыл об этом случае, но вспомнил о Шоукроссе, когда услышал это имя по радио.

Кубински достал карту Уотертауна и провел ногтем линию к заправочной станции и мотелю на северо-западной границе города, где работал Меррок. Рядом находился треугольный лесистый участок с ручьем Келси-Крик, отделенный тремя проходящими рядом трассами и ответвлением железной дороги Пенн-Сентрал. Он был готов поспорить,

что тело Джека Блейка лежит там, ровно посередине.

В восемь часов вечера того же дня детектив откинулся на спинку своего офисного кресла и попытался осмыслить несколько суровых реалий. У него по-прежнему не было ничего на Шоукросса в деле Блейка, кроме уверенности в том, что сумасшедший сукин сын имеет к этому прямое отношение. Однако большое жюри присяжных не могло выдвинуть обвинений, полагаясь только на полицейскую интуицию. Требовалось гораздо больше доказательств, а лучше всего тело и в придачу признание. И даже в этом случае, напомнил себе Кубински, дело может быть проиграно. Уотертаун был маленьким закрытым сообществом, где можно повлиять на суд и где место окружного прокурора занимал человек, которого детектив считал слабым, невыразительным политиком. Если плохие парни не соскакивали с крючка каким-то одним способом, были и другие способы.

Кубински решил не терять время даром и действовать быстро. Он не спал уже два дня, но ему и в голову не приходило поехать домой или вздремнуть в задней комнате. Он знал, что должен заставить Шоукросса признаться, прежде чем суд назначит ему адвоката. Сон подождет.

Около девяти часов вечера он зашел в камеру убийцы и поболтал с ним несколько минут, пытаясь укрепить ту хрупкую связь, которая возникла между ними во время разговоров о Карен Хилл.

– Арт, я говорю тебе это для твоего же блага, – мягко начал он. – Ты убил маленькую девочку, и я знаю, что ты также убил мальчика. Ты можешь рассказать мне об этом, Арт. В любом случае, так или иначе, тебя обвинят в убийстве Карен. Освободи от этого свой разум. Сними весь этот груз с души.

Шоукросс не ответил.

– Подумай об этом, Арт, – сказал Кубински. – А я еще вернусь.

Детектив проинформировал шефа полиции Лофтуса, затем снова навестил убийцу сразу после десяти часов вечера. Шоукросс лежал, растянувшись на койке.

– Привет, Арт, – сказал детектив. – Как дела?

Убийца улыбнулся.

Кубински выдавил улыбку в ответ и спросил:

– Ты хочешь мне что-нибудь сказать?

– Возможно, – ответил убийца.

– Что ж, давай поговорим.

– Никаких проблем.

Это было его любимое выражение, и оно могло означать все что угодно.

– Арт, нам сказали, что тебя видели, когда ты вел Джека Блейка в Пул-Вудс.

– Нет, не в Пул-Вудс, – сказал Шоукросс.

– Хорошо, а что это был за лес?

Шоукросс уставился в пол.

– Это лес рядом с заправкой «Корки» Меррока?

Кубински ожидал какой-то реакции, но выражение лица задержанного не изменилось.

Молчание затянулось, но потом Шоукросс пробормотал:

– Это могло быть рядом с путями.

– Какими путями?

– Железнодорожными путями.

– Пенн-Сентрал?

– Разве я так сказал? – с хитрым выражением спросил Шоукросс.

– Арт, тело лежит к северу или к югу от путей?

Шоукросс сложил руки на груди и опустил глаза. Детектив сказал:

– Слушай, чувак, не закрывайся. Терпеть не могу эту чушь. *Посмотри на меня!* Мне нужна твоя помощь, – он сделал паузу и, понизив голос, добавил: – Тебе сразу станет легче, если скажешь правду.

Убийца медленно поднял голову.

– Ладно, Чарли, – мягко сказал он. – Я помогу тебе. И, может быть, ты поможешь мне. Но только... дай мне поспать и все обдумать.

Детектив понимал, что не может форсировать события. Преступник такого типа мог вечно балансировать на грани. Работать следовало медленно и осторожно, вести себя дружелюбно, убедить его, что признание может пойти ему на пользу. Также не помешало бы намекнуть, что у тебя есть кое-какое влияние на судью и окружного прокурора. Хит-

рость заключалась в том, чтобы сделать вид, что ты что-то обещаешь, но при этом не отдаешь главное. «Наверно, это несправедливо, – признавался себе детектив, – но также несправедливо и то, что невинную маленькую девочку избили, задушили, изнасиловали, надругались над ней и обложили камнями». Он имел тут дело не со скаутом-орлом.

Муниципальное здание почти опустело, когда он допил последнюю чашку остывшего кофе и отправился домой. Фрэнсис, жена Кубински, поцеловала его и, пожелав спокойной ночи, оставила в покое. Она знала, что бывают моменты, когда он не хочет слушать, как прошел ее день, или же говорить о себе.

Сидя в полутемной гостиной, он снова заставлял себя вспомнить Карен Хилл. Он напомнил себе, что ужасы – часть его работы, и непрофессионально принимать все близко к сердцу. Он не мог представить себе более жестокого преступления, худшего греха. Для такого злодея, как этот, не хватит всего огня в аду.

Когда он на цыпочках вошел в спальню в два часа ночи, перед его мысленным взором все еще мелькали похожие на спички ноги девочки, ее раны и синяки, грязь, набившаяся ей в горло. Усилием воли он повернул мысли к делу Джека Оуэна Блейка. Либо все решится утром, либо не решится уже никогда. В этом Кубински был уверен на все сто.

17. Линда Нири

На следующий день после ареста Арта один из его друзей пришел ко мне с конфиденциальным сообщением из тюрьмы.

– Линда, – сказал он, – Арт просто хотел, чтобы ты знала: он этого не хотел.

Он сказал, что у Арта случился еще один вьетнамский флешбэк, и это подтолкнуло его убить маленькую девочку. Мне вспомнилось, как он ударил меня, когда я разбудила его.

Тут было о чем подумать. Он через многое прошел во Вьетнаме, и это разорвало его на части и полностью изменило. Если он и был чудовищем, то только из-за этого.

Я задавалась вопросом, была ли Карен Хилл его первой жертвой. Может, именно из-за этого он так расстроился в Оклахоме. Может, он убил кого-нибудь в одну из тех ночей, когда не вернулся домой из Форт-Силла. Может быть, именно поэтому он пытался покончить с собой.

Но я держала свои мысли при себе.

18.

После нескольких часов сна Чарли Кубински зашел в кабинет Джо Лофтуса, чтобы ввести своего шефа в курс дела.

Он не собирался передавать шефу невнятные сведения о теле Джека Блейка. Пока еще слишком рано. Последнее, чего он хотел, это затеять преждевременные поиски тел с участием сотрудников полиции и собак-ищеек. Пусть убийца сделает полное признание и сам приведет их на место преступления; тогда ни у кого не возникнет сомнений в его виновности, как бы он потом ни изворачивался. Детектив по-прежнему опасался, что еще один преступник сможет обойти систему правосудия на севере штата Нью-Йорк. На его памяти такое случалось слишком часто.

Уже изложив Лофтусу половину подготовленного отчета, Кубински пересмотрел свое решение. Речь все-таки шла о крупнейшем деле в истории Уотертауна, и начальству нужно было точно знать, что происходит.

– Шеф, мне кажется, я знаю, где лежит тело Джека Блейка.

На настенной карте он указал на лесистый треугольник с ручьем Келси-Крик, граничащий с межштатной автомагистралью 81 и местными шоссе 37 и 12Е, примерно в километре от «Кловердейл апартментс».

– Где-то здесь.

Кубински знал, что вскоре после исчезновения мальчика в этом районе тоже велись поиски.

– Если ты так уверен, почему бы нам не послать туда поисковую группу? – спросил Лофтус.

– Я *не* уверен, шеф. Я хочу, чтобы Шоукросс показал нам тело. Тогда мы сможем гарантировать обвинительный при-

говор.

Лофтус, похоже, не хотел ждать.

– На нас оказывают большое давление, Чарли. Мать паренька не дает нам спуска.

– Мы так долго ждали, – сказал Кубински. – Давайте сделаем все правильно.

Выйдя из кабинета шефа, он узнал от одного тележурналиста, что судья назначил адвоката Пола Дирдорфа представлять интересы обвиняемого. Кубински пожалел, что судья не выбрал одного из тех потрепанных жизнью старых халтурщиков, которые слонялись по залам суда в поисках хотя бы нескольких часов работы. Дирдорф был молод и зелен, но имел репутацию опытного бойца. Он быстро уговорил судью назначить психиатрическую экспертизу «730», чтобы выяснить, способен ли Шоукросс предстать перед судом. И пригрозил подать еще несколько ходатайств. Кубински понял, что должен закончить свои дела с убийцей до того, как его закроют по решению суда. Адвокаты-выскочки вроде Дирдорфа разбирались в правилах Миранды и методах работы полиции намного лучше, чем их подзащитные.

Во второй половине дня тюремный надзиратель сообщил Кубински, что заключенного обсуждает весь персонал.

– Никто не может сказать точно, в чем дело, но с этим парнем что-то явно не так.

Днем его навестили родители, и Шоукросс говорил с ними детским лепетом и не поднимал глаз. Родители пробыли с

ним недолго.

Детектив вызвал заключенного в свой кабинет для еще одного допроса. К этому времени их встречи начинались и прекращались столько раз, что один из сержантов окрестил происходящее «Шоу Арта и Чарли».

Кубински указал убийце на стул с прямой спинкой напротив своего стола. Шоукросс выглядел отдохнувшим и расслабленным, и Кубински задался вопросом, притворяется он или просто не понимает всю серьезность своего положения. Он слышал, как убийца звонил своему надзорному офицеру в два часа ночи, чтобы пожаловаться на копов, помявших его новый велосипед. При этом он не упомянул, что велосипед значится уликой в деле об убийстве.

На этот раз Шоукросс заговорил первым.

– Я тут подумал, Чарли. Если я помогу тебе, что ты сможешь для меня сделать?

– Давай подождем и посмотрим, – сказал Кубински, тщательно подбирая слова. – Я сделаю все, что смогу.

«То есть не так уж и много, – напомнил он себе. – В этом республиканском округе мы, демократы, никто. Я мало что могу сделать для этого скота и благодарю Бога за такую крохотную милость».

Шоукросс, похоже, остался доволен.

– Я помогу тебе, Чарли. Ты знал, что я был в лесу за заправкой в тот день, когда пропал мальчик?

– С Джеком Блейком?

Кубински воспринял молчание как «да». Но уликой молчание быть не могло. Он решил надавить:

– Ты хочешь отвести меня туда?

Шоукросс не ответил, а когда детектив повторил вопрос, убийца пробормотал:

– Да. Может быть, я отведу тебя туда.

– Хорошо, – сказал Кубински, вставая. – Я возьму машину.

– Подожди! Мне нужно немного времени.

Кубински сел.

– Ты хочешь поговорить с кем-нибудь еще? – спросил он.

– Нет. Я буду говорить только с тобой. Но... не гони коней.

Детектив понимал, что быстро не получится, и нужно набраться терпения.

– Хорошо, Арт. Время у тебя есть. Столько, сколько будет надо. – Иногда Шоукросс казался туповатым, но в его близко посаженных зеленых глазах таился огонек интеллекта. – Я буду работать с тобой.

«Конечно, буду, – добавил он про себя. – Я даже сам отвезу тебя в тюрьму „Аттика“...»

Когда Шоукросса уводили, детектив сказал:

– Запомни одно, Арт. Мы оба знаем, что произошло. Тот парень заслуживает достойных похорон.

Заклученный нахмурился.

– Возможно, *ты* и знаешь, что я сделал, – сказал он, – но я ничего не помню.

– Арт, будь благоразумен. Как думаешь, твоей памяти пойдет на пользу, если ты отведешь нас к телу?

Убийца помолчал, потом сказал:

– Никаких проблем, Чарли. Просто дай мне еще немного времени.

У Кубински было уверенное чувство, что они вот-вот раскроют дело Блейка.

19.

На следующее утро, в среду 6 сентября 1972 года, когда Кубински еще был дома, он узнал, что полицейские Уотертауна и помощники шерифа из округа Джефферсон формируют поисковую группу. Именно этого он боялся больше всего. Со времени убийства Карен Энн Хилл прошло меньше четырех дней, со дня исчезновения Блейка меньше четырех месяцев – еще день или два не имели никакого значения. Шоукросс мог вот-вот сам привести полицию к телу, что обеспечило бы абсолютную гарантию обвинительного приговора. Но что, если они найдут тело без помощи Шоукросса, а он откажется от всякого сотрудничества – причем навсегда? Как окружной прокурор свяжет его с этим преступлением, не имея на руках ничего, кроме кучи подозрений, слухов и интуиции, которые в суде никто во внимание не примет?

Шеф полиции Лофтус был недоступен. Кубински бросился в кабинет заместителя шефа полиции Кларенса Киллори-

на и умолял его отменить планы. Киллорин отказался.

«Шоу Арта и Чарли» возобновилось с перерывами, и к позднему утру два главных его действующих лица, казалось, сблизились. Кубински не обманывал себя тем, что убийца проникся к нему симпатией или получает удовольствие в его компании. Этот парень искал передышки, дружеского слова от судьи или окружного прокурора, подтверждения того, что он заслуживает перерыв. «Другими словами, – сказал себе Кубински, – он ведет свою хитрую игру. И я тоже». Несколько раз он намекал Шоукроссу, что ему, возможно, удалось бы смягчить приговор, но только на основе взаимности.

– Ты не похож на плохого парня, Арт, – говорил он. – Вот бы ты только оказал нам небольшую помощь...

К обеду убийца явно начал поддаваться. Наверное, в десятый раз он спросил, что ему будет за согласие сотрудничать. Кубински старался обнадежить, но ничего не обещал. Шоукросс попросил отпустить его в камеру.

20.

Первый проход по заболоченному лесу занял четыре часа и не выявил ничего более интересного, чем побелевшие кости мелких животных и птиц. В половине четвертого, во время второго прохода, детектив Гордон Спиннер и заместитель шерифа округа Джон Гриффит заметили длинные полосы

коры, аккуратно выложенные поверх небольшого холмика в рыхлой земле.

Спиннер передвинул одну полоску, и мухи-синеголовки сорвались с гниющей плоти. Одежды на хрупком скелете не было. На черепе сохранилась прядь светлых волос. Некоторые кости были смещены, вероятно, при нападениях лесных обитателей. Во рту, похоже, недоставало зубов. Видимых переломов или пулевых отверстий не было.

Поисковики огородили место происшествия скотчем и тщательно, буквально на четвереньках, обследовали окружающий подлесок. В десяти метрах от скелета помощник шерифа нашел серую футболку с выцветшей надписью спереди: «Я веду себя по-другому, потому что я *и есть* другой». На спине рубашки выцветшими печатными буквами было выведено «БЛЕЙК». Неподалеку валялась зеленая куртка, рукава которой были завязаны узлом, а также две черные кроссовки и пара носков.

В сорока метрах от скелета, в куче почерневших листьев нашлись синие рабочие брюки. В переднем кармане брюк обнаружилась желтая гильза от дробовика – очевидно, последний сувенир на память о прогулке по лесу. Когда сотрудники полиции подняли эти брюки, на землю упали мальчишеские трусы.

По мнению полицейских, разбросанная одежда свидетельствовала о том, что ребенка раздели перед смертью. Выбитый зуб, найденный после тщательного прочесывания

земли вокруг, подтвердил факт насилия. Похоже, убийца гнался за Джеком Блейком через колючие заросли. Это была жестокая игра в кошки-мышки. Зола под костями ступней указывала на то, что мальчик добрался до железнодорожных путей, прежде чем его поймали и оттащили обратно в лес. Все явные признаки садистского убийства тут были налицо.

21.

Около четырех часов дня Чарльзу Кубински сообщили, что его новый друг хочет поговорить. Надзиратель проводил Шоукросса в кабинет детектива.

– Чарли, – сказал заключенный, – я решил помочь тебе.

Кубински не вскочил, не схватил бланк признания и даже воздержался от комментариев. В ходе семи бесед за последние три дня он научился делать вид, будто именно Шоукросс контролирует ситуацию. В противном случае задержанный мог заупрямиться, как теленок.

После очередного типичного молчания убийца сказал, что судья назначил ему адвоката по имени Дирдорф, «и я не могу показать тело ребенка, не согласовав это с ним». Но он заверил Кубински, что разрешение адвоката всего лишь формальность.

– Я сам все продумал, – сказал Шоукросс. – Ты был добр ко мне, и я хочу сотрудничать.

Кубински сам не ожидал открыть в себе такой большой

запас терпения. Они провели еще несколько минут, беседуя на отвлеченные темы, когда из коридора донесся крик: «Мы нашли Блейка!»

Кубински сделал вид, что не расслышал. Шоукросс изменился в лице и забормотал что-то себе под нос.

– Что? – спросил детектив. – Что ты сказал, Арт?

– Я сказал, что вы все можете пойти к черту.

Кубински точно знал, о чем он думает: *«Чарли уже ничем не сможет мне помочь. Это не в его власти».*

– Тело у вас, – сказал Шоукросс. – Делай теперь, что хочешь.

И он устался в пол.

Еще целый час Кубински спорил, обещал и угрожал. Потом, поняв, что ничего не выйдет, он ворвался в кабинет начальника. Вечеринка в честь победы только начиналась.

– Садись, Чарли, – сказал шериф Ирвинг Энджел. – Я заказал пива.

Кубински узнал репортеров из «Уотертаун дейли таймс» и представителей вещательных служб. Он вздрогнул, когда Лофтус хлопнул его по спине и похвалил за отлично проделанную работу:

– Тело нашли именно там, где ты и сказал.

– И что это нам дает, шеф? – холодно спросил Кубински.

– Чарли, – сказал заместитель начальника Киллорин, – разве ты не слышал? *Мы нашли ребенка!*

– Вы нашли его тело, – поправил его Кубински. – А теперь

скажи мне, как ты собираешься связать это с Шоукроссом.

Лофтус и другие продолжали вести себя так, как будто дело раскрыто, в чем Кубински по-прежнему сомневался.

— Как, черт возьми, мы собираемся возбуждать судебное преследование? — спросил он. — Где неопровержимые доказательства?

Киллорин ответил ему, что об этом пусть беспокоится окружной прокурор. Кубински и хотел бы чувствовать себя поувереннее. Билл Маккласки был популярным прокурором в течение шести лет, но некоторым детективам казалось, что он не решается доводить дело до суда без наличия неопровержимых улик. Бывалые копы хотели, чтобы все дела рассматривались в суде, неважно, какими были доказательства, слабыми или нет. Им нужен был окружной прокурор с железной волей. Билл Маккласки был просто слишком хорошим парнем. Кубински решил уйти, пока не испортил веселье.

В коридоре он столкнулся с детективом, который только что вернулся из офиса шерифа на Корт-стрит. Детектив сообщил, что Мэри Блейк и ее муж опознали одежду своего погибшего сына. Аллен «Большой Пит» Блейк был слишком пьян, чтобы разобрать что-то, но его жена расплакалась, когда увидела футболку. После этого ее однорукий муж едва не рухнул на пол, и жене пришлось помогать ему спуститься в холл.

Кубински не видел Блейков несколько месяцев и спросил, как они сейчас выглядят. Другой детектив сказал, что

муж прибавил в весе. На нем была грязная белая футболка и рабочие брюки в пятнах, его физиономия давно не видела бритвы.

– Но жена его все та же. Злая и шумная, – в его устах эти эпитеты звучали похвалой. – Думаю, она все еще нас ненавидит.

Кубински сказал, что не удивлен этому.

22. Мэри Блейк

Да, я вошла и опознала тело. А что мне еще оставалось?

Я смотрела телевизор в гостиной, и там сообщили, что в лесу нашелся скелет ребенка. На экране какие-то люди несли мешок, типа мусорного, и что-то еще. Мы с Большим Питом ждали телефонного звонка, но так и не дождались. Будь прокляты эти копы свиномазые! Наверно, подумали: зачем звонить этим крысам у реки?

В итоге один знакомый отвез нас в офис шерифа. Одежда там была та, что носил Джек, все верно – черные кроссовки, которые я купила ему как раз перед тем, как он пропал, рубашка, ну и все остальное. На куртке была заплатка, которую я наложила в тот день, когда он ушел. Мне очень не хотелось плакать перед копами, но я ничего не могла с собой поделать.

Позже тем вечером кто-то позвонил из офиса судмедэксперта и спросил, могут ли они оставить тело Джека у себя, пока не закончат кое-какие исследования. Еще он сказал:

– Вы можете закопать пустой гроб, а позже мы выкопаем его и положим туда останки.

– Ну уж нет, мистер! – ответила я, а сама подумала, как можно вот так разговаривать с матерью? – Если будут похороны, мой сын будет лежать в гробу. Только так, и никак иначе. Он ничем не хуже всех остальных. Он – маленький человек.

Мне сказали, что перезвонят позже.

Часть четвертая

Правосудие

1.

Артура Шоукросса опросили в камере два врача. Они зафиксировали, что его коэффициент интеллекта слегка ниже нормы, и обнаружили психические расстройства, толчок к развитию которых дала, по всей вероятности, служба во Вьетнаме. Чарли Кубински было приказано сопровождать заключенного в больницу сестер милосердия для проведения эхограммы черепа, рентгена и неврологического обследования. Ответы по всем пунктам были получены негативные. Врачи признали обвиняемого дееспособным, и, следовательно, он мог предстать перед судом за убийство Карен Энн Хилл.

Назначенный судом адвокат защиты Пол Дж. Дирдорф тут же подал ходатайство о снятии обвинений на том основании, что подзащитный «по причине низкого уровня умственных способностей не способен свободно и разумно пользоваться своим правом хранить молчание и получать юридическую помощь».

Единственным доказательством, как утверждал адвокат,

были «неприемлемые и незаконные признания», сделанные обвиняемым детективу Кубински во время допросов, длительность которых выходила далеко за разумные пределы. Вдобавок ко всем другим пробелам в деле, сказал Дирдорф, обвинение не представило ни одного свидетеля, который смог бы связать Шоукросса и убитую Карен Энн Хилл.

Когда это ходатайство было отклонено, адвокат подал еще несколько. Помимо прочего, ему удалось убедить судью опустить занавес для «Шоу Арта и Чарли», запретив Кубински или кому-либо еще опрашивать Шоукросса без присутствия адвоката.

На предъявлении обвинения адвокат защиты проинструктировал своего клиента не признавать себя виновным и безуспешно добивался освобождения под залог. Убедительно ходатайствуя об усилении мер безопасности, Дирдорф напомнил судье о телефонных звонках с угрозами и отметил присутствие в зале суда шумной толпы зрителей. Он также сослался на редко используемый закон штата Нью-Йорк о досудебной гласности, закладывающий основу для исключения прессы и общественности из предварительного слушания. Снова и снова упорный молодой адвокат боролся за интересы своего клиента, иногда ценой своей личной популярности среди разгневанных жителей Уотертауна.

Чарли Кубински пытался укрепить позицию штата, но добился не слишком значительного прогресса. Его главный ис-

точник информации, то есть сам обвиняемый, больше не реагировал на его приветствия. Шеф полиции Лофтус все еще делал ставку на обвинительный приговор и пожизненное заключение, но у ведущего детектива были сильные сомнения, что это случится. В судах округа Джефферсон случались странные вещи. Он удвоил свои усилия. Он не хотел жить в городе, где человек может убить кого-то и потом выйти на свободу.

2. Пенни Шербино

Когда я пришла навестить Арта в тюрьме, помощник шерифа схватил меня за руку и сказал:

- Шериф хочет видеть вас наверху.
- Мне нечего сказать, – ответила я.
- Что ж, вы не сможете увидеть мужа, пока не поговорите с шерифом.
- Ладно, подумаешь, поговорю.

Шериф Энджел и пара помощников шерифа разговаривали со мной полтора часа. Они хотели подключить меня к делу на случай, если Арт скажет что-нибудь компрометирующее. Шериф сказал, что копам больше не разрешают допрашивать Арта, но, может быть, я смогу заставить его признаться.

Я не собиралась им помогать; мой муж был невиновен. Энджел продолжал настаивать. Он рассказал мне о поли-

цейском досье Арта и о двух годах, которые он провел в «Аттике» и «Оберне» за поджог и кражу со взломом. Я не поверила ни одному его слову. Все эти люди, должно быть, спятили. Я не выходила замуж за бывшего заключенного; не может быть, чтобы я настолько плохо разбиралась в людях.

Шерифу и его прихлебателям не понравилось мое отношение к ним. Это были законченные ублюдки, грубые, высокомерные, властолюбивые. Они были полны решимости заставить меня помогать им. «Ну вы и кретины», — думала я. Я разозлилась, начала кричать и плакать, и они, наконец, отстали от меня.

Арт был напряжен и постоянно повторял: «Я этого не делал, я этого не делал». Он утверждал, что его подставили, потому что у него были какие-то проблемы с полицией в детстве, и все в таком роде. Он даже заплакал. Его поместили в изолированную камеру, и он не понимал, что имеют против него другие заключенные.

Боже, как плохо мне стало из-за него! Я думала только об одном: как побыстрее убраться из этой тюрьмы.

3.

Копии протокола о вскрытии Блейка получили обе стороны.

Работая с побелевшими, несколько месяцев пролежавшими в земле костями и считаными сотнями граммов гниющей

плоти, патологоанатом Ричард С. Ли не смог точно определить конкретную причину смерти. В представленном им отчете говорилось:

«Попытки скрыть тело полосками коры, а также разбросанная одежда, на которой нет следов продуктов разложения тканей, указывают с высокой степенью вероятности, что умерший был раздет перед смертью. Эти же факты дают основание предполагать, что умерший либо был насильно раздет, либо его принудили раздеться... Учитывая эти выводы, ведомство вынесло заключение об убийстве, хотя причина смерти не установлена».

Неофициально бюро судебно-медицинской экспертизы выдвинуло предположение о том, что смерть мальчика наступила в результате асфиксии или удушения. Дата предварительного слушания по делу об убийстве Карен Энн Хилл приближалась, но никаких обвинений по делу Блейка предъявлено так и не было. Как и предупреждал Кубински, доказательства были слишком слабыми.

4. Хелен Хилл

Я отвезла Карен домой в Рочестер, похоронила ее и как будто бы перестала замечать, что происходит вокруг. Потом по радио сообщили, что полиция кого-то арестовала.

Я пыталась выяснить, где этот Шоукросс схватил моего ребенка. Карен никогда бы не полезла через железный забор,

чтобы подойти к незнакомому мужчине. Никогда, никогда, никогда, *никогда*. В Рочестере она каждый день проходила пешком семь или восемь кварталов до школы; она знала, как вести себя, кому можно доверять, а кому нельзя. Я бы поставила свою жизнь на то, что она не перелезала через то ограждение добровольно. Она могла бы наклониться и посмотреть на реку, могла бы помахать рукой или сказать «привет», но никогда бы не спустилась с берега без очень веской на то причины.

Я решила, что этот человек, должно быть, заманил ее каким-то образом. Парень, который видел, как она карабкается по перилам, сказал, что в руках у нее почти наверняка ничего не было. Что же случилось с белым кроликом? Она бы никогда не опустила его на землю, никогда бы не рискнула, не допустила, чтобы он убежал. Этого не могло быть. Но зачем ей тащить кролика на берег реки? Это же бессмысленно. Я понимаю, Шоукроссу нравилось насмехаться над детьми, дразнить их, доводить до слез. Может быть, он схватил кролика и убежал. *Тогда* она наверняка последовала бы за ним вниз по берегу. И ее бы никто не остановил.

Проведя несколько недель дома в Рочестере, я вернулась в Уотертаун. Что-то заставило меня поехать туда. Я не чувствовала ни ненависти, ни гнева – только оцепенение. Я чувствовала, что от меня зависит, выйдет ли убийца сухим из воды. Да, знаю. Это было иррациональное решение.

Я пошла домой к Линде Майлз, и первым делом она пока-

зала мне пустую кроличью клетку. Мы подумали, что Шоукросс мог бросить его в реку или угрожал это сделать, и Карен побежала вниз по набережной, чтобы спасти его.

Она была бесстрашной и без ума любила животных.

Я пошла в суд, чтобы взглянуть на убийцу. У меня дрожали колени. Я никому не говорила, кто я такая, потому что не хотела привлекать к себе внимание.

Едва я успела сесть, как судья распорядился вывести всех из зала. «Погодите минутку! – подумала я. – Я ее мать! *У меня есть право...*» Я гордилась тем, что не заплакала.

5.

Артур Шоукросс сидел в напряженной позе за столом защиты, глядя прямо перед собой. На предыдущие заседания он приходил в обычных брюках и рубашке с открытым воротом, но на предварительное слушание Пол Дирдорф одел его в аккуратную голубую рубашку, отглаженные голубые брюки и синюю спортивную куртку. Подсудимый больше походил на молодого бизнесмена, чем на бывшего заключенного.

Отвечая на вопросы помощника окружного прокурора Хью Гилберта, детектив Чарльз Кубински изложил свою версию, а потом почти час отбивался от агрессивных атак защиты. Пытаясь убедить судью в том, что допрос, продолжавшийся всю ночь, превысил установленные законом пределы и что все это время задержанный был лишен юридической

помощи, Дирдорф приводил данные по длительности каждой сессии. Этот дерзкий молодой адвокат также установил, что одежда и велосипед Шоукросса были изъяты без предъявления ордера на обыск. Затем он подверг критике следственные действия на месте преступления.

– Вы проверили мост на наличие отпечатков пальцев? – спросил он Кубински.

– К тому времени, когда мы были готовы сделать это, такой возможности уже не было из-за [общественной] активности в этом районе.

– Мост *не* проверяли на наличие отпечатков пальцев? – повторил вопрос Дирдорф.

– Нет.

Далее адвокат озаботился работой Редстоунского капра-ла, полицейской ищейки.

– Его водили под мост?

– Нет, сэр, – ответил Кубински.

– Под мостом его не было? Он был *на* мосту?

– Он был на мосту.

Через несколько минут Дирдорф снова вернулся к этой теме.

– Собаку отводили к месту обнаружения тела?

– К месту обнаружения тела ее не отводили.

Следующим вопросом адвокат еще раз заострил внимание на этом пункте.

– Собака была на мосту, – повторил он. – Она спускалась

под мост?

– Нет, сэр.

После того как Кубински ответил на все вопросы, настала очередь помощника судмедэксперта, которого вызвали на мост в ночь убийства. От него Дирдорф добился удивительных признаний.

Вопрос: Доктор, не могли бы вы перечислить действия, которые вы проводили, если проводили, с телом девочки?

Ответ: Я провел вскрытие и взял мазок из влагалища.

Вопрос: Вы определили группу крови девочки?

Ответ: Нет.

Вопрос: Смогли ли вы установить причину смерти?

Ответ: Да.

Вопрос: Это было удушье?

Ответ: Асфиксия и удушье, да.

Вопрос: Проводили ли вы какие-либо измерения для определения времени смерти?

Ответ: Нет, не проводил. Я не делал никаких измерений для определения времени смерти.

Вопрос: Можете ли вы приблизительно определить время смерти?

Ответ: При выраженных трупных пятнах и трупном окоченении определить точное время смерти трудно. Я бы сказал, от восьми до двенадцати часов.

Вопрос: Вы измеряли температуру тела?

Ответ: Нет, я этого не делал.

Вопрос: Это обычное исследование, которое проводится для определения времени смерти?

Ответ: Одно из исследований.

Вопрос: Есть ли другие?

Ответ: Да. Осмотр трупного окоченения и трупных пятен. В зависимости от температуры на улице.

Вопрос: По вашим оценкам, время смерти составило от восьми до двенадцати часов?

Ответ: Да.

Вопрос: С какого момента?

Ответ: С того момента, когда я осмотрел тело, скажем, примерно в 11:50. В это время я осматривал тело. Я не уверен на сто процентов, но, по моим оценкам, время смерти составляло от восьми до двенадцати часов на тот момент.

Вопрос: Во время вашего исследования вы обнаружили сперму во влагалище девочки?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы проводили какие-либо анализы спермы?

Ответ: Мы не брали сперму для анализа. Обнаружена сперма и сперматозоиды.

Вопрос: Пытались ли вы как-то сопоставить или классифицировать эти образцы?

Ответ: Нет.

Вопрос: ...В то время вы не проводили никаких химических исследований с помощью микроскопа или чего-либо подобного?

Ответ: Нет.

Вопрос: Ознакомились ли вы с какими-либо результатами экспертиз в лабораториях штата?

Ответ: Нет. Мы только исследовали мазки в больнице сестер милосердия. Никаких результатов других тестов мы не получали.

Неточность медицинских показаний серьезно ослабила значимость остальных доказательств, представленных обвинением. В деле об изнасиловании и убийстве нет ничего более важного, чем сравнение группы крови обвиняемого с группой, обнаруженной в сперме. А замер температуры тела для определения времени смерти является стандартной процедурой.

С каждым последующим свидетелем Дирдорф подчеркивал еще один момент: на протяжении всего четырехчасового промежутка, в пределах которого наступила смерть, по железному мосту шел постоянный поток транспорта. Шоукросс и его велосипед могли находиться на мосту, и подсудимому могла представиться хорошая возможность убить девочку, но то же самое можно сказать и о десятках других граждан.

После того как показания дал последний свидетель, судья городского суда Джордж Инглхарт спросил Дирдорфа, хочет ли его клиент выступить в качестве свидетеля.

– Нет, ваша честь, – ответил адвокат и потребовал, чтобы все обвинения были незамедлительно сняты с его подзащит-

ного. – Нет ничего, что могло бы связать моего клиента со смертью этой девочки. Самая важная косвенная улика – велосипед, который найден в этом районе и похож на велосипед моего подзащитного. Примечательны показания врача, из которых следует, что определить точное время смерти не удалось. Днем обвиняемого видели на мосту в течение всего нескольких минут. Я не считаю это достаточным основанием для того, чтобы суд задержал моего подзащитного по обвинению в убийстве.

Люди, знакомые с ситуацией изнутри, уже знали, какое решение вынесет судья. В холле уже звучали голоса горожан, желавших проводить Шоукросса к ближайшему дереву. Для судьи снятие обвинений означало бы неминуемое отстранение от должности.

– Ходатайство отклонено, – решительно объявил Инглхарт. – Доказательства в основном косвенные, но в ходе заседания подняты фактологические вопросы, которые, по мнению суда, требуют решения жюри присяжных. Я считаю обоснованным обвинение подсудимого в совершении убийства и потому намерен передать дело на рассмотрение большого жюри без отпуска подсудимого под залог.

6.

Чарли Кубински чувствовал себя так, словно смотрел последнюю сцену одного из тех выпендрёжных фильмов, где

копы выставляются мошенниками, а плохие парни побеждают. Каждому честному полицейскому бывает горько наблюдать за тем, как тот или иной преступник выходит победителем в столкновении с американской системой правосудия. На предварительном слушании адвокат защиты умело пробивал брешу в деле Карен Хилл, и в то же время никто даже не вспомнил о Джеке Блейке. Кубински содрогнулся при мысли о том, как Арт Шоукросс возвращается на игровую площадку позади «Кloverдейл апартментс»: водит детей на рыбалку, шлепает их, борется с ними на лужайке, засовывает траву им в штаны, изображает дружелюбие, а сам думает только о том, чтобы сорвать с них одежду и насмерть изнасиловать.

Заседание большого жюри не развеяло дурных предчувствий. Двадцать три его участника предъявили Шоукроссу обвинения по двум пунктам: в намерении совершить убийство Карен Энн Хилл и в причинении смерти ребенку во время совершения акта изнасилования. Но дело об убийстве Блейка даже не было упомянуто.

Будучи главным следователем по обоим делам, Кубински обратился к окружному прокурору за разъяснениями. Маккласки посоветовал ему не беспокоиться – мол, мы кое-что придумываем на этот счет.

– Ты же не имеешь в виду... сделку о признании вины? – спросил Кубински.

Маккласки попросил его набраться терпения.

7.

В психиатрическом центре Святого Лаврентия заключенного осмотрели и признали дееспособным для предания суду. По словам психолога, Шоукросс согласился с тем, что нуждается в психиатрической помощи. Он заявил, что не только слышит голоса, которые приказывают ему делать определенные вещи, но также предчувствует то, что вот-вот произойдет. Он утверждал, что ни при каких обстоятельствах не хочет, чтобы его отпускали на свободу до тех пор, пока он не пройдет длительный курс психиатрической помощи.

Ознакомившись с медицинскими заключениями, окружной прокурор Маккласки решил встретиться с подсудимым в тюрьме округа Джефферсон. Этим решением он предопределил собственную политическую кончину. Целью встречи, о чем не говорилось открыто, было достижение сделки о признании вины.

В протоколе он записал так:

«Сегодня 16 октября 1972 года. Я, Уильям Дж. Маккласки, окружной прокурор округа Джефферсон. Вы, Артур Шоукросс. Также присутствуют адвокат Пол Дирдорф... и шериф Ирвинг П. Энджел. Арт, цель этой сегодняшней беседы – поговорить о Джеке Блейке и о том, что происходило 7 мая 1972 года. Мы не ставим здесь целью обсуждение дела Ка-

рен Хилл. Для протокола я заявляю о намерении изменить предъявленное вам обвинение на непредумышленное убийство первой степени, имея в виду смерть Карен Хилл и Джека Блейка. Вы понимаете это, Арт?»

Шоукросс ответил «да», после чего начался допрос, проходивший в спокойном, вежливом тоне.

Вопрос: Итак, прежде всего, хотите ли вы рассказать нам о том, что случилось в воскресенье седьмого мая?

Ответ: Да, хочу.

Вопрос: Ходили ли вы в тот день на рыбалку?

Ответ: Нет.

Вопрос: Что вы делали в тот день?

Ответ: Я вышел из дома около двенадцати часов дня, у меня с собой была одна удочка без лески. Я прошел по Хорд-стрит и Брэдли-стрит, и Джек Блейк следовал за мной примерно в паре сотен метров... Я пошел вдоль железнодорожного полотна, хотел оторваться от него и спустился почти к «Лонгуэйс», но он все еще шел за мной по рельсам. Я свернул в лес. Он последовал за мной. Я велел ему идти домой, но он отказался. Я разозлился и ударил его по лицу тыльной стороной ладони, он упал и ударился о дерево. Тогда я испугался, положил его на землю, накрыл сверху корой и убежал.

Вопрос: На нем все еще была одежда?

Ответ: Нет.

Вопрос: Он снял ее?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: Вы не завязывали узлом рукава его пиджака?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: Были ли вы вообще на рыбалке в тот день?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: Вы после этого встретились с человеком по имени Билл Меррок?

Ответ: Когда я вышел из леса, то прошел вдоль забора, перебрался, не замочившись, через ручей, пересек автомагистраль 81 и оказался позади «Мотеля 47» и заправочной станции.

Вопрос: Заправочная станция находится рядом с мотелем?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы зашли туда и провели там какое-то время?

Ответ: Да. Я пробыл там около двадцати минут.

Вопрос: И вы разговаривали там с человеком, который работал на заправке? Вы знали его тогда?

Ответ: Я не был с ним знаком, но я знал, что это за место. У него там было заведение самообслуживания ресторанного типа, автоматы с оплатой монетками...

Вопрос: В рамках расследования этот человек рассказал в департаменте шерифа, что вы были в грязной обуви и испачканных брюках. Это так?

Ответ: На штанах грязи не было. Грязными были только ботинки.

Вопрос: Насчет ваших брюк – вы не проходили через бо-

лота или какое-то болотистое место?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: А потом, после мотеля, вы пошли домой?

Ответ: Нет. Оттуда я пошел к дому своего тестя... Примерно в пятистах метрах, около ста метров по Брэдли-стрит.

Вопрос: Долго вы там оставались?

Ответ: Примерно до четверти одиннадцатого.

Вопрос: И как же вы потом добрались домой?

Ответ: Мой тесть привез нас домой.

Вопрос: Вы сказали «нас»? Ваша жена тоже была там?

Ответ: Да.

Вопрос: Возвращались ли вы когда-нибудь на место того происшествия с Джеком Блейком?

Ответ: Нет, сэр. Я проходил мимо, но никогда там не останавливался.

Вопрос: Вы сказали, что он ударился головой о дерево, когда вы сбили его с ног. Сильно ли он ударился? Вы поняли тогда, что он умер? Думали ли вы об этом?

Ответ: Нет, сэр, не знал. Я так думал.

Вопрос: Ирв, у вас есть вопросы?

Вопрос (шериф Энджел): Что сказал вам Джек Блейк, когда наконец догнал вас? Он дал понять, что хочет пойти с вами?

Ответ: Да. Он сказал, что хочет порыбачить. Он думал, что я иду на рыбалку.

Вопрос: Вы когда-нибудь раньше ходили на рыбалку с

Джеком Блейком?

Ответ: Да, сэр. Я ходил с ним на рыбалку. Он пошел за мной на рыбалку первого апреля, в день открытия сезона ловли форели. Он и его брат.

Вопрос: Вы тогда с ним ссорились?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: Вы проверяли, дышит ли он, прежде чем оставить его в лесу?

Ответ: Нет, сэр. Я испугался и ушел.

Вопрос: Предпринимали ли вы какие-либо попытки помочь ему?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: Вы не пытались нести его?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: Рассказали ли вы своей жене о случившемся, когда добрались до родственников жены? Или когда вернулись домой? Вы рассказали, что произошло?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: Вы когда-нибудь рассказывали кому-нибудь то, что рассказываете нам сейчас?

Ответ: Нет, сэр.

Ответ (Дирдорф): Кроме меня.

Вопрос: Кроме вашего адвоката? Знали ли вы о поисках этого мальчика, которые велись, скажем, в первые два-три дня?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы знали о них? Как вы о них узнали?

Ответ: К моему дому приходили разные люди.

Вопрос: В какой-то момент вас задержали и допросили сотрудники полицейского управления Уотертауна?

Ответ: Да, сэр.

Вопрос: Вы отрицали, что знаете что-то о его местонахождении?

Ответ: Да, сэр.

Вопрос: Вас также задерживали и допрашивали детективы этого отдела, верно?

Ответ: Да, сэр.

Вопрос: Всего через несколько дней после его исчезновения?

Ответ: Да, сэр.

Вопрос: И вы снова отрицали, что знаете о его местонахождении?

Ответ: Да.

Вопрос: Предполагали ли вы в тот конкретный момент, что он, вероятно, мертв?

Ответ: Да, сэр, предполагал.

Вопрос: Вы когда-нибудь приставали к этому мальчику в сексуальном плане?

Ответ: Нет.

Вопрос: Вы приставали к нему в сексуальном плане во время предыдущих контактов с ним?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: Он когда-нибудь просил вас об этом?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: Он вам отказывал?

Ответ: Нет, сэр.

Вопрос: Я думаю, что это все.

Вопрос (Маккласки): Ты хочешь что-нибудь добавить, Пол? Хорошо, всем спасибо.

8.

Прочитав расшифровку вопросов и ответов, Чарли Кубински взорвался. Насколько он понял из протокола, Маккласки и шериф беспрепятственно позволяли убийце гордить одну небылицу за другой.

Детектив покачал головой, прочитав категорические опровержения Шоукроссом фактов сексуального домогательства к мальчику. «Боже мой, – подумал он, – если бы я только мог там задать ему несколько вопросов. Эй, Арт, а кто же разбросал одежду этого парня? *Бурундуки*? Почему его нашли раздетым? Что вообще ребенок и взрослый мужик делали в том лесу? Загорали? Наблюдали за птицами? *Гольшиом*?»

Для матерого копа это было простое и ясное дело об изнасиловании и убийстве ребенка, и оно подлежало рассмотрению в суде. По общему признанию, расследование не было идеальным, но разве всегда бывает идеальное расследо-

вание? Кубински презирал тех, кто заключал такие сделки. Читая стенограмму допроса, он представлял, какие требования выставил Дирдорф во время переговоров: *вы можете спросить моего клиента об этом, но вы не будете спрашивать его о том. Вы можете копаться вот в этом, но не копайтесь вот в том...*

«Ладно, – сказал себе Кубински, – адвокат защиты и должен защищать своего клиента, но какое оправдание у Маккласки? Почему он решил сделать такой поворот? Он ведь ходил на железный мост в ту ночь, разве нет? Он видел кровь, грязь, эти тоненькие голые ноги. Разве он не понял, с каким чертовым маньяком мы имеем дело? Разве он не понимает, что Шоукросс до смерти избил Джека Блейка и надругался над ним?»

Он высказал свои жалобы шефу полиции Лофтусу, и тот посоветовал ему помалкивать. Он пожаловался своему непосредственному начальнику, заместителю шефа Киллорину, тот похлопал его по спине и поблагодарил за то, что он довел дело до конца.

Гнев требовал выхода, и Кубински отправился прогуляться на городскую площадь, где столкнулся возле статуи нимфы с дружелюбно настроенным Маккласки. Эти двое были в том числе и деловыми партнерами: Маккласки представлял интересы Кубински в сделке с недвижимостью и проделал хорошую работу.

– Билл, – сказал детектив, – я бы хотел, чтобы вы передали

дело Блейка большому жюри.

Окружной прокурор ответил, что его беспокоит отсутствие улик. Представители всех правоохранительных служб оказывали сильное давление, требуя поскорее закрыть оба дела и отправить Шоукросса в исправительное учреждение. Каждый раз, когда его доставляли в суд, толпа угрожала линчевать этого человека. Коммутатор окружного прокурора был забит возмущенными звонками. Ситуация становилась взрывоопасной.

– Мы получим больше доказательств, – запротестовал Кубински. – Ради бога, Билл, не сдавайся.

– Мы заключили сделку, – признался Маккласки, – по которой он получит двадцать пять лет за непредумышленное убийство по делу Хилл. В свою очередь, он признается в убийстве мальчика. Думаю, общественность должна об этом знать. Мы никогда не смогли бы доказать это в суде.

Кубински подумал об убийцах, которые, отсидев свой срок, убивали снова.

– Шоукросс не изменится, – сказал он. – Его следует отправить за решетку на всю жизнь.

Прокурор согласился.

– Предоставь мне доказательства, Чарли, – сказал Маккласки все тем же любезным тоном. – Я всегда говорил, что окружной прокурор, который чего-то стоит, может привлечь к ответственности кого угодно даже за бутерброд с ветчиной. Но... не в этом случае.

Он добавил, что добиться обвинительного приговора по делу об убийстве Карен Хилл вряд ли удастся – прежде всего из-за недостатка свидетелей.

– А как же те девочки, которые видели его на мосту? – удивился Кубински.

– На том мосту было много людей, – ответил Маккласки. – Я не могу их всех обвинить в убийстве.

– Но Терри Тенни видел, как странно Шоукросс себя вел, глядя через решетку. И ведь люди видели его велосипед!

Маккласки ответил, что не может предъявить обвинение велосипеду.

Они спорили несколько минут, прежде чем Кубински вернулся к больной теме – к делу Блейка.

– У нас есть заявление о том, что он повел ребенка в лес. Как быть с этим?

– А кто подал это заявление, Чарли? Никто ведь так и не объявился. Оно ничем не подкреплено.

– Хорошо, а как насчет Билла Меррока?

– Он видел, как Шоукросс выходил из леса в грязных ботинках. Не с окровавленными руками, Чарли, а в грязных ботинках. И в точной дате он не уверен.

– Парень видел, как Карен карабкалась по железным перилам моста.

– Да, но он не видел ее с Шоукроссом. И никто другой не видел ее с Шоукроссом.

Окружной прокурор упомянул еще об одном слабом ме-

сте дела: неточности патологоанатома относительно времени смерти.

– Подумай сам, сколько народу пересекло мост за этот четырехчасовой промежуток времени, – сказал он детективу. – К тому же это был праздничный день.

Кубински рассказал о жестоком обращении убийцы с детьми, о том, как он приставал к этому мальчику Блейку, о его подозрительном поведении на детской площадке. В конце концов, все сотрудники правоохранительных органов на севере штата Нью-Йорк в глубине души знали, что этот человек – безжалостный убийца.

Окружной прокурор снова согласился с этими доводами, но сказал, что не может привлечь полицейских и заслушать их мнение, как не может и представить суду досье бывшего заключенного, пока обвиняемый не выступит в качестве свидетеля, чего он, конечно же, не сделает. Кроме всего прочего, в случае с Блейком никто не установил ни причину, ни время смерти. Полиции даже не удалось обнаружить четкую взаимосвязь Джека с Шоукроссом.

– Разве ты не можешь просто предъявить ему обвинение и посмотреть, что будет дальше? – спросил детектив.

– Это слишком большой риск, Чарли. Если мы обратимся в суд и проиграем, то уже никогда не сможем предъявить обвинение по этому делу.

Кубински подумал, что этот проклятый закон о двойной ответственности прекрасно защищает права преступников.

Но кто, черт возьми, защищает права обычных людей?

9. Мэри Блейк

Получив наконец останки Джека, мы организовали похороны с помощью похоронного бюро Харта. Мы ждали нашего священника, отца Доста, но он прислал своего помощника. Думаю, что-то случилось.

В похоронном бюро было холодно, священник не знал Джека и не знал, что о нем сказать. Что сказать о мальчике, которого ты никогда не видел, о маленьком человечке, которого убили, а полиция даже никого не обвинила?

Там были мы, члены семьи, и несколько одноклассников Джека из пятого класса школы Уайли. Конечно, гроб был закрытым. Останки Джека наверняка еще лежали в пластиковых пакетах в холодильнике муниципального здания. Позже мы с моей подругой Джозефин говорили о том, чтобы выкопать гроб и посмотреть, действительно ли они его похоронили.

Я старалась быть спокойной, но когда услышала, как плачут другие мои дети, тоже заплакала. Нам так не хватало Джека. Через месяц, 18 октября 1972 года, ему исполнилось бы одиннадцать лет.

Мой брат Ирвин был смотрителем на кладбище Норт-Уотертаун, недалеко от того места, где нашли тело Джека. Ирвин поставил на могилу бетонный блок, и люди начали со-

бирать деньги на обычное надгробие, но шеф полиции Лофтус наложил на это запрет. Во всяком случае, так я слышала. Точно я знаю лишь то, что мы не увидели ни цента из этих денег. Со свиномазыми мы в то время не разговаривали.

Джек собирал красивые камни, и я нашла хороший камень, чтобы отметить им его могилу. Но Ирвин так и не положил этот камень. Не знаю, забыл ли он о нем или еще почему-то не сделал.

Однажды к нам домой зашел друг семьи.

– Привет, Мэри, хочу тебя прокатить.

– Куда? – спросила я.

– Не задавай вопросов. Просто поехали со мной.

– Не хочу я с тобой ехать, – сказала я. – Ты опять нюхал клей.

– Пожалуйста, Мэри, на этот раз я буду осторожен.

Я подошла к его машине, и мой пьяный муж уже сидел на заднем сиденье. Я поняла, они что-то задумали. Они отвезли меня на могилу Джека, и там стояла прекрасная статуя Иисуса и Девы Марии! Они сказали, что забрали ее с какого-то кладбища в Пенсильвании.

Несколько недель спустя статую кто-то украл. Никогда в жизни не слышала о большей мерзости.

10.

Во вторник, 17 октября, в 8:00 утра, через две недели по-

сле ареста Артура Шоукросса, в кабинете окружного судьи Милтона Уилтса состоялось слушание за закрытыми дверями. Формально судебное разбирательство было открыто для публики, но в маленькой комнате столпилось так много представителей закона, что репортерам пришлось стоять в коридоре, вытягивая шеи.

В здании суда округа Джефферсон была усилена охрана. В течение нескольких дней офис шерифа и управление полиции принимали звонки от граждан, которые грозили учинить что угодно – от простой казни до публичной демонстрации причиндалов убийцы на площади. Шоукросс уже подвергся нападению со стороны кухонного надзирателя в тюрьме, после чего был заперт в своей камере по соображениям безопасности.

В ходе спокойного судебного разбирательства окружной прокурор Маккласки сообщил судье, что смягчил подсудимому обвинение в убийстве Карен Хилл до непредумышленного убийства первой степени. Он процитировал раздел уголовного законодательства штата Нью-Йорк, призывающий признавать непредумышленное убийство в случаях, связанных с «крайним эмоциональным расстройством». Он отметил два основных недостатка в деле об убийстве штата: признание Шоукросса было расплывчатым («Наверное, я это сделал, но на самом деле я не помню, как это делал»), и те немногие свидетели, с которыми удалось поговорить, не смогли указать взаимосвязь между обвиняемым и жертвой.

Ни один суд присяжных не вынес бы обвинительный приговор на основании таких скудных улик.

Затем окружной прокурор перешел ко второму элементу сделки: признанию Шоукросса в том, что он убил Джека Блейка. Маккласки заметил, что не было иного способа закрыть дело Блейка, кроме как получить добровольное заявление, а все обеспокоенные родители в округе Джефферсон заслуживали того, чтобы знать – человек, совершивший это убийство, изолирован от общества.

Судья Уилтс обратился к Шоукроссу с вопросом:

– Отдаете ли вы себе отчет в том, что делаете?

– Да, ваша честь, – ответил убийца едва слышно.

На нем был тот аккуратный спортивный костюм, который он надевал вместо тюремного комбинезона для выступлений в суде. На вопрос, признает ли он себя виновным, Шоукросс ответил:

– Виновен, ваша честь.

Адвокат защиты Дирдорф потребовал, чтобы его подзащитному была назначена программа лечения, «а не длительный тюремный срок», утверждая, что никакое тюремное заключение не вернет погибших детей.

Пока Шоукросс, заняв свою обычную кроткую позу, смотрел в пол, судья Уилтс зачитал неокончательный приговор: до двадцати пяти лет лишения свободы. Чисто формально при назначении минимального наказания и по решению комиссии штата по условно-досрочному освобождению Шоук-

росса могли освободить уже через десять месяцев, но все в зале суда ожидали, что детоубийца получит по максимуму.

В 8:48, через восемнадцать минут после начала слушания, Шоукросса, скованного наручниками с судебным приставом, торопливо вывели через боковую дверь в окружении шерифа Энджела, заместителя шерифа, трех помощников шерифа и трех детективов. Старший детектив остался дома. Чарли Кубински все еще был убежден, что прокурор, как он выразился позже, «не пойдет на уступки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.